

“ЯРОСТЬ”

СТИВЕН
КИНГ

king
stephen
“RAGE”

*При увеличении числа переменных аксиомы сами по себе не изменяются.
Миссис Андервуд*

*Вот опять звенит звонок,
Начинается урок.
К его концу мы в десять раз
Знать будем больше, чем сейчас.*

Детский стишок

Глава 1

Утро, с которого все и началось, было замечательным. Прекрасное майское утро. А все благодаря белке, которую я заметил на втором уроке алгебры, и тому обстоятельству, что я сумел удержать свой завтрак в желудке.

Я сидел в самом дальнем углу от двери, возле окна, и увидел белку, резвящуюся на лужайке. Лужайка пласервилльской высшей школы замечательна хотя бы тем, что не загажена. Она подходит вплотную к зданию школы. Никто, по крайней мере за время моего четырехлетнего пребывания в стенах вышеупомянутого учреждения, не пытался отгородить лужайку от здания с помощью клумб, миниатюрных сосен и тому подобного дерьма. Трава

взбирается на бетонный фундамент и растет там, нравится вам это или нет. Правда, два года назад на городском собрании какая-то баба предложила построить павильон напротив школы, в котором размещался бы мемориал в честь парней из нашего заведения, убитых на войне. Мой друг Джо Мак-Кеннеди был там и сказал, что они ничего не предоставили ей, кроме возможности удалиться.

Я хочу снова оказаться там, в том времени, о котором говорил Джо. Это были действительно хорошие времена. Два года тому назад. Мое прошлое, которому я обязан наилучшими воспоминаниями. Примерно тогда я и начал сходиться с ума.

Глава 2

Итак, 9.05 утра. В этот момент я увидел белку не более, чем в десяти шагах от класса, в котором я слушал миссис Андервуд. Ее нудный голос возвращал нас к основам алгебры после ужасного экзамена, который никто не сдал, кроме меня и Теда Джонса. Как я уже говорил вам, я задержал взгляд на ней. На белке, а не на миссис Андервуд.

Миссис Андервуд написала на доске: $a=16$.

— Мисс Кросс, — сказала она, обернувшись. — Будьте добры, объясните нам, что это значит?

— Это значит, что $a=16$, — ответила Сандра.

Тем временем белка носилась туда-сюда по траве, распушив хвост. Ее черные глазки сияли как бусинки. Прекрасное упитанное создание. Я больше не дрожал и не чувствовал боли в желудке. Мне стало скучно.

— Неплохо, — промолвила миссис Андервуд. — Но это еще не все, не правда ли? Нет. Кто-нибудь может поподробнее разобрать это замечательное уравнение?

Я поднял руку, но она вызвала Билли Сойера.

— Восемь плюс восемь, — выпалил он.

— Объясните.

— Мне кажется, что это... — Билли заерзал. Его пальцы суетливо ощупывали неровности парты, на которой было нацарапано: «Дерьмо, Томми, 73».

— Видите ли, если добавить к восьми восемь, то это значит...

— Не хотите ли воспользоваться моим справочником? — спросила миссис Андервуд, насмешливо улыбаясь.

Внезапно дал о себе знать мой желудок, и завтрак стал рваться наружу, поэтому я снова уставился на белку. Улыбка миссис Андервуд напоминала улыбку акулы.

Кэрл Гренджер подняла руку. Миссис Андервуд кивнула.

— Он имеет в виду, что восемь плюс восемь тоже удовлетворяет условиям уравнения?

— Я не знаю, что он имеет в виду, — сказала миссис Андервуд.

Все захохотали.

— Вы можете предложить какое-нибудь другое решение, мисс Гренджер?

Кэрл открыла рот, но тут раздался звонок внутренней связи.

— Чарльз Деккер, Вас вызывают в офис. Чарльз Деккер. Спасибо.

Я посмотрел на миссис Андервуд, и она кивнула. Мой желудок болел все сильнее и сильнее. Я встал и вышел из комнаты. Когда я шел к двери, белка все еще носилась по лужайке.

Я уже прошел половину пути, когда мне показалось, что я услышал голос миссис Андервуд. Казалось, она преследует меня, подняв сжатые в кулаки руки и растянув рот в огромной акульей улыбке.

— Нам не нужны парни, подобные тебе... Такие парни должны находиться в Гринмэнтле... Или в исправительной колонии для несовершеннолетних... Или в клинике для душевнобольных. Поэтому убирайся! Проваливай! Проваливай!

Я обернулся, нащупывая в заднем кармане гаечный ключ. Сейчас мой завтрак напоминал огромный горячий шар, обжигающий внутренности. Обернувшись, я никого не увидел. Тем не менее, я не испугался. Я прочел слишком много книг.

Глава 3

Я зашел в ванную, чтобы отправить естественные потребности и съесть несколько ритцевских крекеров. Я всегда ношу с собой несколько ритцевских крекеров. Когда ваш желудок плох, эта пища творит настоящие чудеса. Сотни тысяч беременных женщин не могут ошибаться. Я думал о Сандре Кросс, чей ответ в классе несколько минут назад был не так уж плох. Я думал о ее удивительной способности терять пуговицы. Она всегда теряла их — от блузок, от юбок. А однажды, когда я пригласил ее потанцевать на школьной дискотеке, у нее оторвалась пуговица на джинсах. Ее «Вранглеры» чуть было не свалились на пол. До того, как она осознала, что случилось, молния на джинсах практически разъехалась, обнажая треугольник белых трусиков. Трусики были тесные, белые и чистые. Они были безупречны. Они плотно облевали низ ее живота. При любом движении на них образовывались складки... Как только Сандра поняла, что случилось, она кинулась в дамскую комнату, оставив меня в приятных размышлениях о Паре Совершенных Трусиков. Сандра была Классная Девчонка, потому что всем известно, что Классные Девчонки носят только белые трусики.

Но мистер Денвер вкрался в мои размышления, изгнав из них Сандру и ее непорочные трусики. Вы не можете управлять своими мыслями; и всякое дерьмо продолжает лезть вам в голову. Тем не менее, я чувствовал большую симпатию к Сандре, хотя она никогда не смогла бы решить квадратное уравнение. Если мистер Денвер и мистер Грейс решили отправить меня в Грин Мэнтол, я могу больше никогда ее не увидеть. А это было бы ужасно.

Я поднялся с унитаза, смел в него крошки от крекеров и смыл их. Туалеты высших школ везде одинаковы. Они режут как сирены. Я терпеть не могу дергать за ручку смывного бачка. Таким образом вы оповещаете всех в округе о своих интимных делах. И каждый думает: «Ну вот, одним дерьмом стало больше». Я всегда считал, что человек должен находиться наедине с тем, что, будучи ребенком, я называл не иначе как лимонад и шоколад. Ванная комната должна быть чем-то вроде исповедальни. Но они выслеживают вас. Они всегда ставят вас в тупик. Вы не можете высморкаться, чтобы об этом не узнали окружающие. Кто-нибудь все равно узнает, кто-нибудь все равно вас выследит. Люди, подобные мистеру Денверу и мистеру Грейсу, даже готовы заплатить за это.

Я вышел в холл, прикрыв за собой дверь, которая ужасно закричала. Я остановился, оглядываясь вокруг. Был слышен звук, похожий на жужжание пчелиного улья, который напоминал о том, что снова пришла среда, утро среды, десять минут десятого.

Я вернулся в ванную комнату и показал все, на что я способен. Я хотел нацарапать что-нибудь остроумное на стене типа: «Сандра Кросс носит белые трусики», но вдруг я увидел выражение моего лица в зеркале. Под глазами у меня были синие круги. Ноздри были некрасиво раздуты. Рот напоминал белую сжатую линию.

Я написал «Дерьмо» на стене, но внезапно карандаш сломался в моих трясущихся пальцах. Он упал на пол, и я пнул его.

Позади меня раздался какой-то звук. Я не обернулся. Я закрыл глаза и дышал медленно и глубоко до тех пор, пока не пришел в себя. Затем я поднялся наверх.

Глава 4

Административный офис пласервилльской высшей школы находится на третьем этаже, вместе с учебным залом, библиотекой и комнатой 300, где стоят печатные машинки. Когда вы входите в нее, первое, что вы слышите, это непрерывный стук. Он становится тише только тогда, когда звенит звонок или что-нибудь говорит миссис Грин. Я догадываюсь, что обычно она не очень красноречива, поскольку перекричать печатные машинки ей удается с трудом. Всего их тридцать, целый взвод серых «Ундервудов». Они пронумерованы, поэтому можно узнать, какая из них ваша. Звук никогда не прекращается, с сентября до июня. У меня этот звук всегда ассоциируется с ожиданием в приемной мистера Денвера или мистера Грейса, настоящего алкоголика. Это напоминает мне фильмы о джунглях, где герой во время сафари в одном из глухих уголков Африки говорит:

«Почему они не прекратят свой дурацкий барабанный бой?» А когда дурацкий барабанный бой прекращается, он смотрит недоуменно и говорит: «Мне это не нравится. Слишком тихо».

Я специально немного опоздал, чтобы мистер Денвер был готов принять меня, но секретарша, мисс Марбл, только засмеялась и сказала:

— Садитесь, Чарли. Мистер Денвер Вас вызовет.

Поэтому я сел, опершись руками на перила, и стал ждать, когда мистер Денвер меня вызовет. И кто, вы думаете, сидел на соседнем стуле, если не Эл Латроп, один из лучших друзей моего отца? Мы обменялись кривыми улыбками. Он держал на коленях портфель, рядом лежала пачка учебников. Раньше я никогда не видел его в костюме. Он и мой отец были заядлыми охотниками. Убийцы грозных острозубых оленей и серых куропаток.

Однажды отец и его друзья взяли меня с собой на охоту. Это мероприятие, инициатором которого был мой отец, являлось частью нескончаемой кампании «Сделать мужчину из моего сына».

— Привет! — сказал я и одарил его самой дерьмовой ухмылкой, на которую был способен.

Надо вам сказать, он подпрыгнул так, как будто знал обо мне все.

— О, хо-хо, Чарли.

Он мельком взглянул на мисс Марбл, но она с миссис Венсон просматривала списки присутствующих возле соседней двери. Помощи ждать не от кого. Он был совсем один с придурком Чарли Деккером, парнем, который недавно чуть не убил преподавателя химии и физики.

— Бизнес-поездка? — спросил я его.

— Угу, правильно, — он оскалился. — Вот, продаю старые книги.

— Ну как, устроим соревнование, а?

Он снова подпрыгнул.

— Ну, что-то выиграешь, что-то потеряешь. Ты ведь знаешь, Чарли.

Да, я знал это. Но мне больше не хотелось над ним издеваться. Ему было сорок лет, он лысел, под глазами были крокодильи мешки. Он ездил из школы в школу в вагоне, груженном учебниками, и всего лишь раз в год, в ноябре, позволял себе отдохнуть, отправляясь с моим отцом и друзьями на охоту в верховья Алагаша. Однажды я поехал с ними. Мне было девять лет. Когда я проснулся, все были вдребезги пьяны. Вот все, что было. Но этот человек не был чудовищем. Он был всего лишь сорокалетним лысым мужиком и пытался заработать бабки. И если я услышу, как он говорит, что убьет свою жену, то я этому не поверю. В конце концов, именно у меня руки были запачканы кровью.

Но мне не нравилось то, как его глаза шарили вокруг. И в какой-то момент — только момент — мне захотелось схватить его за горло, притянуть его лицо к своему и завизжать в него: «Ты и мой отец, и все ваши друзья, вам всем придется пойти туда со мной. Вам всем придется пойти со мной в Грин Мэнтол, потому что вы все в ней, вы все в ней, вы все часть этого». Тем не менее, я сел и продолжал смотреть на него, потя и вспоминая старые времена.

Глава 5

Я проснулся, дрожа от кошмарного сна, которого я не видел уже в течение многих лет. Мне приснилось, что я шел по темной глухой аллее, а сзади подкрадывалось что-то неведомое, какой-то черный горбатый монстр, скрипящий и тащившийся за мной. Монстр, один взгляд которого превратит меня в сумасшедшего. Ужасный сон. Последний раз он снился мне в детстве. Но сейчас я уже вырос. Мне девять лет.

Сначала я не понял, где я нахожусь, но был уверен, что не дома, не в своей постели. Было слишком темно, отовсюду доносились различные запахи. Я промерз до костей, что-то стесняло движения, и мне ужасно хотелось в туалет.

Вдруг раздался резкий взрыв хохота, который заставил меня дернуться в моей кровати. На самом деле это была не кровать, а спальный мешок.

— Она из тех трахающихся баб, — сказал Эл Латроп из-за брезентовой стены, отделявшей меня от него. — Трахающаяся — самое подходящее слово в данном случае. Кемпинг, я находился в кемпинге с отцом и его друзьями. Мне не хотелось выходить.

— Да, но как ты собираешься это осуществить, Эл? Вот что мне хотелось бы знать.

Это был Скотти Норвис, еще один дружок отца. Он говорил очень невнятно, глотая слова. Меня снова охватил страх. Они были пьяны вдребезги.

— Я только выключил свет и представил себе, что я с женой Деккера, — сказал Эл. Последовал еще один взрыв смеха, который заставил меня задрожать от страха и съежиться в спальном мешке. О, Боже, мне ужасно хотелось в туалет, хотелось выплеснуть лимонад, как хотите, так и называйте это. Но я не мог выйти из палатки, так как они были пьяны.

Я повернулся к стене палатки и обнаружил, что могу наблюдать за ними. Они сидели между тентом и костром, а их тени, высокие и странные, проектировались на брезент. Казалось, что я присутствую на спектакле театра теней. Я видел тень-бутылку, переходящую от одной тени руки к следующей.

— Знаешь ли ты, что я сделаю, если поймаю тебя с моей женой? — спросил мой отец Эла.

— Наверное, спросишь, не нужна ли мне какая-нибудь помощь, — хихикнул Эл.

Последовал взрыв хохота. Удлиненные тени-головы метались по «экрану» туда-сюда, словно ликующие насекомые. Они совсем не были похожи на людей. Они выглядели как стадо молящихся богомоллов, и я испугался.

— Нет, серьезно, — сказал мой отец. — Серьезно. Знаешь ли ты, что я сделаю, если застаю тебя с моей женой?

— Что, Карл?

Это был Ренди Эрл.

— Видите это?

Новая тень на брезенте. Охотничий нож отца, рукоятку которого он вырезал из дерева. Я недавно видел, как он этим ножом потрошил оленя, вонзив его по рукоятку в брюхо. Внутренности, от которых шел пар, вывалились на ковер из иголок и мха. Огонь и угол, под которым отец держал нож, превратили его в копьё.

— Видишь это, сукин сын? Если я поймаю кого-нибудь с моей женой, я повалю его на спину и отрежу ему член.

— Он будет ссать сидя до конца своих дней, правда, Карл?

Это был Хьюги Левескай, проводник. Я притянул колени к груди и крепко обнял их. Мне никогда не хотелось в туалет так сильно, как сейчас. Ни до того, ни после.

— Ты чертовски прав, — сказал Карл Деккер, мой дерьмовый отец.

— О, а как быть с женщиной в этом случае, Карл? — спросил Эл Латроп. Он был ужасно пьян. Я даже мог сказать, какая тень принадлежала ему.

Он раскачивался взад-вперед, как будто он сидел в лодке, а не на бревне возле огня.

— Интересно, а что ты сделаешь с женщиной, которая впустит кого-нибудь через черный вход, а?

Охотничий нож, превратившийся в копьё, медленно двигался взад-вперед.

— Ирокезы использовали ножи для разрезания носов. Идея состояла в том, чтобы изобразить на лице половые органы. Таким образом, каждый человек в племени мог видеть, какая часть тела приносит им больше всего бед, — сказал мой отец.

Я убрал руки с колен и сжал ими промежность. Я сгреб мои причиндалы в кулак и наблюдал за тем, как тень от ножа медленно двигалась вперед и назад. У меня началась страшная боль в желудке. Я могу напустить в спальный мешок, если не потороплюсь.

— Разрезать им носы, а? — сказал Ренди. — Чертовски хорошо сказано. Если все будут так поступать, то половина женщин в Пласервилле будет иметь дыры в двух местах.

— Но не моя жена, — спокойно произнес отец. Его голос был внятен и резок. На лице Ренди улыбка превратилась в гримасу.

— Нет, конечно нет, Карл, — беспокойно заерзал Ренди. — Эй, дерьмо. Наливай.

Тень моего отца снова подняла бутылку.

— Я не буду разрезать ей нос, — сообщил Эл Латроп. — Я просто размажу ее проклятую голову.

— Ну-с, приступим, — сказал Хьюги. — Я наливаю.

Я не мог больше терпеть. Я выскочил из спального мешка, и морозный холодный октябрьский воздух начал щипать мое тело, которое было полностью обнаженным, не считая шорт. Казалось, что мой петушок хотел вжаться в тело. Одна мысль все вращалась и вращалась в моем мозгу — я догадываюсь, что еще не проснулся полностью — и вся беседа казалась мне сном, возможно, продолжением сна про скрипящего монстра из аллеи. Когда я был маленьким, я забирался в мамину постель после того, как отец надевал униформу и уезжал на работу. Я использовал эту возможность, чтобы поспать возле нее часок или полтора до завтрака.

Черные, страшные огненные тени, похожие на молящихся богомоллов. Я не хотел находиться здесь, в этих лесах, в семидесяти милях от ближайшего города, с этими пьяными мужиками. Я хотел к маме. Я вылез из палатки. Отец повернулся мне навстречу. Он все еще держал в руке охотничий нож. Он посмотрел на меня, я посмотрел на него. Я никогда не забуду этого зрелища. Мой отец с красноватой небритой щетиной на лице, в охотничьей шапке, и охотничий нож в его руке. Беседа сразу же прекратилась. Они, наверное, поняли, как много я услышал. Возможно, они даже устыдились.

— Какого черта тебе нужно? — спросил отец, вытаскивая нож из футляра.

— Дай ему выпить, Карл, — мерзко хихикнул Ренди, и снова раздался хохот. Ренди был пьян в дым.

— Я хочу писать, — взмолился я.

— Давай быстрее, ради Христа, — рявкнул отец.

Я побежал в рощу и судорожно попытался облегчиться. Очень долго у меня ничего не получалось. Казалось, внизу живота застыл горячий мягкий свинцовый шар. Я ничего не мог поделывать со своим пенисом — от холода он совсем скукожился. Наконец, шар превратился в жидкость, и когда она вылилась из меня, я вернулся в палатку и залез в спальный мешок. Никто не смотрел на меня. Они разговаривали о войне. Они все в ней участвовали.

Мой отец убил оленя три дня спустя, в последний день охоты. Я был с ним. Он убил его идеально, попав в мышцу между шеей и плечом. Олень упал, превратившись в грудку мяса, и тотчас же потерял всю свою грацию.

Мы подошли к нему. Мой отец счастливо улыбался. Он расчехлил свой нож. Я знал, что сейчас произойдет, знал, что меня стошнит. Но я не мог ничего сделать. Отец твердо поставил сапог на тушу, дернул оленя за ногу и воткнул в нее нож. Затем вспорол брюхо, и кишки животного вывалились на траву. Я отвернулся и извергнул свой завтрак на землю.

Когда я повернулся к отцу, он смотрел на меня. Он не сказал ни слова, но я прочел в его глазах презрение и разочарование. С тех пор я видел это выражение достаточно часто. Я тоже ничего не сказал. Но если бы я смог, то произнес бы: «Это не то, что ты думаешь».

Это был первый и последний раз, когда я ездил с отцом на охоту.

Глава 6

Эл Латроп все еще листал учебники и притворялся слишком занятым, чтобы поддерживать со мной беседу. На столе мисс Марбл зазвонил телефон, и она улыбнулась мне так, словно нас связывала некая интимная тайна.

— Вы можете войти, Чарли, — сказала она. Я поднялся со стула.

— Желаю удачно продать учебники, Эл!

— Я в этом не сомневаюсь, Чарли, — хмыкнул он в ответ, одарив меня нервной и лицемерной улыбкой.

Я прошел через приемную, оставив справа встроенный в стену сейф, а слева — заваленный бумагами стол мисс Марбл. Прямо передо мной была матовая стеклянная дверь. На стекле красовалась надпись: «Томас Денвер — директор колледжа». Я вошел в нее.

Мистер Денвер был высоким мертвенно-бледным мужчиной, чем-то похожим на Джона Каррадина. Он был лыс и тощ — кожа да кости. У него были длинные руки с выпирающими суставами. На шее болтался галстук, верхняя пуговица на рубашке была расстегнута. Кожа на шее имела сероватый оттенок, на ней виднелись следы раздражения от бритья.

— Садитесь, Чарли.

Я сел и сложил руки так, как это умею делать только я. Эту привычку я унаследовал от отца. В окно позади мистера Денвера я мог видеть лужайку, но не дорогу к зданию.

— Трудновато увидеть дорогу отсюда, не правда ли? — хрюкнул он.

Мистер Денвер хрюкал неподражаемо. Если бы существовал Конкурс на Лучшего Хрюкальщика, я бы поставил на него все свои деньги. Я откинул волосы с глаз.

На столе мистера Денвера, загроможденном всевозможными предметами еще более, чем стол мисс Марбл, лежала фотография его семьи. Семья выглядела хорошо упитанной и ладно скроенной. Жена толстовата, но дети миловидны как пуговички и ни капельки не похожи на Джона Каррадина. Две маленькие девочки, обе — блондинки.

— Дон Грейс закончил свой доклад, он находится у меня с прошлого четверга. Я тщательно ознакомился с его выводами и рекомендациями. Дело очень серьезное. Я имею в виду случай с Джоном Карлсоном.

— Как он? — спросил я.

— Неплохо. Я думаю, что он вернется через месяц.

— Это радует.

— Да? — моргнув глазами как ящерица, спросил он.

— Я не убил его. Это радует.

— Да, — мистер Денвер смотрел на меня пристально. — Вы сожалеете об этом?

— Нет.

Он наклонился вперед, пододвинул свой стул к письменному столу, покачал головой и начал:

— Я пребываю в замешательстве, когда я вынужден разговаривать таким образом как с Вами, Чарли. Я озадачен и опечален. Я работаю в школе с 1947 года, и до сих пор не могу понять многих вещей. В 1959 году у нас был странный мальчик, который избил школьницу из младшего класса бейсбольной битой. Недавно нам пришлось отправить его в Южный Портлендский Исправительный Институт. И все из-за того, что она не захотела пойти с ним погулять. Это единственное, что он смог сказать в свое оправдание. Затем он громко рассмеялся.

Мистер Денвер покачал головой.

— Не пытайтесь.

— Что?

— Не пытайтесь понять того парня. Не стоит тратить на это время.

— Но почему, Чарли? Почему ты сделал это? Боже мой, мистер Карлсон находился на операционном столе почти четыре часа.

— «Почему?» — вопрос мистера Грейса. Он — школьный сыщик. А Вы спрашиваете об этом, просто чтобы украсить свою проповедь. Я не собираюсь отвечать на Ваши вопросы. Мистер Карлсон мог умереть или выжить. Он жив. Я рад этому факту. Вы делаете то, что должны делать. То, что Вы намерены делать. Но не пытайтесь понять меня.

— Чарли, понимание — часть моей работы.

— А на мне не лежит обязанность Вам в этом помогать, — отпарировал я. — Но я помогу, если Вы намерены общаться в открытую, о'кей?

— О'кей.

Я положил руки на колени. Они дрожали.

— Меня тошнит от Вас, мистера Грейса и вам подобных. Вы привыкли держать меня в страхе и все еще продолжаете меня запугивать. Это утомляет, и я не намерен мириться с таким положением вещей. Плевать я хотел на Ваше мнение. Вы не имеете на меня никаких прав. Поэтому отойдите в сторону. Я предупреждаю: отступитесь. Не вмешивайтесь.

Мой голос повысился до звенящего крика.

Мистер Денвер вздохнул.

— Это Вы так думаете, Чарли. Но законы штата говорят о другом. После ознакомления с отчетом мистера Грейса мне стало ясно, что Вы не понимаете своих поступков и последствий того, что Вы натворили. Вы неуправляемы, Чарли.

Вы неуправляемы, Чарли.

У ирокезов есть обычай — разрезать женщинам носы... Чтобы каждый в племени мог видеть, какая часть тела ввергает его в беду.

Эти слова отдавались эхом в моей голове, как камни, брошенные в колодец. Слова-акулы, слова-челюсти, намеревающиеся меня сожрать. Слова с зубами и глазами.

Так все и началось. Я знал это, поскольку нечто подобное случилось со мной во время разборки с мистером Карлсоном. Мои руки перестали дрожать. Боль в желудке утихла. Внутри все будто заледенело. Я чувствовал себя независимым не только от мистера Денвера и его бритой шеи, но и от самого себя. Мое тело было почти невесомым.

Мистер Денвер что-то говорил о подходящем адвокате и психиатрической помощи, но я прервал его.

— Идите к черту!

Он запнулся и уставился на меня, оторвав взгляд от бумаг. Наверняка это было что-то из моего личного дела. Великое Американское Досье.

— Что? — спросил он.

— К черту! Не судите, да не судимы будете. А как насчет ненормальных в Вашей семье?

— Мы обсудим это, Чарли, — сказал он, чеканя каждое слово. — Я никогда не участвовал...

— ...в аморальных сексуальных оргиях, — закончил я вместо него. — Ну, здесь больше никого нет. Только Вы и я, о'кей? Помастурбировем немного. Дайте-ка Вашу руку, продавец индulgенций. Ну, а если зайдет мистер Грейс, то это даже к лучшему. Устроим групповуху.

— Что...

— Каждому когда-нибудь приходится с кем-либо заниматься взаимной мастурбацией, не правда ли? Кто Вам дал право судить меня, решать, что для меня правильно, а что нет? Это позиция дьявола. Дьявол заставил меня посту пить таким образом, и я очень сожа-аа-лею. Почему Вы допустили это? Вы торгуете моим телом. Я — лучшее, что Вы имели с 1959 года.

Мистер Денвер уставился на меня с открытым ртом. С одной стороны, ему хотелось потакать мне. С другой — он уже давно работал в школе (как он только что сообщил мне), а Правило Номер Один для Педагогов гласит: «Не Разрешайте Школьникам Дерзить Вам».

— Чарли...

— Заткнитесь. Мне надоело, что все меня имеют. Ради Бога, мистер Денвер, будьте мужчиной. А если не можете быть мужчиной, наденьте штаны и будьте директором колледжа.

— Заткнись! — хрюкнул он. Его лицо покраснело от злобы. — Молодой человек, Вы — порядочный засранец, которому повезло, что он живет в прогрессивном штате и ходит в прогрессивную школу. Ваше место в исправительной колонии для несовершеннолетних. Там Вы будете толкать свои речи, отбывая срок. Это единственное подходящее для Вас место. Вы...

— Спасибо, — сказал я.

Директор уставился на меня, его сердитые глазки буравили мое лицо.

— Вы ведете себя со мной как с человеком, хотя я и не даю для этого никаких оснований. Это действительно прогресс, — отметил я.

Затем я сел, скрестив ноги.

— Не хотите ли поговорить о том, как Вы бегали за каждой юбкой во время учебы в университете? Помните, какой Вы устроили скандал?

— Вы развращены, молодой человек. У Вас не только грязные слова, но и грязные мысли.

— Да пошел ты... — сказал я и расхохотался ему в лицо.

Он побагровел и встал со стула. Он медленно подошел к письменному столу, медленно, как будто его тело нуждалось в смазке, и схватил меня за шиворот.

— Вы должны разговаривать более уважительно со мной.

Он произнес это почти не дыша, поэтому его голос напоминал сдавленное хрюканье.

— Гадкий маленький подонок, Вы должны разговаривать со мной более почтительно.

— Поцелуй меня в задницу, — сказал я. — Ну-ка, расскажи, как ты бегал по бабам. И тебе полегчает. Брось нам свои трусы! Брось нам свои трусы!

Он отошел от меня, прижимая руки к телу, словно его только что укусила в пах бешеная собака.

— Вон отсюда! — заорал он. — Принеси свои учебники, оставь их здесь, а затем убирайся. Твое исключение из школы и перевод в Гринмэнтл вступает в силу с понедельника. Я поговорю с твоими родителями по телефону. А сейчас убирайся. Я не хочу больше тебя видеть.

Я встал, расстегнул две нижние пуговицы на рубашке, вытащил ее из брюк и расстегнул ширинку. До того, как он успел сделать какое-либо движение, я открыл дверь и, шатаясь, вышел в приемную. Мисс Марбл и Эл Латроп сидели за письменным столом. Они оба посмотрели на меня с испугом и переглянулись. Они явно решили сыграть в знаменитую американскую салонную игру под названием «Мы действительно ничего не слышали, не правда ли?»

— Вам лучше присмотреть за нашим директором, — прошептал я. — Мы сидели за столом и разговаривали о его успехе у женщин, как вдруг он перепрыгнул через стол и попытался меня изнасиловать.

Мистер Денвер смотрел на меня через стекло двери. Я удрал, а он остался стоять там, злой как фурия, растерянный и виноватый одновременно.

— Пусть кто-нибудь позаботится о нем, — сказал я, а затем прошептал мистеру Денверу: — Брось нам свои трусы, о'кей?

Я открыл дверь и медленно вышел из приемной, застегивая пуговицы и ширинку, заправляя рубашку. Это был самый подходящий момент, чтобы оправдаться. Но он не сказал ни слова.

Я знал, что старина Том просто был не в состоянии что-нибудь сказать. Он был велик, когда объявлял по внутренней связи о начале школьного ленча, но это совершенно разные вещи — абсолютно разные. Он ничего не мог поделаться со мной. Может быть, он ожидал, что после всего этого мы с улыбкой пожмем друг другу руки и торжественно отметим восьмой семестр моего обучения в Пласервилльской высшей школе. Но несмотря на все случившееся, он действительно не ожидал от меня такого непредсказуемого поступка. Вся эта история могла быть предназначена только для клозета, скомканная вместе с теми непристойными журналами, которые вы никогда не показываете своей жене. Он стоял там, и ничто ему не приходило в голову. Несмотря на все инструкции о том, как вести себя с детьми-хулиганами, он не ожидал, что будет иметь дело со студентом, атакующим его на личном уровне.

Казалось, мистер Денвер сходит с ума. Это ужасно его раздражало. Кто мог понять его лучше, чем я? Я собирался защищаться. Я был готов к этому с тех пор, когда понял, что люди могут следить за мной и контролировать мои действия.

Я предоставил ему шанс.

По пути к лестнице, я ждал, что за мной погонятся. Убегать не хотелось. Я загадал, что либо дойду до угла, либо не достигну его никогда. Погони не последовало.

Это и спровоцировало меня на дальнейшие действия.

Глава 7

Я спускался по лестнице, насвистывая, и чувствовал себя прекрасно. Иногда так бывает. Когда дела плохи, нужно выбросить все из головы и уехать на некоторое время во Флориду. Уходя, вы бросаете взгляд на горящий мост, который подожгли собственными руками.

На втором этаже я столкнулся с незнакомой прыщавой девицей в очках в роговой оправе. Она несла связку учебников по секретарскому делу. Повинуясь какому-то неясному порыву, я обернулся и посмотрел ей вслед. Со спины она могла претендовать на звание Мисс Америка. Это было замечательно.

Глава 8

Холл первого этажа был пуст. Ни души. Слышно было только пчелиное жужжание печатных машинок, благодаря которому все школьные здания современные, из стекла и бетона, либо старые, воняющие краской для полов, похожи друг на друга. Шкафчики для одежды стояли стройными рядами, как часовые. Между ними виднелись проемы дверей и фонтанчики с питьевой водой. В кабинете номер 16 шел второй урок алгебры, но мой шкафчик находился в другом конце зала. Я подошел поближе и внимательно осмотрел его.

Мой шкафчик. Надпись, собственноручно напечатанная мною на специальном бланке, гласила: «Чарльз Деккер». Эти бланки нам выдавали в начале нового учебного года. Мы подписывали их с особым усердием и на первой перемене приклеивали на дверцы. Ритуал был так же стар и священен, как Первое Причастие. На втором курсе мы уже не испытывали былого трепета. Помню, после раздачи бланков, продираясь через толпу в холле, ко мне подошел Джо Мак-Кеннеди с наклеенной карточкой на лбу и похабной улыбкой на лице. Сотни шокированных первокурсников, на груди которых красовались маленькие желтые таблички с именами, взирали с ужасом на это святотатство. Я чуть не надорвал живот от смеха. Естественно, Джо оставили после уроков, но это было великолепно. Это был мой день. Вспоминая об этом, я думаю, что это был мой год.

И вот я снова здесь, между шкафчиками Розанны Дебенс и Карлы Денч, девушки, которая душилась розовой водой каждое утро. Этот запах отнюдь не способствовал удержанию завтрака в моем желудке.

Но все это в прошлом.

Серый шкафчик, пяти футов в высоту, на замке. Висячие замки нам выдавали вначале года вместе с бланками. «Тайтус» — было выгравировано на нем. Я — Тайтус, Полезный Замок.

— Тайтус, старина, — прошептал я. — Старый верный мудак!

Я протянул к нему руку, но в этот момент на меня нашло какое-то странное оцепенение. Тайтус медленно начал удаляться. Казалось, моя рука непонятным образом удлинилась на тысячи миль, заполняя собой образовавшееся пространство. Черная блестящая поверхность

замка взирала на меня успокаивающе, не осуждая, но, конечно, и не оправдывая. На мгновение я закрыл глаза. Мое тело, казалось, обвивали чьи-то невидимые руки.

Когда я пришел в себя, Тайтус был зажат у меня в руке. Пропасть исчезла.

Комбинация цифр на школьных замках несложная. Чтобы открыть мой, нужно повернуть диск влево до цифры шесть, затем вернуться вправо к тридцати, после чего дважды набрать ноль. Тайтус был больше знаменит своей прочностью, а не интеллектом.

Откуда-то сверху раздавался голос мистера Джонсона:

— ...Гессианцам, которые были наемниками, не очень-то хотелось сражаться, особенно, когда бои шли в сельской местности, где прибыль от грабежа была гораздо больше их жалования...

— Гессианцы, — прошептал я, обращаясь к Тайтусу. Затем я бросил его в первую попавшуюся мусорную корзину. Он простодушно уставился на меня из-под груды исписанных бумаг и оберток от сэндвичей.

— ...Гессианцы, эти страшные германские убийцы... Я нагнулся, поднял замок и положил в нагрудный карман, из которого он выпирал, словно пачка сигарет.

— Запомни это, Тайтус, старый грязный киллер, — сказал я и вернулся к своему шкафчику.

Я распахнул его. Там находилась моя школьная форма, а также сверток с объедками, обертки от конфет, почерневший огрызок яблока и пара черных кроссовок. Все это было свернуто в потный, грязный ком. Мой красный нейлоновый пиджак висел на вешалке, а на полке стояли учебники. Все, за исключением алгебры: «Гражданское право», «Французские рассказы и басни» и «Книга о здоровье» — современное издание, на обложке которого были изображены студент и студентка. Изначально в этой книге был параграф о венерических заболеваниях, тщательно вырезанный после единогласного решения школьного комитета. Подозреваю, что эту и другие книги привез в школу старина Эл Латроп. Я взял ее, открыл где-то посередине между «Составные части питания» и «Плаванье для здоровья» и разорвал ее на две части. Это оказалось совсем несложно. С остальными учебниками я поступил точно так же, за исключением «Гражданского права», которое было напечатано на жесткой бумаге. Я бросил все кусочки на дно шкафчика. Затем переломил пополам свою логарифмическую линейку. Фотография Рэжел Уэлч осталась висеть на задней стенке. За книгами у меня была спрятана коробка с патронами.

Я вытащил ее и открыл. В коробке находились двадцать два патрона от винчестера. Маловато. Я добавил еще несколько патронов, которые стащил из ящика письменного стола отца, стоящего в его кабинете. Над столом висела голова оленя. Зверь уставился на меня остекленевшими глазами, когда я брал патроны и ружье. Это был не тот олень, которого отец убил, когда мне было девять лет. Пистолет находился в другом ящике, за коробкой, в которой лежали конверты для деловых писем. Я сомневаюсь, помнил ли отец о том, что оружие все еще там. Фактически, его там уже не было. Сейчас пистолет лежал в кармане моего пиджака. Я вытащил его и засунул за пояс, ощущая себя не Гессианцем, а Биллом Хичкоком.

Я положил патроны в карман штанов и вытащил зажигалку. Я не курил, но зажигалка привлекала внимание окружающих к моей персоне. Я высек искру и поджег вещи, находящиеся в шкафчике.

Пламя, злобно оскалась, пожирало форму, обертки от завтраков и конфетные фантики, затем перекинулось на книги. В воздухе запахло гарью. Некоторое время я смотрел на отблески огня, а затем закрыл дверцу. Как раз над тем местом, где было напечатано мое имя, находились небольшие отверстия, через которые доносился гул пожара. Через минуту из них вырвались маленькие оранжевые язычки пламени. Краска, которой был покрыт шкафчик, начала шелушиться и облезать.

Из кабинета мистера Джонсона вышел мальчик. Он посмотрел на дым, клубящийся из моего шкафчика, затем на меня и заспешил в ванную комнату. Мне кажется, мальчик не видел пистолет. Иначе он смылся бы гораздо быстрее. Я спустился вниз и подошел к комнате номер 16. Перед тем, как взяться за ручку двери, я оглянулся. Дым валил из всех отверстий шкафа. На дверце расплывалось темное пятно. Бумага, на которой еще недавно красовалось мое имя, обуглилась.

Я повернулся и взялся за ручку двери. Я еще на что-то надеялся. Но уже не знал, на что.

Глава 9

— ...отсюда следует, что при увеличении числа переменных аксиомы сами по себе не изменяются. Например... Миссис Андервуд взглянула на меня настороженно, водружая пестрые очки на нос.

— У Вас есть допуск на урок, мистер Деккер?

— Да, — сказал я и вытащил из-за пояса пистолет. У меня даже не было уверенности, что он заряжен. Я выстрелил ей в голову. Миссис Андервуд так и не узнала, что ее ударило, я уверен. Она упала боком на письменный стол, затем скатилась на пол. Выражение ожидания навсегда застыло на ее лице.

Глава 10

Можно жить, убеждая себя, что жизнь логична, прозаична и разумна. Прежде всего разумна. Я в этом уверен. Я потратил много времени на этот вопрос. Никогда не забуду предсмертную декларацию миссис Андервуд: «При увеличении числа переменных аксиомы сами по себе не меняются».

Я действительно верю в это.

Я мыслю — следовательно, я существую. На моем лице волосы, поэтому я бреюсь. Моя жена и ребенок погибли в автокатастрофе, поэтому я молюсь. Все это абсолютно логично и разумно. Мы живем в наилучшем из возможных миров, поэтому дайте мне «Кент» в левую руку, стакан — в правую, включите «Старски и Хатч» и слушайте мелодию, полную гармонии, о медленном вращении Вселенной. Логично и разумно. Реально и неопровержимо как кока-кола.

Но у каждого человека есть два лица: весельчак по имени Джекил и его антипод — мрачный мистер Хайд, зловещая личность по ту сторону зеркала, которая никогда не слышала о бритвах, молитвах и логичности Вселенной. Вы поворачиваете зеркало боком и видите в нем отражение своего лица: наполовину безумное, наполовину осмысленное. Астрономы называют линию между светом и тенью терминатором.

Обратная сторона говорит, что логика Вселенной — это логика ребенка в ковбойском костюмчике, с наслаждением размазывающего леденец на милю вокруг себя. Это логика напалма, паранойи, террористических актов, случайной карциномы. Эта логика пожирает сама себя. Она утверждает, что жизнь — это обезьяна на ветке, что жизнь истерична и непредсказуема как монетка, которую вы подбрасываете, чтобы выяснить, кто будет оплачивать ленч.

Я понимаю, что до поры до времени вам удастся не замечать эту обратную сторону. Но все равно вы неминуемо с ней сталкиваетесь, когда несколько бравых парней решают прокатиться по Индиане, попутно стреляя в детей на велосипедах. Вы сталкиваетесь с ней, когда ваша сестра говорит, что спустится на минутку в универмаг, и там ее убивают во время вооруженного налета. Вы видите лицо мистера Хайда, когда слышите рассуждения вашего отца о том, каким образом разворотить нос вашей матери.

Это колесо рулетки. Не имеет значения, сколько чисел на нем. Принцип маленького катящегося шарика никогда не меняется. Не говорите, что это безумие. Это воплощенное хладнокровие и здравомыслие.

И эта фатальность, она не только вокруг вас. Она и внутри вас, прямо сейчас, растет и развивается в темноте, подобно волшебным грибам. Называйте ее Вещью в Подвале. Называйте ее Движущей Силой. Я представляю ее своим личным динозавром, огромным, скользким и безумным, барахтающимся в болоте моего подсознания и не знающим, за что ухватиться, чтобы не утонуть.

Но это я, и я начал рассказывать вам о них, об учащихся колледжа, которые, говоря метафорически, решили пройтись за молоком, а оказались в эпицентре вооруженного ограбления и были убиты. Я — чемодан с документами, рутинное зерно для газетной мельницы. Тысячи журналистов подстерегают меня на тысячах перекрестков. У меня пятьдесят секунд на «Чанселлор-Бринкли» и полторы колонки в «Тайме». А я стою здесь, перед вами, и говорю, что совершенно нормален.

Итак, о них. Как вы понимаете это выражение? Давайте обсудим.

— У вас есть допуск на урок, мистер Деккер? — спросила она меня.

— Да, — ответил я и вытащил из-за пояса пистолет. У меня не было даже уверенности, что он заряжен. Я выстрелил ей в голову. Миссис Андервуд так и не узнала, что ее ударило.

Она упала боком на письменный стол, а затем скатилась на пол. Выражение ожидания навсегда застыло на ее лице.

Я в здравом уме: я — крупье, парень, который бросает шарик против вращения колеса рулетки. Парень, который кладет свои деньги на четное/нечетное, девушка, положившая деньги на черное/красное... Как насчет них?

Невозможно вычленишь момент времени, выражающий сущность наших жизней. Время между взрывом пороха и вгрызанием пули в тело, между вгрызанием пули и смертью. Существует единственный бессодержательный ответ, который не сообщает ничего нового.

Я выстрелил в нее, она упала; между этими двумя событиями неопишуемый момент тишины, вечность. И мы все сделали шаг назад, наблюдая за катящимся шариком, который, дрожа и подпрыгивая, отмеряет круг за кругом. Он то отрывается от поверхности и летит по воздуху, то опускается и продолжает свой путь: начало и конец, красное и черное, четное и нечетное. Я считал, что момент между выстрелом и падением канул в небытие. Я был в этом уверен. Но иногда, в темноте, мне кажется, что он все еще продолжается, что колесо рулетки еще крутится. И я мечтаю о полном покое.

Похоже ли это на ощущения самоубийц, прыгающих с высотных зданий? Я уверен, они находятся в здравом уме. Вероятно, поэтому они кричат во время падения.

Глава 11

Если бы кто-нибудь из них выкрикнул что-нибудь мелодраматическое в тот момент, что-нибудь типа «о, Боже, он собирается нас всех убить!», это было бы вполне естественно. Они были заперты как овцы, и кто-нибудь агрессивный, вроде Дика Кина, мог бы ударить меня по голове учебником алгебры, таким образом освободив заложников и получив награду «За спасение жителей города».

Но никто не сказал ни слова. Они сидели в звенящей тишине и смотрели выжидательно, как если бы я собирался объявить им, как можно попасть в пласервилльский летний кинотеатр этой ночью.

Я закрыл дверь комнаты, пересек класс и сел за большой учительский стол. Моим ногам было неудобно. Я мог упасть в любой момент. Мне пришлось отодвинуть ноги миссис Андервуд, чтобы втиснуть колени в нишу между тумбами письменного стола. Я положил пистолет на классный журнал, закрыл учебник алгебры и положил его на стопку других книг. В этот момент тишину нарушил высокий пронзительный визг Ирмы Бейтц. Он был похож на предсмертный крик индюка, которому отрезают голову в канун Дня Благодарения. Но было слишком поздно. Каждый уже успел взвесить все за и против. Никто не откликнулся на ее визг, и она замолчала, как бы пристыженная тем, что нарушила тишину во время школьных занятий. Кто-то откашлялся. Кто-то за дверью многозначительно хмыкнул. И Джон «Пиг Пэн» свалился со стула на пол в глубоком обмороке.

Все смотрели на меня ошарашенно.

В холле послышались шаги, и незнакомый голос спросил, не взорвалось ли что-нибудь в химической лаборатории. Кто-то ответил, что не знает. Пронзительно завывала пожарная сирена. Половина ребят в классе автоматически встала.

— Все в порядке, — сказал я. — Это просто мой шкафчик. Я поджег его. Садитесь.

Все сели. Я посмотрел на Сандру Кросс. Она сидела в третьем ряду за четвертой партой и выглядела совершенно спокойной.

На лужайке выстроились шеренги студентов; я мог наблюдать за ними в окно. Белка уже скрылась.

Внезапно дверь распахнулась, я поднял оружие. Мистер Вэнс просунул в нее голову.

— Пожарная тревога, — сказал он. — Каждый... А где миссис Андервуд?

— Убирайся, — рявкнул я.

Он уставился на меня. Это был очень жирный мужик, его волосы были коротко подстрижены. Они выглядели так, как будто какой-то садовник обкорнал их секатором.

— Что? Что Вы сказали?

— Проваливай.

Я выстрелил в него и промахнулся. Пуля попала в верхний косяк двери. Полетели щепки.

— Боже, — с ужасом прошептал кто-то в дальнем углу класса.

Мистер Вэнс не понял, что случилось. Мне кажется, что никто из присутствующих не понял. Все это напоминало мне статью, которую я недавно прочитал в газете, о последнем большом землетрясении в Калифорнии. В ней рассказывалось о женщине, которая бродила

из комнаты в комнату в то время, когда ее дом разваливался на куски, умоляя своего мужа не включать вентилятор.

Мистер Вэнс решил вернуться к началу разговора.

— В здании пожар. Пожалуйста...

— У Чарли есть оружие, мистер Вэнс, — сказал Майк Гэвин таким тоном, как будто говорил о погоде. — Я думаю, Вам лучше...

Вторая пуля попала мистери Вэнсу в горло. Его тело обмякло. Складки жира заколыхались как волны от брошенного в воду камня. Он вывалился в холл, сжимая руками горло.

Ирма Бейтц опять завизжала, но вновь ее никто не поддержал. Если бы визжала Кэрол Гренджер, у которой была куча воздыхателей, то все вышло бы иначе. Но кто хотел петь дуэтом с бедной старой Ирмой Бейтц. У нее даже не было парня. Тем не менее, все с ужасом уставились на мистера Вэнса, который дергался в конвульсиях.

— Тед, — обратился я к Теду Джонсу, который сидел ближе всех к двери. — Закрой ее и запри.

— Ты соображаешь, что ты делаешь? — спросил Тед. Он смотрел на меня с отращением.

— Я еще не знаю всех деталей, — ответил я. — Все-таки захлопни дверь и закрой ее на ключ, о'кей?

Внизу кто-то орал: «Это в шкафу! Это в... Эй, кто-то напал на Пита Вэнса! Принесите воды!..»

Тед Джонс встал, прикрыл дверь и замкнул ее на ключ. Это был высокий парень, одетый в полинявшие джинсы и гимнастерку с оттопыривающимися карманами. Он выглядел великолепно. Я всегда восхищался Тедом, хотя не был вхож в круг, в котором он вращался. Отец подарил ему «Мустанг» последней модели, и он даже не платил за парковку. Он стригся несколько старомодно, и я держу пари, что именно такое лицо стоит перед глазами Ирмы Бейтц, когда она ночью лезет в холодильник за огурцом. С всеамериканским именем типа Тед Джонс он не мог не добиться успеха. Его отец был вице-президентом пласервилльского банка и треста.

— А теперь что? — спросил Харман Джексон. Он был совершенно сбит с толку.

— Хм. — Я снова опустил пистолет на классный журнал. — Пусть кто-нибудь попытается поднять Пиг Пэна. Он запачкает рубашку. Вернее, сделает ее еще более грязной.

Сара Пастерн истерически захохотала и зажала рот руками. Джордж Янек, сосед Пиг Пэна, наклонился над ним и начал хлопать по щекам. Пиг Пэн застонал, открыл глаза, закатил их и сказал: «Он убивает Книжных Баб». Послышалось несколько истерических смешков. Они рассыпались по классу как попкорн. Миссис Андервуд всегда носила с собой два клетчатых пластиковых портфеля. Ее также называли «Двуствольная Сью».

Пиг Пэн тряхнул головой, снова закатил глаза и зарыдал.

Кто-то постучал в дверь, повернул ручку и завопил:

«Эй? Эй, вы там!» Кажется, это был мистер Джонсон, который только что распинался о Гессианцах. Я поднял пистолет и выстрелил в дверь. Пуля проделала аккуратное маленькое отверстие на уровне человеческой головы. Мистер Джонсон бросился наутек, словно сметающая все на своем пути субмарина. Класс, за исключением Теда, наблюдал за происходящим с явным интересом, как за перипетиями приключенческого кинофильма.

— У кого-то из них есть ружье! — крикнул мистер Джонсон.

За дверью послышались неясные звуки. Мне показалось, что Джонсон удалился на четвереньках. Сирена пожарной тревоги продолжала надрываться.

— А что теперь? — опять поинтересовался Харман Джексон.

Это был невысокого роста парень с постоянной гнусной ухмылкой на лице. Но сейчас он выглядел совершенно беспомощным.

Мне не хотелось раздумывать над ответом, поэтому я пропустил его реплику мимо ушей. Снаружи толпились ученики, разговаривая и показывая пальцами на окна нашей комнаты. Спустя некоторое время несколько учителей-мужчин начали заталкивать их в спортзал, находящийся в боковой пристройке. Истерически завывала городская сирена на здании муниципалитета.

— Это похоже на конец света, — мягко сказала Сандра Кросс.

Я ничего не ответил.

Глава 12

Никто не произнес ни слова до тех пор, пока к школе не подъехали пять машин. Ребята смотрели на меня, а я на них. Они могли удрать, но почему-то этого не сделали. Почему они не удрали, Чарли? Что ты сделал с ними? Если я начну объяснять, то скажу примерно следующее. Вы забыли, что значит быть ребенком, жить рядом с насилием, с банальным мордобоем в гимнастическом зале, уличными скандалами в Левистоне, драками и убийствами в кинофильмах. Большинство из вас видело в кинотеатре фильм о том, как маленькую девочку вырвало гороховым супом прямо на священника. Старые книжные бабы не идут с этим ни в какое сравнение.

Я же не сделал ничего подобного. Я заявляю, что американские дети всю свою жизнь подвергаются насилию, реальному и воображаемому. И вот я здесь. Это похоже на отрывок из фильма «Бонни и Клайд». Единственное, чего мне не хватает, так это кукурузы.

Я знаю, они думают, что в конце концов все закончится хорошо. Они не могут думать иначе.

Надеются ли они, что я убью кого-нибудь еще?

Послышалось завывание сирены. Кажется, это была «скорая помощь». Когда-нибудь настанут светлые времена, и фургоны с красным крестом будут появляться на сцене в критический момент, когда это действительно необходимо. И люди в белых халатах с сияющими нимбами вокруг головы всегда придут к вам на помощь, будьте уверены. Когда-нибудь.

Глава 13

Примчались пожарники. Впереди бригадир, за ним его команда, вооруженная всем необходимым, чтобы потушить пожар. Машина остановилась на лужайке, и сигнальная сирена замолкла.

— Ты пустишь их сюда? — спросил Джек Голдмен.

— Огонь снаружи, а не здесь.

— Ты запер дверь? — спросила Сильвия Рэгон, крупная блондинка с полной грудью.

— Да.

Майк Гэвин выглянул в окно и рассмеялся:

— Там двое запутались в шлангах.

Пожарники поднялись с земли, помогли друг другу освободиться, и вся группа начала подготовку к операции. Тут из школы выбежали мистер Джонсон (Живая Субмарина) и мистер Грейс. Они начали что-то рассказывать бригадиру, оживленно жестикулируя.

Пожарники уже тянули шланги с блестящими наконечниками к школьным дверям, когда бригадир повернулся к ним и закричал:

— Пойдите!

Они остановились посреди лужайки в полном недоумении, сжимая в руках торчащие наконечники пожарных шлангов, которые смотрелись, как гигантские фаллосы.

Бригадир продолжал совещаться с мистером Джонсом и мистером Грейсом. Мистер Джонсон указывал на кабинет номер шестнадцать. Из школы выбежал Томас Денвер и сразу же присоединился к дискуссии.

— Я хочу домой! — не своим голосом сказала Ирма Бейтц.

— Выкинь это из головы, — посоветовал ей я.

Бригадир опять обратился к своей команде, но мистер Грейс возмущенно затряс головой и стал что-то доказывать, положив ему руку на плечо. Затем повернулся к Денверу и о чем-то спросил. Директор кивнул и побежал к школьным дверям.

Бригадир залез в багажник своей машины и вытащил оттуда великолепный новенький громкоговоритель. Я уверен, что у них на пожарной станции была настоящая драка за право пользоваться именно этим экземпляром. Бригадир набрал в легкие побольше воздуха и начал:

— Прошу всех покинуть здание. Повторяю. Всем покинуть здание. Всем учащимся просьба выйти на дорогу. Выходите на дорогу. Скоро будут поданы автобусы. Школа закрыта... Он перевел дыхание.

— Повторяю, просьба всем покинуть здание.

Народ вываливал на улицу. Учителя не давали ребятам задерживаться у дверей, направляя их к дороге. Я искал взглядом Джо Мак-Кеннеди, но его нигде не было.

— Ничего, если я буду делать домашнее задание? — дрожащим голосом произнес Мелвин Томас. Все рассмеялись.

— Сколько угодно.

Я подумал с минуту и добавил:

— Если кто хочет курить, не стесняйтесь.

Несколько ребят тут же полезли в карманы за сигаретами. Сильвия Рэгон извлекла из косметички пачку «Кэмел», вытащила сигарету и затянулась с манерным видом провинциальной звезды. Она выпустила кольцо дыма и бросила спичку на пол, затем села поудобнее, раздвинув колени. Похоже, она чувствовала себя очень уютно.

— Если вы хотите сесть рядом с приятелем, можете поменяться местами. Только не советую бросаться на меня или бежать к двери, а в остальном перемещение по классу свободное.

Кое-кто пересел, большинство оставалось на своих местах. Мелвин Томас открыл учебник алгебры, но явно не мог сосредоточиться. Он тупо уставился на меня.

Раздался негромкий звонок: это включилась внутренняя связь.

— Эй, — произнес голос Денвера, — шестнадцатый кабинет!

— Да, — ответил я.

— Кто это?

— Чарли Деккер.

Долгая пауза. Наконец:

— Что происходит, Деккер?

Я немного подумал, затем сообщил:

— Кажется, я сошел с ума.

Еще одна пауза. Затем:

— Что ты наделал?!

Звучит риторически. Я посмотрел на Теда. Он кивнул.

— Мистер Денвер?

— Кто говорит?

— Тед Джонс, мистер Денвер. Дело в том, что у Чарли пистолет. Он держит нас здесь в качестве заложников. Он убил миссис Андервуд. И мистера Вэнса тоже, я полагаю.

— Да уж, можете не сомневаться, — подтвердил я.

— О... — только и смог вымолвить мистер Денвер.

Сара Пастерн хихикнула.

— Тед Джонс?

— Да, я слушаю.

Голос Теда звучал уверенно и в то же время несколько отстраненно. Его манера говорить восхищала меня.

— Кто находится в классе, кроме вас с Деккером?

— Секундочку, — ответил я. — Подождите, я оглашу список. Я открыл журнал миссис Андервуд и начал читать:

— Ирма Бейтц?

— Я хочу домой! — отозвалась Ирма.

— Прекрасно, она здесь. Сюзанн Брукс.

— Здесь.

— Нэнси Каски?

— Здесь.

Я дочитал до конца. Двадцать пять фамилий. Отсутствовал только Питер Франклин.

— Что с Питером? Он убит? — спокойно спросил мистер Денвер.

— У него корь, — крикнул Дон Лорди.

Ребята захихикали. Тед нахмурился.

— Деккер?

— Да.

— Когда ты отпустишь их?

— Не сейчас.

— Почему?

Голос Денвера был усталым, чувствовалось, как тяжело этому человеку, и на секунду мной овладела жалость к нему. Но я немедленно подавил в себе это ненужное чувство. Это похоже на игру в покер, когда кто-нибудь выигрывал всю ночь, загреб уже кругленькую сумму и вдруг остался ни с чем. И вам становится жаль его, но нельзя поддаваться минутной слабости, нельзя бросать игру, иначе проигравшим будете вы.

— У нас с ребятами есть что сказать друг другу. Еще не все точки над «и» расставлены.

— Что это значит?

— Это значит, тебе придется смириться.

Кэрол Гренджер сделала круглые глаза.

— Деккер...

— Называй меня Чарли. Все друзья называют меня Чарли.

— Деккер...

Я показал классу руку со скрещенными пальцами.

— Если ты не станешь называть меня Чарли, я открываю огонь.

Пауза. Потом неуверенно:

— Чарли?

— Вот так лучше.

На задней парте Майк Гэвин и Дик Кин изо всех сил сдерживались, чтобы не рассмеяться. Некоторые ребята уже не скрывали улыбок.

— Ты будешь называть меня Чарли, а я тебя Том. Договорились, Том?

Долгое молчание.

— Когда ты выпустишь ребят, Чарли? Что тебе от них нужно?

За окном я увидел полицейские машины. Черно-белые из городского отделения и голубые — полиции штата. Джерри Кессерлинг, начальник управления с 1975 года (то есть с тех пор, как бывший шеф полиции Уоррен Телбот отдал Богу душу), регулировал движение автомобилей на дороге.

— Ты слышишь меня, Чарли?

— Да. Но ничего не могу ответить. Я и сам не знаю... Кажется, подъезжают новые копы.

— Да, мистер Вульф вызвал полицию. Не представляю, что здесь начнется.

Полицейские вооружены. У них есть слезоточивый газ, Дек... Чарли. Зачем создавать себе лишние проблемы?

— Том?

Неохотно:

— Что?

— Надеюсь, тебя не затруднит оторвать от стула свою тощую задницу и сообщить этим джентльменам, что если им придет в голову применить газ, они об этом крупно пожалеют. Вы все должны понять, кто диктует правила игры.

— Ну почему? Почему ты так поступаешь? В его голосе звучала бессильная злоба.

— Не знаю, — признался я, — но ведь это интереснее, чем говорить о бабах, Том. Наши дела тебя не касаются. Все, что мне нужно, это чтобы ты передал полицейским мои слова. Выполнишь мою маленькую просьбу, Том?

— У меня нет выбора, не так ли?

— Совершенно верно. Нет выбора. И еще...

— Что?

— Я не слишком тебе симпатизирую, Том, как ты уже мог заметить. Но сейчас, думаю, тебя это волновать не должно. Но стоит усвоить, что ситуация изменилась. И я не листок бумаги на столе, который можно смять и выкинуть в корзину. Ты это понимаешь?

Я повысил голос почти до крика:

— Ты понимаешь это, Том?

— Да, Чарли, — упавшим голосом произнес он.

— Нет, ты еще не все понял, Том. Но тебе придется зарубить это на носу. Сегодня мы почувствуем разницу между людьми и бумажками в папке. Что ты думаешь об этом, Том?

— Я думаю, ты тяжело болен, Деккер.

— Нет, «Ты тяжело болен, Чарли». Ты это хотел сказать, Том?

— Да.

— Так скажи.

— Я думаю, ты болен, Чарли, — механически повторил Денвер.

— Вот и прекрасно. А теперь иди и передай им мои слова.

Денвер прокашлялся, будто собирался что-то добавить, но ничего не произнес, и связь отключилась.

Я обвел глазами класс. Ребята переговаривались друг с другом, как всегда, и в классе стоял привычный шум. У каждого из них был отстраненный, слегка недоумевающий взгляд. Последствия шока. Наверное, похожие чувства испытывают люди, попадающие на войну: выброшенные неведомой силой из повседневной приятной полудремы, вы оказываетесь в иной реальности и видите настоящую кровь. Настоящую смерть. Ваш мозг отказывается это

воспринимать, и остается только плыть по течению, надеясь, что связь с реальностью восстановится как-нибудь сама собой. Я смотрел на ребят, и неожиданно в памяти всплыл стишок, который нас заставляли учить в младших классах:

Вот опять звенит звонок, Начинается урок. К концу его мы в десять раз знать будем больше, чем сейчас.

Интересно, чему мы научимся сегодня.

Желтые школьные автобусы подъехали к зданию. Ребята занимали места. Они вернутся домой, к своим родителям, к привычным делам, телевизору. А здесь, в шестнадцатом кабинете, учеба будет продолжаться.

Мне захотелось поболтать о чем-нибудь. Я слегка постучал пистолетом по учительскому столу, и наступила тишина. Все внимательно смотрели на меня.

— Думаю, нам стоит поговорить.

— Наедине? — спросил Джордж Янек, мальчик с живым умным лицом. Он не выглядел испуганным.

— Да.

— Тогда выключи внутреннюю связь.

— Кто тебя тянул за язык, сукин сын, — отчетливо произнес Тед Джонс. Джордж удивленно обернулся к нему, но ничего не ответил.

Я встал и перевел рычажок в другое положение.

Затем обратился к Теду:

— Зря ты так, все равно я помнил об этом.

Тед ничего не сказал, только слегка усмехнулся: кажется, он заметил мою ложь.

— Прекрасно, — я повернулся к ребятам, — возможно, я сошел с ума. Но это еще не повод стрелять в кого-нибудь из вас, поверьте. Поэтому не бойтесь говорить все, что думаете. Например, кто-нибудь верит, что я могу начать стрелять?

На некоторых лицах было сомнение, но никто ничего не сказал.

— О'кей. Я действительно не собираюсь делать глупости. Мы просто будем сидеть здесь и говорить начистоту. Вытряхивая грязь из своих душ.

— Да, из миссис Андервуд ты уже вытряхнул все, что мог, — по-прежнему улыбаясь, произнес Тед.

— Я должен был так поступить. Не знаю, как это объяснить, но... Должен. К этому все шло. И мистер Вэнс. Я советую вам не принимать это близко к сердцу. Никто из вас, как я уже сказал, не получит пулю в лоб ни с того ни с сего, так о чем же беспокоиться?

Кэрол Гренджер неуверенно подняла руку. Она была хорошенькой и неглупой девчонкой. Такие поступают потом в самые престижные женские колледжи. Она наверняка будет произносить речь от имени выпускников этим летом. «Будущее в наших руках» или что-нибудь в этом роде. Я кивнул.

— Когда мы сможем уйти, Чарли?

Я вздохнул и пожал плечами:

— Поживем — увидим.

— Но моя мама перепугается до смерти!

— Почему? — спросила Сильвия Рэгон. — Она же знает, где ты, не правда ли?

Засмеялись все, кроме Теда. Он по-прежнему улыбался, рассматривая меня в упор.

Едва ли он хотел принимать участие в откровенном разговоре. Но почему? Борьба со всеобщим безумием? Мальчик, затыкающий пальцем пробитую плотину? Нет, едва ли. Это не его амплуа. Его стиль — не героизм, а, скорее, изящный уход в тень. Он единственный из известных мне людей покинул футбольную команду после трех головокружительных побед в прошлом году. Спортивный репортер в местной газете назвал Теда самым блестящим игроком за всю историю пласервилльской школы. Но он ушел из команды. Неожиданно и необъяснимо. Что удивительно, популярность его при этом нисколько не упала. Джо рассказывал, что когда совершенно обалдевшие ребята требовали хоть каких-нибудь объяснений, Тед сказал, что футбол — слишком тупая игра, и что он, Тед, найдет себе занятие получше. Я уважал его. Но почему сейчас он против меня, понять было сложно. Чтобы решить эту проблему, требовалось немножко подумать, но я не мог сосредоточиться. События развивались достаточно быстро.

— Ты действительно свихнулся? — неожиданно спросил Харман Джексон.

— Думаю, да. Человек, который убивает других людей, должен быть не в своем уме, не так ли?

— Тогда, наверное, тебе нужна помощь, — продолжал Харман. — Стоит обратиться к доктору.

— Ты имеешь в виду кого-нибудь вроде Грейса? — усмехнулась Сильвия. — Старый козел! Я должна была посещать его после того, как швырнула чернильницей в старушку Грин. Все, что он делал — пытался заглянуть мне под платье и заводил разговоры о сексе.

— Он признал в тебе большого специалиста в этих вопросах, — сказал Пэт Фитцджеральд.

Послышалось хихиканье.

— Это не твое дело, — надменно произнесла Сильвия, затушив сигарету. — И тем более, не его.

— Что мы будем делать? — спросил Джек Голдмен.

— Ничего, — ответил я. — Пусть все течет как течет.

На лужайке появилась вторая полицейская машина городского управления. Думаю, третья приедет не скоро: ребята наверняка сидят сейчас в кафе, болтая о пустяках и наслаждаясь кофе с орешками.

Денвер о чем-то беседовал с военным в синих штанах. Джерри Кессерлинг рассаживал по машинам тех школьников, которым не хватило места в автобусах. Мистер Грейс разговаривал с каким-то неизвестным типом в костюме. Пожарники стояли поодаль, курили и ждали дальнейших распоряжений.

— То, что сейчас происходит, как-нибудь связано с давней историей с мистером Карлсоном? — спросил Корки.

— Откуда я знаю, с чем это связано? Если бы я знал причину, может, ничего бы и не было.

— Это твои родители, — неожиданно произнесла Сюзанн Брукс. — Причина должна быть связана с родителями.

Тед Джонс издал какой-то странный звук.

Я изумленно поглядел на Сюзанн.

Сюзанн Брукс была одной из тех девушек, которые никогда не открывают рта прежде, чем их об этом не попросят. Очень серьезная девушка. Симпатичная, хотя и не слишком яркая. У таких всегда бывает старший брат или сестра, затмевающие своими выдающимися успехами младших, так что школьные учителя обычно делают невыгодные для младших сравнения. И тем ранят их самолюбие. Когда такая девочка вырастает, она выходит замуж. Обычно за какого-нибудь водителя грузовика. А потом уезжает на западное побережье и пишет родственникам и друзьям не слишком часто. И становится гораздо раскованней, словно расцветает после того, как вырвалась из тени старшего брата или сестры. И живет долго и счастливо.

— Мои родители, — произнес я, как бы пробуя эти слова на вкус. Я подумал, не рассказать ли историю о той охоте, когда мне было девять лет. О том, как я услышал про обычаи ирокезов. Но это было бы слишком шокирующе.

Я бросил взгляд на Теда и поразился: лицо его искривила злобная гримаса. Казалось, кто-то засунул ему в рот лимон и заставил сжать челюсти. Для меня было неожиданностью видеть Теда в таком состоянии.

— Об этом пишут во всех книгах по психологии, — продолжала Сюзанн. — И действительно... Вдруг, осознав тот факт, что она говорит перед всем классом, Сюзанн замолчала. Казалось, она сама себе удивлялась. Сквозь ее блузку нежнонефритового цвета просвечивали бретельки лифчика.

— Мои родители, — снова начал я. И снова замолчал. Я вспоминал охоту, тени деревьев на туго натянутой ткани палатки (палатку натягивал отец, так что на ней не было ни единой морщинки), переполненный мочевой пузырь и то, как я чувствовал себя маленьким ребенком... И тут я вспомнил еще один случай. Я не хотел бы говорить о нем. Я никогда не рассказывал об этом мистеру Грейсу. Но сейчас, возможно, время пришло. Это могло помочь не только мне, но и Теду. По крайней мере, мне так казалось. Что касается меня... Наверное, уже поздно. Слишком поздно.

Снаружи ничего не происходило. Приехала последняя из городских полицейских машин, только и всего.

— Родители, — третий раз повторил я и начал свой рассказ.

Глава 14

Мои родители познакомились на свадьбе, и хотя едва ли вы верите в предзнаменования, но стоит сказать, что невеста через год погибла. Ее звали Джесси Деккер Ханнафорд. Она была однокурсницей и соседкой по комнате моей мамы в университете Мэна. Обе специализировались на политологии. Через год после свадьбы произошло следующее. Муж Джесси ушел в город по делам, а она решила принять душ. В ванной она поскользнулась, ударилась головой и потеряла сознание. Пока Джесси была в обмороке, на кухне начался пожар, и она сгорела вместе со всем домом.

Таким образом, единственная польза, которую принесла вышеупомянутая свадьба, — знакомство моей мамы с братом Джесси. Он был в морской форме, недурен собой, и как только начались танцы, пригласил мамочку. Она согласилась. Он ухаживал за ней шесть месяцев, а потом они поженились. Насколько я понимаю, я был зачат незадолго до или сразу после того, как погибла сестра отца. На свадьбе моих родителей она была подружкой невесты. Я часто разглядывал свадебные фотографии, и меня не покидало странное чувство. Вот тетя Джесси обнимается с мамой. Джесси и ее муж, Брайан Ханнафорд, улыбаются на заднем плане, а мама с папой разрезают пирог. Джесси танцует... И на всех этих фотографиях тетя Джесси всего за пять месяцев до своей ужасной смерти в горящем доме. И хочется дотронуться до нее, окликнуть, сказать: «Осторожнее, тетя Джесси. Будь осторожней, когда мужа нет дома».

Но время не повернешь вспять, и чувство собственного бессилия никогда не покидало меня, когда я думал о тете Джесси.

Я был единственным ребенком в семье, и мама никогда не хотела другого. Моя мама большая интеллектуалка. Она никогда не читала Агату Кристи, например, хотя любила английские детективы. А отец, который делал карьеру во флоте, а затем служил в вербовочном пункте, был более американизированным человеком. Он любил «Детройт Тайгас» и «Детройт Редвинз», а когда умер Вией Ломбарди, надел черную нарукавную повязку. Он читал новеллы Ричарда Старка о Паркере. Это смешило мамочку, которая втолковала ему наконец, что Ричард Старк — псевдоним, а настоящее имя писателя — Дональд Вестлейк, и под этим именем он написал много чудных рассказов. Она даже дала один почитать папочке, но он не оценил его.

Одно из самых ранних воспоминаний моего детства относится к тому времени, когда мне еще не исполнилось и трех лет. Я проснулся среди ночи с ощущением, что я уже мертв. Оно рассеялось лишь тогда, когда в лунном свете я увидел на стенах комнаты и на потолке колеблющиеся тени ветвей. За окном рос старый вяз, ветер шевелил его листву, и ветки двигались, словно руки. Сейчас, когда я вспоминаю эту картину, я сказал бы «как руки мертвеца». Но в то время едва ли мне пришло в голову такое сравнение. Я был слишком мал, чтобы думать о мертвецах. Наверное, было полнолуние, потому что стены казались очень яркими, а тени абсолютно черными, вся картина была контрастной, без полутонов. И тут я услышал, как что-то крадется ко мне. Я слышал негромкий скрип. Он доносился откуда-то снизу, из холла. Я не мог пошевелиться от страха. Возможно, и не хотел, не помню точно. Я просто лежал, смотрел на тени и ждал, что Скрипящая Тварь войдет в дверь моей комнаты.

Я смотрел на дверь и ждал. Не знаю, прошли секунды или часы. Время для меня остановилось. И вдруг я понял, что Скрипящая Тварь находится сейчас не у порога моей комнаты, готовясь прыгнуть на меня из тьмы. Она внизу, в комнате родителей.

Я лежал и прислушивался. Помню шум ветра в ветвях деревьев. Помню, что я обмочился, и кровать подо мной была влажной и теплой, и это почему-то слегка успокаивало. А внизу, далеко, но в то же время необыкновенно отчетливо шумела Скрипучая Тварь.

Прошло много времени, и я услышал раздраженный голос мамы: «Хватит, Карл».

И опять скрип. Затем снова: «Прекрати!» Неразборчивый шепот отца. И мама: «Какое мое дело! Это твои проблемы! Прекрати, я хочу спать!»

Теперь я все знал. Я смог заснуть в ту ночь, но я понял:

Скрипучей Тварью был мой отец.

Глава 15

Никто ничего не сказал. Некоторые ребята продолжали смотреть на меня выжидательно, как будто я рассказывал анекдот и дошел до ключевой фразы, после которой можно будет смеяться.

Другие разглядывали свои руки, скрывая некоторое смущение. Но Сюзанн Брукс выглядела довольной, даже сияющей.

Послышался звонок с урока. Я взглянул на тело миссис Андервуд. Глаза ее были полуоткрыты. Они остекленели. На руке спокойно уселась муха, потирающая лапки. Я согнал ее.

За окном подъехало еще четыре полицейские машины. Множество других машин стояло вдоль дороги. Постепенно начинала собираться толпа.

Я почесал подбородок, сел и взглянул на Теда. Он сжимал кулаки. Губы его шевелились беззвучно, но я отчетливо разобрал, что он говорит. «Дерьмо».

Никто не заметил того, что происходит между мной и Тедом. Мне показалось, что он сейчас заговорит вслух. Чтобы опередить его, я продолжил рассказ о своих родителях.

Глава 16

Я знаю, что отец всегда меня ненавидел.

Хорошенькое заявление, не правда ли? Я догадываюсь, как это звучит со стороны. Глупо и по-детски. Похожую фразу вы произносите со слезами на глазах и дрожью в голосе, когда отец не дает вам свою машину на уик-энд или обещает содрать с вас шкуру за очередную двойку по всемирной истории. К тому же сейчас, когда каждый считает психологию даром Божьим, пора освободиться от набивших оскомину ветхозаветных предрассудков. И что еще остается бедному человечеству, едва ли не каждый представитель которого характеризуется анальной фиксацией? Все просто. Вы заявляете, что отец ненавидел вас с самого детства, а затем выходите на улицу, стреляете в соседа, насилуете первую попавшуюся даму, взрываете парочку зданий... И надеетесь на оправдание и сочувствие публики.

Но у медали есть и обратная сторона: никто не поверит, если вы говорите правду. Как тому мальчику, который кричал о нападении волков. А я говорю правду. Нет, никаких доказательств привести не могу, ничего существенного до той самой истории с мистером Карлсоном. Возможно, и сам отец до той истории не знал о своей ненависти. Но если бы кому-нибудь удалось проникнуть в самые глубинные тайники его подсознания и извлечь эту ненависть на свет, пожалуй, папочка и тут нашелся бы что ответить. Он сказал бы, что ненавидит меня для моего же блага.

Жизнь для моего отца — что-то вроде дорогого старинного автомобиля. Поскольку эту машину нельзя заменить на другую, и она достаточно дорога, вы должны содержать ее в идеальном порядке и на хорошем ходу. Раз в год вы участвуете в какой-нибудь выставке старинной техники. И на автомобиле вашем должна быть свеженькая краска, нигде ни пылинки, ни малейшей неисправности в моторе, все смазано, гайки закручены, баки заправлены. Все схвачено, за все заплачено — вот девиз моего папочки. А если о ветровое стекло разбилась птичка, смахните ее скорее, чтобы не мешала обзору.

Такова жизнь моего отца. А я для него — та самая птичка на стекле.

Мой отец — крупный мужчина, с виду всегда спокойный и хладнокровный. Есть что-то обезьяноподобное в его чертах, но это не производит отталкивающего впечатления. У него светлые глаза и русые волосы; на солнце кожа его быстро краснеет, поэтому летом он всегда выглядит слегка злобным. Когда мне исполнилось десять лет, его перевели в Бостон, и он приезжал домой только И на уик-энды. Но раньше он служил в Портленде. Насколько я понимаю, он был похож на любого такого же к отца семейства, мужчину средних лет, только рубашка к была не белая, а цвета хаки. И неизменный черный галстук.

В Библии говорится, что грехи отцов падут на голову сыновей. Возможно, это так. Тогда на мою голову пали грехи не только отца, но и всех его ближних и дальних родственников. Отцу было тяжело работать на вербовочном пункте. Я часто думал о том, насколько счастливее он был бы, оставшись во флоте. Не говоря уже о том, насколько приятнее мне было бы видеть его дома пореже. Для отца его теперешняя служба была почти невыносима. Как если бы ему приходилось видеть, что бесценные автомашины окружающих людей содержатся в отвратительном состоянии, ржавеют и разваливаются на глазах. Кто только не проходил через его руки! Люди, которые не знали, что им нужно. Люди, которые больше всего

беспокоились о том, как бы вырваться куда-нибудь из своей привычной жизни. Ромео из колледжа, покидающие своих беременных Джульетт. Мрачные юноши, которым предоставлялся выбор между службой во флоте и пребыванием в исправительном учреждении. Недоучки с одной прямой извилиной, которым приходилось показывать, как пишется их собственное имя. А дома был я. Тоже не соответствующий отцовским представлениям, тоже не такой, как надо, тоже неправильный. Своего рода вызов. И наверное, он ненавидел меня потому, что не мог этот вызов принять. Может, все было бы иначе, если бы я не походил до такой степени больше на маму, чем на него. Это проявлялось во всем. Он называл меня маменькиным сынком. Наверное, так оно и было.

Однажды осенним днем 1962 года мне пришло в голову покидать камнями в стекла. Отец собирался ставить вторые рамы на все окна в нашем доме. Было начало октября, суббота, и отец с утра начал планомерно, шаг за шагом готовиться к осуществлению своей идеи. Он всегда все делал тщательно, никаких оплошностей, ничего непредвиденного.

Он выносил стекла из гаража. Еще весной он заготовил их, окрасил рамы в зеленый цвет, и теперь аккуратно расставлял их вдоль дома, по штуке под каждым окном. Я наблюдал за ним. Лицо его покраснело даже под прохладным октябрьским солнцем, легким, как поцелуй. Замечательный месяц октябрь.

Я сидел на нижней ступеньке крыльца, смотрел на папу и на проезжавшие мимо нашего дома автомобили. Мама была в доме. Она играла на пианино что-то минорное. Наверное, Баха. Почти все, что она играла, звучало как произведения Баха. Ветер то доносил до меня мелодию, то обрывал ее. Когда я сейчас слышу этот отрывок, в памяти всплывает тот солнечный октябрьский день. Фуга Баха для Двойных Окон в миноре.

Мимо проехал «Форд». На старый вяз села малиновка и начала насвистывать. Я слушал, как играет мама. Правая рука ее выводила мелодию, левая брала звучные аккорды. Когда ей хотелось, мама могла играть превосходные буги-вуги, но это случалось нечасто. И даже буги-вуги в ее исполнении звучали так, будто их сочинил все тот же Бах.

И тут вдруг меня осенило. Я понял, как прекрасно было бы разбить все эти стекла. Одно за другим, сперва верхние половины, потом нижние.

Вы скажете, это было не что иное, как желание отомстить отцу, сознательное или бессознательное. Разрушить его идеальный мир. Но, честно говоря, я не помню, чтобы отец как-то фигурировал в моих мыслях в этот момент. Мне было четыре года. Стоял ясный октябрьский денек. Чудесный день, словно специально предназначенный для того, чтобы бить стекла.

Я встал и пошел собирать камни. На мне были короткие штанишки, я набил полные карманы камней, и со стороны они наверняка смотрелись забавно, как огромные яйца. Я шел по дороге, то и дело наклоняясь за новым камнем. Проехала машина, я подался в сторону, водитель повернул руль в другую. Женщина сзади него держала на руках ребенка.

Когда я решил, что собрал достаточно камней, я вернулся на лужайку, взял один из них в руки и швырнул в стекло, стоявшее под окном гостиной. Я изо всех сил старался попасть. Но промахнулся. Тогда я взял другой камень, тщательно прицелился и кинул прямо в середину окна. По спине пробежал легкий холодок. Наконец-то я попал в цель. Окно звякнуло, по стеклу пробежала трещина.

Я обошел дом, разбивая стекла с той же старательностью и методичностью, с какой отец их расставлял. Сперва в гостиной, затем в комнате для музицирования... Я смотрел на маму, продолжающую играть на пианино. Она на услышала звона разбитого стекла, но увидела, что я смотрю на нее в окно. На ней был чудесный голубой пеньюар. Она взяла неверную ноту, увидев меня, остановилась на секунду и ослепительно улыбнулась. Затем вернулась к клавишам.

Самое забавное, что я не испытывал никакого чувства вины. Никакого ощущения, что я делаю что-то не так. Как, впрочем, и особого удовольствия. Все-таки странная вещь, это детское восприятие мира. Я уверен, что если бы отец успел укрепить вторые рамы на окнах, мне и в голову не пришло бы их разбить.

Я уже примеривался к последнему стеклу, когда на плечо мое легла тяжелая рука, и я обернулся. Это был отец. И он был не в себе. Я никогда раньше не видел его таким. У него были огромные глаза навывкате, совершенно бешеные. Я так испугался, что начал кричать. Ощущение такое, как если бы вы увидели своего отца с совершенно чужим лицом, пугающим и незнакомым. — Ублюдок!

Он схватил меня одной рукой за левое плечо, а другой — за лодыжки и швырнул на землю. Швырнул изо всех сил. Казалось, из моих легких вышел весь воздух, и я лежал, не в

силах ни вздохнуть, ни пошевелиться. И наблюдал, как выражение ярости на лице отца сменяется испугом. В груди и крестце разливалась острая боль.

— Я не хотел, — сказал он, присаживаясь на корточках возле меня. — С тобой все в порядке? Все о'кей, Чак?

Он называл меня так, когда был в хорошем настроении. Когда мы играли в орлянку во дворе.

Легкие мои наконец смогли вобрать в себя воздух. Я открыл рот, и из него вырвался чудовищный крик. Я никогда не производил сам звуков такой громкости, и не слышал, чтобы кто-нибудь так вопил. Из глаз брызнули слезы. Следующий крик получился даже громче первого, и это испугало меня. Мама прекратила играть на пианино.

— Не следовало так поступать, — сказал отец. На его лице испуг снова сменялся гневом. — А теперь заткнись. Да будь же мужчиной, черт возьми!

Он грубым рывком поднял меня на ноги как раз в тот момент, когда из-за угла дома выбежала мама, все еще в пеньюаре.

— Он разбил все окна, — сообщил ей отец. — Пойди одень что-нибудь.

— Что случилось? — закричала мама. — Чарли, дорогой, ты порезался? Где? Покажи!

— Он не порезался, — недовольно произнес отец. — Он просто испугался, что получит хорошую взбучку. И совершенно справедливо.

Я подбежал к маме и уткнулся ей в живот, ощущая чудный сладкий запах духов и нежный шелк пеньюара. Голова моя гудела, я плотно закрыл глаза, из которых продолжали течь слезы.

— О чем ты говоришь?! Он весь красный! Если ты до него хоть пальцем дотронулся, Карл...

— Ради всего святого, он начал кричать, как только увидел, что я к нему приближаюсь.

Голоса родителей звучали издали, словно из другого мира.

— Едет машина, — произнес отец. — Иди в дом, Рита.

— Улыбнись, радость моя, — обратилась ко мне мама. — Ну-ка, улыбнись мамочке.

Она мягко отвела мое лицо от себя и осушила слезы на щеках. Вам знакомо это ощущение? Для меня это не просто банальность слащавых поэтов. Мама действительно осушила мне слезы, и это одно из самых ярких переживаний в моей жизни.

— Успокойся, золотце. Папочка вовсе не хотел тебя обидеть.

— Сэм Кэстингвей с женой был в машине, — сообщил папа. — Теперь ты предоставила этой безмозглой курице с длинным языком хорошую пищу для сплетен. Я надеюсь...

— Пойдем, Чарли, — сказала мама и взяла меня за руку. — Пойдем в мою комнату, выпьем по чашечке шоколада.

— Черта с два, — грубо оборвал ее отец.

Я обернулся к нему. Он продолжал:

— Я вытрясу из него этот шоколад вместе со всей его дурью.

— Ничего ты ни из кого не вытрясешь, прекрати. Ты и так напугал беднягу до смерти.

Отец с перекошенным от ярости лицом схватил маму за плечо, повернул ее к разбитому стеклу под окном кухни и, указывая на него, заорал:

— Вот! Смотри! А ты еще шоколад давать ему собираешься. Он больше не младенец, Рита, и перестань прятать его за своей юбкой.

Мама отдернула плечо, на котором остались красные отпечатки пальцев. — Ступай в дом, — холодно произнесла она. — Ты иногда бываешь невыносимо глуп, Карл.

— Я хочу...

— Не рассказывай мне, чего ты хочешь! — внезапно взорвалась мама. Отец отшатнулся.

— Ступай в дом! Или пойдешь нажрись со своими друзьями! Иди куда хочешь! Только чтобы глаза мои тебя не видели!

— Понимаешь, — начал отец осторожно, — существует такое понятие, как наказание. Тебя учили этому в колледже, или на это педагоги не нашли времени, забывая вам мозги всяким либеральным бредом? В следующий раз твой сын не ограничится несколькими окнами, пойми. В следующий раз он разобьет тебе сердце. Разрушение...

— Убирайся! — прокричала мама.

Я снова начал плакать. Мама взяла меня на руки. Все о'кей, радость моя, говорила она, все будет хорошо... А я смотрел на отца, который повернулся и пошел прочь, засунув руки в карманы, как обиженный мальчишка. Я ненавидел его. И сегодня впервые я понял, как легко можно заставить его капитулировать.

Когда мы с мамочкой пили шоколад в ее комнате, я рассказал, как отец швырнул меня на землю. И потом соврал, будто ничего не было.

Я чувствовал себя большим и сильным.

Глава 17

— И что потом? — заинтересованно спросила Сюзанн Брукс. Все это время она слушала меня затаив дыхание.

— Ничего особенного.

Теперь, рассказав все, я сам себе удивлялся. Почему это воспоминание так долго стояло у меня поперек горла?

Однажды мой приятель Херг Орвилл (мы были еще совсем детьми) проглотил дохлую мышь. Я подзуживал его, а он и правда ее съел. Прямо сырую. Это была маленькая полевая мышка, она умерла от старости, наверное, потому что на трупики не было никаких видимых повреждений. Мама Херга в это время вешала белье во дворе. Она все видела, так как смотрела на нас как раз в тот момент, когда ее сын взял мышь за хвост и опустил себе в глотку.

Она закричала. Вы представить себе не можете, как это страшно в таком возрасте — слышать, как взрослые кричат. Она бросилась к нам и сунула Хергу два пальца в рот. Херг исторг из себя сперва мышку, затем гамбургер, который он съел на ленч, затем что-то жидкое, с виду похожее на томатный суп. Он уже остановился и собирался спросить маму, что, собственно, происходит. И тут она сама начала блевать. Посреди всего содержимого их же лудков мышка выглядела далеко не худшим образом. Отсюда я сделал бы вывод, что когда вы исторгаете из себя непереваренные остатки прошлых воспоминаний, а настоящее ваше еще хуже, то некоторые из прошлых событий выглядят не так уж и скверно. Я собирался сказать это ребятам, а затем решил, что не стоит. Это просто шокирует их, как и история о манерах ирокезов.

— Отец был в немилости несколько дней. Никаких более крупных последствий. Потом все забылось.

Кэрол Гренджер собиралась что-то сказать, но тут встал Тед. Он был бледен как смерть, только на скулах проступали красные пятна. Он усмехался. Он выглядел в этот момент как призрак Джеймса Дина, готовый броситься на меня. Сердце мое сжалось.

— А сейчас я отберу у тебя эту чертову пушку, засранец, — все с той же усмешкой, обнажающей его белые ровные зубы, произнес Тед.

Мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы голос мой звучал ровно. Но кажется, я вполне преуспел в этом.

— Сядь, Тед.

Тед стоял. Он не бросился на меня, но я отчетливо видел, каких трудов ему стоило сдержаться.

— Мне дурно от твоего дерьма, ты это понимаешь? Ты пытаешься перемазать им всех окружающих, сделать их своими сообщниками.

— Разве я говорил...

— Заткнись! — повысил голос Тед. — Ты убил двух людей!

— Ты весьма наблюдателен, Тед.

Он сделал какое-то странное движение руками, и мне показалось, что если бы он мог, то схватил бы меня и сожрал живьем.

— Положи пистолет, Чарли. И попробуй одолеть меня без него.

Играй по правилам.

— Ты не скажешь, Тед, почему ты оставил футбол? — любезно поинтересовался я.

Мне было нелегко придать голосу выражение спокойной любезности, но я смог, и это сработало. Тед вдруг растерялся, он выглядел озадаченным и явно потерял почву под ногами. Казалось, он осознал в этот момент, что он один как дурак стоит посреди класса, а все остальные сидят и смотрят на него. Как если бы человек вдруг обнаружил, что у него расстегнута ширинка, и задумался бы, как оптимальным образом выйти из этого положения, чтобы окружающие ничего не заметили.

— Не стоит об этом, — наконец сказал Тед. — Положи пистолет.

Все же у него был великолепно поставленный голос. И он это знал.

— А что, ты боишься за свои яйца?

У Ирмы Бейтц отвисла челюсть. Сильвия наблюдала за происходящим с нескрываемым интересом.

— Ты... — начал Тед и вдруг сел на место. Кто-то в углу комнаты хихикнул, я не заметил, кто именно. Дик Кин? Харман Джексон?

Я смотрел на ребят. И то, что я увидел, поразило меня. Можно сказать, шокировало. Потому что на их лицах я читал нескрываемое удовольствие. Только что состоялся поединок, словесная дуэль, и я победил. Но почему это так обрадовало их? Сейчас я не мог ответить на этот вопрос. Ситуация напомнила мне идиотскую картинку в газете с подписью внизу «Почему эти люди смеются? Об этом вы узнаете на странице 41». Разница только в том, что мне не было, куда подглядывать. А ответ знать хотелось.

Я напряг все свои извилины, но так и не пришел ни к какому выводу. Возможно, дело в Теде. Такой отважный мальчик, такие красивые жесты... Может, со стороны остальных это просто зависть? Может, они хотят, чтобы все были на одном уровне, и никто не выделялся? Сними маску, Тед, и сядь на место, как все мы, обыкновенные люди.

Тед смотрел на меня, я на него. Я знал, что он только что потерпел поражение. Может, в следующий раз он не будет действовать так прямолинейно, а нападет на меня с фланга. Выберет другую тактику.

Но откуда все же эта всеобщая радость? Дух толпы? Нет, в это я не верил. Толпа всегда отвергает странного человека, уроды, мутанта. Здесь на эту роль мог претендовать я, но никак не Тед. Тед — прямая противоположность понятию «изгой». Это юноша, которым вы должны гордиться, видеть которого рядом со своей дочерью будет большой честью для вас. Нет, дело было не в ребятах, а в самом Теде. Я вдруг понял это, и меня охватила странное возбуждение, сродни тому, которое испытывает охотник за бабочками при виде нового редкого экземпляра.

— Я знаю, почему Тед оставил футбол, — произнес чей-то голос.

Я оглянулся. Это был Пиг Пэн. Тед подскочил на месте. Кажется, он начинал сильно нервничать.

— Так говори же, — обратился я к Пэну.

— Если ты откроешь рот, я убью тебя.

Теперь Тед улыбался Пэну, а не мне. Пиг Пэн испуганно моргал и облизывал губы. Его раздрало на части желание выдать информацию. Возможно, первый раз в жизни его слова могли иметь колоссальный успех.

Все знали, что информация у Пэна достоверная. Миссис Дано, его мать, проводила почти все свое время в церкви, на базарах, благотворительных обедах и вечеринках, словом, везде, где можно услышать последнюю сплетню. Она была обладательницей самого длинного и любопытного носа из когда-либо существовавших на этой земле. Прежде чем вы произнесете: «А слышали ли Вы последние новости о таком-то», она вывалит гору грязного белья и продемонстрирует, что знает эту последнюю новость куда лучше и подробнее вас.

— Я... — начал Пиг Пэн, затем замолчал, косясь на Теда.

— Продолжай, не стесняйся, — неожиданно подала голос Сильвия Рэгон. — Не позволяй нашему золотому мальчику так себя запугивать.

Пиг Пэн благодарно улыбнулся ей, собрался с духом и выпалил:

— Миссис Джонс — алкоголичка. Ее возили в одно место подлечиться, и Тед должен был во всем этом принимать участие.

На мгновение воцарилась тишина, в которой раздался голос Теда:

— Я же предупреждал тебя, Пиг Пэн.

Тед встал, лицо его было бледным как мел.

— Нет, не стоит так поступать, Тед, — вмешался я. — Сядь и успокойся. Тед смотрел так, что на мгновение мне показалось, будто он бросится на меня. Если бы он это сделал, мне ничего не оставалось бы, как пристрелить его. Это явственно читалось у меня на лице. Тед, секунду поколебавшись, сел.

— Вот и прекрасно. Скелет вывалился из шкафа. Мы раскрыли маленькую тайну.

— И где же она лечилась, Тед?

— Заткнись.

— Она уже вернулась, — радостно сообщил Пиг Пэн.

— Ты пообещал убить Пэна, — задумчиво произнес я.

— И я это сделаю, — пробормотал Тед. Глядя на него, несложно было в это поверить.

— И тем подтвердишь старый тезис, что во всем виноваты родители. Яркий пример, не правда ли?

Я улыбнулся.

Тед держался за край парты, видимо, едва контролируя себя. Харман Джексон сиял. Наверное, у него с Тедом были старые счеты.

— Твой отец довел ее до этого? — участливо спросил я. — И каким же образом? Поздние возвращения? Глоточек ликера сперва, чтобы успокоиться, а потом еще и еще?

— Я прикончу тебя, — пробормотал Тед. Я не собирался останавливаться. Я хотел вытряхнуть из него все дерьмо. И никто из присутствующих не думал мне мешать. Это было невероятно. Они с интересом наблюдали за происходящим, словно уже долгое время ожидали чего-нибудь в этом роде.

— Должно быть, тяжело быть женой такого большого человека. Ты не пробовал ее понять? Все это сильно давило ей на нервы. И на тебя давила атмосфера в доме. Но ты ни в чем не виноват, не так ли?

— Заткнись! — закричал Тед.

— И все это происходило у тебя под носом, но ситуация вышла из-под контроля, так? К тому же, ты испытывал отвращение, не правда ли? А она дошла до ручки, правда, Тед? Расскажи нам. Избавься от этого. Она блевала по всему дому?

— Заткнись! Прекрати!

— И видела чертей? Или до этого не дошло? Она видела чертей? Видела?

— Да, это было отвратительно! — вдруг ответил Тед. — Почти так же отвратительно, как ты! Убийца!

— Ты писал ей? — мягко спросил я.

— Почему я должен ей писать?

— И тебе пришлось оставить футбол...

И тут Тед Джонс отчетливо произнес:

— Пьяная сука.

Кэрол Гренджер сделала большие глаза. Тед осознал, что у него вырвалось, и бросил на меня полный ненависти взгляд.

— За это ты поплатишься, Чарли, — неожиданно спокойно сообщил он.

— Возможно. Не упусти свой шанс.

Я улыбнулся.

— Неприятно, когда твоя мать — пьяная сука. Это и правда отвратительно, Тед.

Он ничего не ответил.

Мы могли переключить внимание на что-нибудь другое. По крайней мере, на время. У меня было ощущение, что с Тедом еще не закончено.

За окном сновали люди.

Прозвенел звонок.

Долгое время все молчали. Нам было о чем подумать.

Глава 18

Сильвия Рэгон внезапно нарушила всеобщее молчание. Она запрокинула голову и захохотала — протяжно, мрачно и громко. Несколько человек, включая меня, подпрыгнули. Тед Джонс никак не отреагировал. Он все еще находился под влиянием своих мыслей.

— Знаете ли вы, что я сделаю, когда все это закончится? — спросила Сильвия.

— Что? — поинтересовался Пиг Пэн.

Он, казалось, сам был удивлен тем обстоятельством, что снова обрел дар речи. Сандра Кросс внимательно смотрела на меня. Она скрестила ноги в лодыжках так, как это обычно делают хорошенькие девушки, желая помешать парням заглянуть им под юбку.

— Я хочу, чтобы эта история была напечатана в детективном журнале: «Шестьдесят Минут Ужаса с Пласервилльским Маньяком». Я поручу это кому-нибудь, кто умеет хорошо писать: Джо Мак-Кеннеди или Филу Фрэнксу... Или, может быть, тебе, Чарли.

Она залилась истерическим смехом, Пиг Пэн не замедлил присоединиться. Мне кажется, что его вдохновило бесстрашие Сильвии. Или, возможно, ее ярко выраженная сексуальность. Уж Сильвия не стала бы сжимать колени.

Тем временем прибыли две полицейские машины и остановились возле лужайки. Пожарники покинули место происшествия, сигнал тревоги смолк несколько минут назад. От толпы отделился мистер Грейс и направился к парадному входу. Легкий ветерок развеивал полы его пальто.

— Нашего полку прибыло, — сказал Корки Джеральд.

Я встал, подошел к внутренней связи и поставил рычажок в положение «Слушайте — говорите». Затем я снова сел. На лице мистера Грейса явственно читалось: «Господь ниспослал меня вам». Это был противник посерьезнее.

Несколько секунд спустя раздался характерный звук, свидетельствующий, что линия включена.

— Чарли? — спросил мистер Грейс спокойным уверенным голосом.

— Как поживаешь, старина? — поинтересовался я.

— Спасибо, хорошо. А ты, Чарли?

— Недурно!

— Чарли, мы только что посоветовались и решили тебе помочь. Ты совершил антиобщественный поступок, не правда ли, мой мальчик?

— С какой стороны посмотреть.

— Существуют общественные нормы, Чарли. Сначала мистер Карлсон, теперь это...

Разреши нам помочь тебе.

Я чуть было не спросил его, являются ли мои одноклассники частью общества, так как ни один из них не выглядел особо озабоченным судьбой миссис Андервуд. Но я не стал об этом упоминать. Это противоречило бы правилам, которых я решил придерживаться.

— О, вы хотите спасти мою черную душу и сделать ее белой как снег? И каким же образом?

Пэт Фицджеральд, который был так же черен, как туз пик, засмеялся и затряс головой.

— Чарли, Чарли, — сказал мистер Грейс. — Только ты можешь спасти свою душу.

В его голосе была слышна вся скорбь мира. Мне это не нравилось. Я прекратил язвить и положил руку на пистолет. Мне это совсем не нравилось. Он запросто мог запудрить мне мозги. Я был знаком с ним довольно долго, с тех пор, как ударил мистера Карлсона гаечным ключом. И знал, что он это делает мастерски.

— Мистер Грейс?

— Да, Чарли?

— Передал ли Том полиции мои слова?

— Ты имеешь в виду мистера Денвера?

— Какая разница! Передал ли он...

— Да, он сообщил.

— Ну, и какую же тактику копы выбрали в отношении меня?

— Я не знаю, Чарли. Меня больше интересует, что ты решил предпринять. Ну, ладно.

Пусть пудрит мне мозги. Точно так же он вел себя после инцидента с мистером Карлсоном. Но с тех пор прошло достаточно много времени, и я хорошо изучил его повадки. Теперь пришел мой черед вправить ему мозги.

— Ну что, коленки у Вас дрожат? — поинтересовался я, ухмыляясь.

— Что?

— Эй, ребята, — сказал я с горечью. — Вы все одинаковы.

— Пусть так. Мы все хотим тебе помочь, Чарли.

Он оказался более крепким орешком, чем старина Том Денвер. Это очевидно. Я мысленно представил себе лицо Дона Грейса. Грязный ублюдок. Он обожал твидовые пальто с замшевыми накладками на локтях. От него всегда исходил запах какой-то вонючей дряни, привезенной из Копенгагена. Человек, обладающий всевозможными инструментами, с помощью которых он препарировал ваш мозг. Вонючий недоносок.

— Разреши нам помочь тебе, — повторил мистер Грейс.

— Хорошо, валяйте. Но боюсь, что после этого в помощи будете нуждаться вы, — сказал я. — Лучше не делайте этого. Я вам не советую.

— Почему, Чарли?

— Мистер Грейс?

— Да, Чарли?

— С этого момента, как только Вы зададите мне вопрос, я сразу же продырявлю кому-нибудь башку.

Я услышал, как он быстро и тяжело задышал, словно ему сообщили, что его сын попал в автокатастрофу. Это был весьма характерный звук. Я почувствовал себя намного уверенней.

Взгляды присутствующих были прикованы к моему лицу. Тед Джонс медленно поднял голову, как будто он только что проснулся. В его глазах я увидел привычную ненависть. Глаза Энн Лески испуганно округлились. Пальцы Сильвии Рэгон нервно зашарили по столу в поисках сигареты. Сандра Кросс внимательно смотрела на меня, так внимательно, как если бы я был доктором или священником.

Мистер Грейс хотел было что-то сказать, но я оборвал его.

— Зарубите себе на носу! Перед тем, как что-нибудь сказать, тщательно обдумайте свои слова. Мы больше не играем в Вашу игру. Понятно? Мы играем в мою. Только ответы. Никаких вопросов. Будьте очень осторожны. Ясно?

Он ничего не ответил. Я понял, что выиграл.

— Чарли... — взмолился он.

— Вот, совсем другое дело. Так и продолжайте. Вы уверены, что Вам удастся после всего этого сохранить за собой место, мистер Грейс?

— Чарли, ради Бога...

— Уже гораздо лучше.

— Отпусти их, Чарли. Спаси свою душу.

— Вы говорите слишком быстро. Если у Вас, не дай Бог, вырвется какой-либо вопрос, одним трупом будет больше.

— Чарли...

— Вы выполняли свой воинский долг?

— Чт... Послышался булькающий звук, словно ему перерезали горло.

— Ты почти убил кое-кого, — сказал я. — Осторожней, Дон. Я буду называть тебя Дон, о'кей? Тщательнее взвешивай свои слова.

Я хотел сломать его.

В тот момент мне показалось, что я могу втоптать его в грязь.

— Я лучше помолчу немного, Чарли.

— Делай, что я сказал, или я пристрелю кого-нибудь. Все, что ты должен делать, — это сидеть там и отвечать на мои вопросы.

— Я на самом деле должен так поступить, Чарли. На мне лежит ответственность за...

— Ответственность? — завизжал я. — О Боже, она лежит на тебе с тех самых пор, как ты закончил колледж! Ничего подобного, ты хотел спасти свою задницу! Но сейчас я за рулем, а ты толкаешь машину сзади! Я выполняю свое обещание. Ты понял меня?

— Я не буду играть в дешевую салонную игру с человеком, который требует удовлетворения всех своих прихотей.

— Прими мои поздравления, — сказал я. — Ты только что описал современную психиатрию. Это, должно быть, определение из учебника, Дон? А сейчас слушай меня внимательно: ты будешь делать все, что я скажу; если мне захочется, отопьешь из окна. И да поможет тебе Бог, если я уличу тебя во лжи. Их жизни в твоих руках. Ну как, готов обнажить свою душу? На старт!

Мистер Грейс прерывисто задышал. Он хотел было спросить, действительно ли я намерен разрядить в кого-нибудь свой пистолет, но побоялся, что услышит звук выстрела вместо ответа. Ему очень хотелось протянуть руку к телефону и вырубить его, но он знал, что услышит эхо выстрела, отдающееся в пустых коридорах школы, подобно катящемуся по аллее адскому шару.

— Ну, хорошо, — сказал я.

Я расстегнул ворот рубашки. Копы, Том Денвер и мистер Джонсон нервно суетились на лужайке, ожидая возвращения шпика в твидовом пальто.

Вглядись в мои сны, Зигмунд, обрызгай их спермой символов. Покажи, насколько мы все отличаемся друг от друга. Кто мы: бешеные собаки или старые тигры, в жилах которых течет испорченная кровь. Покажи мне лицо человека, который прячется в моих мокрых снах.

У них были все основания для самонадеянности, но теперь по ним этого не скажешь. Образно выражаясь, мистер Грейс был Следопытом из Мира Приключений. Полицейский жеребец с компасом.

Из динамика над моей головой доносилось прерывистое дыхание Пата Бампа.

Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал, что я задумал. Я, в свою очередь, хотел знать, что он предпримет, когда на город опустятся сумерки.

Итак, Дон, приступим.

Глава 19

— Ты выполнял свой воинский долг?

— Да.

— Где?

— В армии, Чарли.

— В какой должности?

— Я служил в качестве доктора.
— Психиатра?
— Нет.
— Как долго ты был практикующим психиатром?
— Пять лет.
— Ты когда-нибудь занимался оральным сексом со своей женой?
— Что... Сердитая пауза.
— Я... Я не буду отвечать на этот вопрос. Вы не имеете права...
— У меня есть все права, у тебя — ни единого. Отвечай, или я убью кого-нибудь. Заруби себе на носу: если ты солжешь, и я поймаю тебя на этом, я убью кого-нибудь. Итак, ты когда-нибудь занимался...
— Нет!
— Как долго ты был практикующим психиатром?
— Пять лет.
— Почему?
— Поче... Ну, это просто удовлетворяло меня как личность.
— Твоя жена когда-нибудь изменяла тебе с другим мужчиной? — Нет.
— С другой женщиной?
— Нет!
— Откуда ты знаешь?
— Она любит меня.
— Твоя жена делала тебе когда-нибудь минет, Дон?
— Я не знаю, что Вы...
— Ты чертовски хорошо знаешь, что это значит.
— Нет, Чарли, я...
— Ты когда-нибудь списывал на экзамене в колледже? Пауза.
— Никогда.
— А на проверочных испытаниях?
— Нет.
Я продолжал придирааться.
— Тогда как ты можешь говорить, что твоя жена никогда не занималась с тобой оральным сексом?
— Я... Я никогда... Чарли...
— Где проходили ваши военные маневры?
— Форт Беннинг. — В каком году?
— Я не помню...
— Скажи мне год, или я применю оружие. — В 1956 году.
— Ты был свиньей?
— Я... Я не пони...
— Ты был свиньей? Ты был собачьей мордой?
— Я был... Я был офицером. Сначала...
— Я не просил тебя говорить об этом! — завизжал я.
— Чарли... Чарли, ради Бога, успокойтесь...
— В каком году ты выполнял свой воинский долг?
— В 1960-ом.
— Ты должен стране шесть лет! Ты лжешь! Я убью...
— Нет! — закричал он. — Национальная Гвардия. Я был в Национальной Гвардии.
— Какова девичья фамилия твоей матери?
— Г-Г-Гэвин.
— Почему?
— По... Я не знаю, что ты име...
— Почему ее девичья фамилия Гэвин?
— Потому что фамилия ее отца Гэвин. Чарли...
— В каком году проходили военные маневры?
— В 1957... 1956!
— Ты лжешь! Я поймал тебя, Дон, не правда ли?
— Нет!
— Ты начал говорить 1957.
— Я перепутал.
— Сейчас я выстрелю кому-нибудь в живот.

- Чарли, ради Христа!
- Смотри, будь внимательней! Ты был свиньей, правильно? В армии?
- Да-нет... Я был офицером.
- Каково второе имя твоего отца?
- Д-Джон. Ч-Чарли, держи себя в руках. Н-Не...
- Ты когда-нибудь занимался оральным сексом с женой?
- Нет!
- Ты лжешь! Ты сказал, что не знаешь, что это значит.
- Ты же объяснил мне это!
- Мистер Грейс тяжело дышал, периодически похрюкивая.
- Чарли, позволь мне уйти, позволь...
- Каково твое вероисповедание?
- Методист.
- В церковном хоре?
- Нет!
- Ты посещал воскресную школу?
- Да.
- Каковы первые три слова в Библии? Пауза.
- В начале было...
- Первая строка 23 Псалма?
- Бог... Хм... Бог — мой пастырь, я не хочу.
- Впервые ты занимался оральным сексом с женой в 1956 году?
- Да-нет... Чарли, оставь меня в...
- Военные маневры, в каком году?
- В тысяча девятьсот пятьдесят шестом!
- Перед этим ты сказал в пятьдесят седьмом, — завизжал я. — Сейчас я размозжу кому-нибудь башку!
- Я сказал в пятьдесят шестом, ты, недоносок! — истерически заорал мистер Грейс.
- Что случилось с Ионой, Дон?
- Его проглотил кит.
- В Библии говорится о большой рыбе, Дон. Ты это имел в виду?
- Да. Большая рыба. Жалкий работяга.
- Кто построил ковчег?
- Ной.
- Где проходили военные маневры?
- Форт Беннинг. Он сказал это более спокойно и уверенно.
- Занимался ли оральным сексом со своей женой?
- Нет.
- Что?
- Нет!
- Какова последняя книга Библии, Дон?
- «Апокалипсис».
- Кто ее написал?
- Иоанн.
- Каково второе имя твоего отца?
- Джон.
- Твой отец исповедовался тебе когда-нибудь, Дон?
- Послышалось нервное хихиканье, на которое отозвалось несколько человек в классе.
- О... Нет... Чарли... Он никогда этого не делал.
- Какова девичья фамилия твоей матери?
- Гэвин.
- Числится ли Христос среди мучеников?
- Д-Да...
- Что с ним сделали?
- Его распяли.
- О чем Христос спросил Бога на кресте?
- Мой Бог, мой Бог, почему ты покинул меня?
- Дон?
- Да, Чарли.
- Что ты только что сказал?

— Я сказал: «Мой Бог, мой Бог, почему...»

Пауза.

— О, нет, Чарли!

— Ты задал вопрос.

— Ты обманул меня!

— Только что ты подписал чей-то смертный приговор, Дон. Я очень сожалею.

— Нет!

Я выстрелил в пол. Весь класс, слушавший нашу беседу с гипнотическим вниманием, вздрогнул. Несколько человек завизжали. Пиг Пэн снова упал в обморок. Его тело свалилось на пол с ужасным грохотом. Я не знаю, слышно ли было это по внутренней связи, хотя на самом деле это не имело значения. Мистер Грейс зарыдал. Он всхлипывал как маленький ребенок.

— Удовлетворительно, — сказал я, ни к кому персонально не обращаясь. — Вполне удовлетворительно.

Я дал ему вволю поплакать. Услышав звук выстрела, копы поспешили к зданию, но Том Денвер их остановил. Таким образом, все складывалось хорошо. Мистер Грейс плакал как маленький ребенок. Беспомощно и безнадежно. Я заставил его отыметь самого себя собственным членом, кое-что из личного опыта читателей «Пентхауза». Я сорвал с него маску доктора и сделал из него человека.

— Мистер Грейс? — наконец сказал я.

— Я уйду, — ответил он. — И ничто меня не остановит!

— Все нормально, — нежно сказал я. — Игра окончена. Никто не погиб. Я выстрелил в пол.

Настороженная тишина.

— Как я могу верить тебе, Чарли? — спросил он устало.

Ничего не ответив, я посмотрел на Теда.

— Это Тед Джонс, мистер Грейс, — механически сказал Тед.

— Д-Да, Тед.

— Он выстрелил в пол, — как робот продолжал Тед. — Все нормально.

Затем он оскалился и попытался еще что-то сказать. Я наставил на него пистолет, и он тут же заткнулся.

— Спасибо, Тед. Спасибо, мой мальчик.

Мистер Грейс снова зарыдал. Казалось, прошло бесконечно много времени до того момента, когда он отключил связь. Через некоторое время он вышел из школы, шатаясь, и направился к копам. На руке его висело твидовое пальто с замшевыми заплатками на рукавах. Он шел сгорбившись, словно старик.

Мне стало очень стыдно, когда я увидел его в таком состоянии.

Глава 20

— О, род людской, — устало вздохнув, промолвил Дик Кин, сидевший на задней парте.

Внезапно его перебил звонкий ликующий голос:

— Мне кажется, это было потрясающе!

Я повернул голову и увидел Грейс Стэннор, миниатюрную девицу, чем-то напоминавшую немецкую куклу. Она пользовалась успехом у доморощенных щеголей, отличительной особенностью которых были прилизанные волосы и белые носки. Они увивались вокруг нее как рой пчел. Она носила облегающие свитера и короткие юбки. Во время ходьбы все ее прелести покачивались из стороны в сторону, притягивая взоры окружающих. По меткому выражению Чака Бэрри, это походило на затмение — только она и ничего больше. Я слышал, что ее мать была отнюдь не подарок. Она постоянно торчала в баре «Денни» возле южной магистрали, примерно в полумиле от того места, где их семья снимала угол. Это была грязная, обшарпанная забегаловка. «Яблоко от яблони недалеко падает» — излюбленная поговорка в нашем городе. В настоящий момент она была одета в розовый кардиган и темно-зеленую юбку, обнажавшую стройные ноги. Ее лицо напоминало личико маленькой проказницы.

Она подняла вверх стиснутый кулак. Было что-то чистое и одновременно пикантное в этом моменте. У меня перехватило дыхание.

— Давай, Чарли! Трахни их всех!

Все головы повернулись в ее сторону. Я говорил вам о шарике в рулетке, не правда ли? Ну, конечно же, говорил. Так вот, он все еще движется по кругу. Безумие бывает разное. Существует масса людей помимо меня, обожающих наблюдать за мордобоем. Они посещают состязания мотогонок, матчи борцов, смотрят фильмы ужасов. Реплика Грейс Стэннор была из этой же серии, имела тот же привкус насилия. Меня восхитило, что она сказала об этом вслух. Приз за честность всегда самый почетный. Кроме того, она была крошечная и хорошенькая.

Ирма Бейтц посмотрела на нее с отвращением.

— Закрой свой грязный рот! — крикнула она.

— А пошла ты... — улыбаясь отпарировала Грейс, спустя мгновение добавив, — шлюха!

У Ирмы отвалилась челюсть. Она попыталась что-то сказать. Я видел, как напряглась ее шея, вздулись вены, задергалось горло в поисках достойного ответа. Она подыскивала подходящие слова, чтобы бросить их в лицо сопернице. Ее распирало от ненависти и жажды взять реванш. Она была похожа на лягушку.

Наконец, она выпалила:

— Тебя нужно расстрелять с ним заодно, грязная потаскушка.

Ей показалось, что этого недостаточно. Она чувствовала себя уязвленной до глубины души. Внутри нее клокотала ярость.

— Смерть шлюхам! Шлюхам и их дочерям!

В комнате было тихо, но теперь эта тишина усилилась. Казалось, воздух звенит и вибрирует. Казалось, что Ирма и Грейс стоят на огромной сцене в свете юпитеров, а все присутствующие застыли в странном оцепенении.

Улыбка медленно сползла с лица Грейс. Сейчас она напоминала скорее гримасу.

— Что? — медленно спросила она. — Что-что?

— Проститутка! Развратная девка!

Грейс встала и медленно отчеканила, растягивая слова: — Моя-мать-работает-в-прачечной-вонючая-сучка! Лучше-возьми-свои-слова-обратно!

Глаза Ирмы триумфально засияли. Ее шея блестела от пота. Эта пай-девочка по пятницам всегда смотрела вечерние телепередачи, не забывая поглядывать на часы. У нее не было друзей, ее телефон всегда безмолвствовал. Голос мамочки был для нее все равно что глас Божий. Она постоянно пощипывала усики, темневшие над верхней губой. Эта девица с растительностью под носом по сто раз бегала на фильмы с участием Роберта Рэдфорда и, изнемогая от нежности, писала письма Джону Траволта при ярком свете настольной лампы. Время для нее текло медленно и вяло. Казалось, что ее удел — пустые комнаты и запах пота. Она открыла рот и заорала:

— Дочь шлюхи!

— О'кей, — сказала Грейс. Она встала и пошла Ирме навстречу, держа перед собой вытянутые руки, как гипнотизер. Ее длинные ногти были покрыты перламутровым лаком.

— Я выцарапаю тебе глаза, стерва!

— Дочь шлюхи, дочь шлюхи! — пропела Ирма Бейтц. Грейс улыбалась. Ее глаза горели огнем. Она не спеша, вразвалку, шла прямо на Ирму. Она была хороша как никогда. Черты ее лица казались вырезанными из кости.

— О'кей, Ирма, — сказала она. — Вот я до тебя и добралась. Сейчас я выдеру тебе глаза.

Ирма опомнилась и сделала шаг назад.

— Стоп, — сказал я Грейс.

Я не стал поднимать пистолет, просто положил на него руку. Грейс остановилась и взглянула на меня вопрошающе. На лице Ирмы читалось удовлетворение. В мыслях она уже видела нимб вокруг моей головы.

— Дочь шлюхи, — повторила она, обращаясь к классу. — Миссис Стэннор готова принять любого каждую ночь, когда возвращается после попойки. Вместе с дочерью, идущей по ее стопам.

Она тошнотворно улыбнулась Грейс. Грейс все еще смотрела на меня вопрошающе.

— Ирма, — сказал я вежливо. — Посмотри на меня, пожалуйста.

Она уставилась на меня не мигая. Выражение ее лица поразило меня. Она была вне себя от гнева. Ее щеки горели, хотя лицо напоминало застывшую восковую маску. Она походила на визжащую летучую мышь-альбиноса. Казалось, она не задумываясь ринется в самое пекло, если в этом возникнет необходимость.

— Хорошо, — сказал я, когда они обе уставились на меня. — А теперь слушайте меня внимательно. Мы должны поддерживать здесь порядок. Я ясно выражаюсь? Что мы имеем

без дисциплины? Джунгли. Наилучший способ поддержания порядка — разрешать трудности цивилизованным образом.

— Правильно, правильно! — крикнул Харман Джексон.

Я встал, подошел к доске и взял кусочек мела. Затем я нарисовал на полу большой круг, примерно пяти футов в диаметре. Все это время краешком глаза я наблюдал за Тедом Джонсом. Затем я вернулся к столу и сел.

— Пожалуйста, девочки, — сказал я, указывая на круг. Грейс беспрекословно выполнила мое приказание. Я залюбовался ее походкой. Ирма сидела неподвижно.

— В чем дело, Ирма? — спросил я. — Ты ведь провинилась, не так ли?

Она выглядела совершенно сбитой с толку. Затем она опомнилась и встала со стула, прикрывая рот рукой, будто сдерживая истерический хохот. Ирма вошла в круг, стараясь держаться как можно дальше от Грейс. Ее глаза были опущены, руки скрещены на груди. Казалось, она готова исполнить оперную арию.

Ни с того ни с сего мне в голову пришла мысль:

«Продает ли ее отец машины?»

— Отлично, — сказал я. — А теперь зарубите себе на носу. Шаг в сторону карается расстрелом. Ясно?

Им было ясно. Им было все абсолютно ясно. Когда вы уже не способны мыслить, понимание какого-нибудь явления сводится к примитивным ощущениям, наподобие тех, которые вы испытываете, когда смотрите в окошко камеры обскура викторианской эпохи.

— Мне не хотелось бы применять насилие. Я думаю, у вас было много времени поразмыслить о вопросах жизни и смерти. Мы ограничимся словесными оскорблениями и незначительным рукоприкладством, девочки. Я буду судьей. Согласны?

Они кивнули.

Я вытащил из заднего кармана красный носовой платок. Когда-то я купил его по дешевке в деловой части города и некоторое время носил обмотанным вокруг шеи. Затем мне это надоело, и я стал использовать его по прямому назначению.

— Как только я брошу платок на пол, приступайте к делу. Ты начинаешь первая, Грейс, как защищающаяся сторона.

Грейс кивнула головой, соглашаясь. Как сказала бы моя мамочка, на ее щеках цвели пурпурные розы.

Ирма Бейтц ошарашенно уставилась на платок.

— Прекрати! — заорал Тед Джонс. — Ты обещал, что не будет никакого насилия, Чарли. Сейчас же прекрати это безобразие!

Без всяких на то причин Дон Лорди разразился безумным смехом.

— Она первая начала, Тед, — с ненавистью сказала Сильвия Рэгон. — Если какая-то вшивая вонючка называет мою мать шлюхой...

— Шлюха, грязная шлюха, — сдержанно подтвердила Ирма.

— ...Я выцарапаю твои бесстыжие глаза!

— Ты сошла с ума! — заорал Тед. Он покраснел как рак. — Мы могли его остановить! Если бы мы действовали все заодно, то могли бы...

— Заткнись, Тед, — рявкнул Дик Кин.

Тед огляделся, но никто его не поддержал. Глаза его метали молнии. Я порадовался, что между нами было значительное расстояние. При необходимости я бы успел выстрелить ему в ногу.

— Ну как, готовы, девочки?

— Готовы, — подтвердила Грейс, ухмыляясь. Ирма кивнула в знак согласия. Она была крупной блондинкой отталкивающей наружности. Ее волосы имели грязноватый оттенок, слипшиеся локоны напоминали рулон туалетной бумаги.

Я уронил платок на пол. Представление началось. Грейс о чем-то напряженно размышляла. Казалось, я слышу, с каким скрипом вращаются шестеренки в ее мозгу. В тот момент я любил ее. Нет... Я любил их обеих.

— Ты жирная грязная потаскушка, — отчеканила Грейс, с ненавистью глядя Ирме в лицо. — Ты самая настоящая вонючка. От тебя постоянно воняет. Вшивая дрянь!

— Отлично, — одобрил я, когда она закончила свою тираду. — А теперь дай ей пощечину.

Грейс со всей силы залепила Ирме пощечину. Раздался треск, как при столкновении двух лодок. Когда Грейс замахивалась, ее свитер задрался, обнажив часть спины.

— У-ух! Вот это да! — восторженно прокомментировал Корки.

Голова Ирмы резко качнулась назад, лицо сморщилось от боли. Выражение сдержанности исчезло с него напрочь. На щеке расплылось алое пятно.

Грейс запрокинула голову, тяжело дыша. Ее красивые волосы рассыпались по плечам. Она ждала.

— Теперь твоя очередь, Ирма, — сказал я. — Вперед!

Ирма тяжело дышала. Ее глаза потускнели, рот искривился.

— Прощандовка! — наконец выпалила она, предвкушая победу. Ее губы задергались как у лающей собаки. — Шлюха, ложащаяся под первого попавшегося самца.

Я одобрительно кивнул ей.

Ирма ухмыльнулась. Она выглядела ужасающе огромной. Ее тяжелая, будто каменная рука с треском опустилась на лицо Грейс.

— О! — восторженно взвыли зрители.

Грейс осталась стоять на месте. Ее лицо приобрело пунцовый оттенок, но она даже не пошатнулась. Она стояла и улыбалась Ирме в лицо. И Ирма не выдержала. Я видел и не мог в это поверить.

Я мельком взглянул на аудиторию. Все были словно загипнотизированы и находились в каком-то подвешенном состоянии. Они больше не думали о мистере Грейсе, Томе Денвере или Чарльзе Деккере. Они наблюдали захватывающее зрелище. Казалось, они всматриваются в кривое зеркало и видят собственные души.

— Как насчет сатисфакции, Грейс? — спросил я.

Крошечные зубки Грейс обнажились в улыбке.

— Тебе ни разу в жизни не назначали свидания. Ты уродина. От тебя дурно пахнет.

Поэтому ты ненавидишь всех и вся. Поэтому все, что делают люди, кажется грязным в твоём искаженном восприятии. Озабоченная девка!

Я кивнул Грейс.

Грейс заехала кулаком Ирме в лицо. Та свалилась на пол. Удар был не сильным, но она зарыдала громко и безнадежно.

— Отпусти меня, Чарли! — взмолилась она. — Я больше не могу! Отпусти меня!

— Возьми назад свои слова о моей матери, — потребовала Грейс.

— Твоя мать берет в рот! — завизжала Ирма. Ее лицо было перекошено от ненависти.

Она трясла головой как ненормальная.

— Очень хорошо, — сказал я. — Теперь твоя очередь, Ирма.

Но Ирма продолжала визжать как недорезанная.

— Боже... Я хочу умереть... — всхлипывала она. Она закрыла лицо дрожащими руками.

— Проси прощения, тварь, — угрожающе повторила Грейс.

— Твоя мать берет в рот! — снова завопила Ирма, не отрывая рук от лица.

— О'кей, теперь твоя очередь, Ирма. Твой последний шанс.

Ирма изо всей силы ударила Грейс по лицу. Грейс зажмурилась, вены на ее шее от напряжения вздулись. Ее лицо покраснело. Тело Ирмы сотрясилось от рыданий.

— Ты ничего не сможешь со мной сделать, — сказала Грейс. — Ты ничтожество, жирная вонючая свинья.

— Вмажь ей хорошенько! — завопил Билли Соьер. Он ударил сжатыми кулаками по парте. — Дай ей по морде!

— У тебя даже нет ни единого друга, — тяжело дыша, выпалила Грейс. — Ты просто коптишь небо!

— Верни ей должок, — сказал я. — Теперь твой черед.

Грейс замахнулась, но Ирма завизжала и грохнулась на колени.

— Хватит!! Не бейте меня! Не трогайте меня!

— Проси прощения.

— Я не могу, — всхлипнула она. — Разве ты не видишь, что я не могу.

— Можешь. Так будет лучше для тебя.

В комнате не раздавалось ни звука. Внезапно тишину нарушил бой настенных часов. Ирма подняла голову, и в этот момент Грейс ребром ладони ударила ее по шее. Раздался звук, похожий на пистолетный выстрел.

Ирма тяжело опустилась на четвереньки, спутанные волосы закрыли ей лицо. Она завопила:

— О'кей! Будь по-твоему. Я прошу прощения!

Грейс отступила на шаг и застыла с открытым ртом. Она подняла руки и откинула волосы со лба. Ирма смотрела на нее неуверенно и жалко. Она снова встала на колени, и мне показалось, что она молится на Грейс. Снова слышались всхлипывания.

Грейс посмотрела на класс, а потом на меня. Грудь ее часто вздымалась.

— Моя мать много себе позволяет, — сказала она, — но я все равно люблю ее.

Все заплодировали. Все, за исключением Теда Джонса и Сюзанн Брукс. Сюзанн была слишком ошеломлена, чтобы как-то реагировать. Она смотрела на Грейс Стэннор с восхищением.

Ирма сидела на полу, закрыв лицо руками. Когда аплодисменты прекратились (я заметил, что Сандра Кросс все это время вела себя как сомнамбула), я приказал:

— Встань, Ирма.

Она посмотрела на меня удивленно, словно очнувшись ото сна.

— Оставь ее в покое, — отчеканил Тед.

— Заткнись, — оскалился Харман Джексон. — Чарли все делает правильно.

Тед обернулся и удивленно посмотрел на него. Но Харман даже не опустил глаза, как бы он поступил в другое время в другом месте. Они оба были членами Студенческого Комитета, правда, Тед всегда играл первую скрипку.

— Вставай, Ирма, — мягко сказал я.

— Ты собираешься меня убить? — прошептала она.

— Нет, ведь ты же извинилась.

— Она вынудила меня это сделать.

— Держу пари, ты действительно раскаиваешься в своем поступке.

Ирма смотрела на меня исподлобья, волосы закрывали ей лицо.

— Я ненавижу приносить извинения.

— Ты простила ее? — спросил я Грейс.

— Я? — с удивлением переспросила Грейс. — О да, конечно. Она направилась к своей парте и села, нахмутив брови.

— Ирма? — спросил я.

— Что?

Она смотрела на меня испуганно и жалко, как побитая собака.

— Ты хочешь еще что-нибудь сказать?

— Я не знаю.

Она стояла ссутулясь, не зная, куда девать руки.

— Мне кажется, тебе нужно выговориться.

— Облегчи свою душу, Ирма, — поддержала меня Тенис Гэннон. — Я всегда так поступаю, и мне это помогает.

— Отцепитесь от нее, — раздался с задней парты голос Дика Кина.

— Я не хочу этого, — внезапно сказала Ирма. — Я хочу выговориться.

Она снова отбросила назад волосы. Ее руки больше не дрожали.

— Я — некрасивая. Я никому не нравлюсь. Меня ни разу не приглашали на свидание.

Все, что она сказала, — правда.

Она закусил губы, но слова все равно потоком лились из ее рта.

— Тебе нужно следить за собой, — сказала Тенис. — Нужно мыть и брить ноги и, пардон, подмышки. Следует быть более привлекательной. Я не красавица, но не сижу дома по выходным. Немного старания, и у тебя все получится.

— Я не знаю как!

Кое-кто из парней почувствовал себя неудобно, зато девчонки наклонились вперед, не пропуская ни слова. Сейчас они все казались очень хорошенькими.

— Ну... — начала Тенис. Затем она остановилась и покачала головой. — Иди сюда и садись рядом.

— Профессиональные секреты, — захихикал Пэт Фитцджеральд.

Все захохотали. Ирма Бейтц прошла вглубь комнаты, где Тенис, Энн Лески и Сюзанн Брукс о чем-то совещались между собой. Сильвия и Грейс о чем-то разговаривали. Пиг Пэн ощупывал их взглядом. Тед Джонс сидел нахмутив брови. Джордж Янек что-то выцарапывал на парте и курил сигарету, чем-то смахивая на ужасно занятого плотника. Остальные наблюдали в окно за копами, которые суетились на лужайке. Я заметил среди них Дона Грейса, старину Тома Денвера и Джерри Кессерлинга.

Внезапно зазвенел звонок, заставив всех подпрыгнуть. И копов в том числе. Парочка из них вытащила пистолеты.

— Расписание звонков изменилось, — сказал Харман.

Я посмотрел на часы. Было 9:50. В 9:05 я еще сидел у окна, наблюдая за белкой. Сейчас белка уже скрылась, старина Том Денвер последовал ее примеру. Миссис Андервуд перешла в мир иной. Обдумав все это, я решил, что мое время настало.

Глава 21

Прибыли еще три полицейские машины. Подходил народ из города, и копы более или менее успешно его разгоняли. Подкатил на новом «Понтиаке» владелец ювелирного магазина мистер Франкл. Он тут же вцепился в Джерри Кессерлинга и стал чего-то добиваться от него, поправляя на носу очки в роговой оправе. Джерри пытался избавиться от него, но тщетно. Мистер Франкл был вторым лицом в городе и большим другом Нормана Джонса, папы нашего Теда.

— Мама купила мне кольцо в его магазине, — произнесла Сара Пастерн, косясь на Теда. — Оно окрасило мне палец в первый же день отвратительным зеленым цветом.

— А моя мама называет его проходимцем, — сказала Тенис.

— Эй! — воскликнул Пиг Пэн. — А вот и моя мамочка!

Все посмотрели в направлении, указанном Пэном. Действительно, это была миссис Дано, разговаривавшая с кем-то из военных. Из выреза платья выглядывал бюстгальтер. Она была одной из тех женщин, у которых разговор наполовину состоит из жестикуляции. Ее трепещущие руки, то замирающие, то вновь развевающиеся как флаги, вызывали у меня какие-то странные ассоциации.

Мы все хорошо знали ее не только понаслышке, но и в лицо. Она возглавляла большинство кружков в городе и состояла в клубе матерей. Куда бы вы не пришли: на школьную вечеринку, праздничный ужин или танцы, вы непременно увидите миссис Дано с ее вечной кислой ухмылкой, выражающей недовольство жизнью и уверенность в тщетности бытия. Она любила сплетни и вылавливала крупницы информации с жадной проворностью, с какой ловят мух лягушки.

Пиг Пэн заерзал на сиденье, будто ему захотелось в уборную.

— Эй, Пэн, тебя мама зовет, — окликнул его Джек Голдмен.

— Ну и пусть, — пробормотал Пиг Пэн. У Пэна была старшая сестра Лилли Дано. Она училась в старшем классе, когда мы еще были новичками. Внешне она походила на брата, и отсюда можно сделать вывод, насколько далеко ей до королевы красоты. Крючконосый тип по имени Лафоллет Арманд стал увиваться вокруг нее, и это закончилось спустя некоторое время довольно банально: подростковый секс на заднем сиденье машины и беременность. Бедная Лилли была отправлена к тете в Оксфорд. Миссис Дано два месяца не появлялась в клубе матерей, а затем ее опять можно было видеть всюду, только ухмылка стала еще более кислой. Классическая для маленького городка история.

— Но она действительно беспокоится о тебе, — сказала Кэрол Гренджер. — Что с того, — равнодушно произнес Пиг Пэн. Сильвия Рэгон улыбнулась.

Пэн покраснел. Некоторое время все молчали. Мы смотрели на горожан, находящихся в миле от нас. Я узнал еще несколько отцов и матерей. Родителей Сандры не было, не увидел я и Джо Мак-Кеннеди. Я и не думал, что он покажется: такой цирк не в нашем стиле.

Подъехала пресса. Один парень выскочил из автобуса и привязался с какими-то вопросами к копу. Коп что-то отвечал ему, указывая на дорогу. Еще двое репортеров принялись устанавливать камеры.

— Есть у кого-нибудь транзистор? — поинтересовался я.

Трое подняли руки. Самый большой приемник оказался у Корки. Он принимал шесть программ, в том числе коротковолновые. Мы включили его как раз вовремя: передавали десятичасовые новости.

— Коротко об основных событиях, — доносилось из приемника. — Старшекурсник пласервилльской высшей школы Чарльз Эверетт Деккер, очевидно, находящийся в состоянии аффекта...

— Эверетт! — воскликнул кто-то из ребят.

— Заткнитесь, — резко произнес Тед. Пэт Фитпджеральд показал язык. — ...и теперь держит двадцать четыре заложника в аудитории высшей школы. Питер Вэнс, тридцатисемилетний учитель истории, убит. Подозревается, что нет в живых и другого учителя, тридцатисемилетней Джинны Андервуд. Деккер дважды связывался со школьными властями. Мы приводим список заложников... Репортер зачитал список класса, который я давал Тому Денверу.

— Обо мне говорят по радио! — воскликнула Нэнси Каски, когда произнесли ее фамилию. Она зажмурилась и довольно улыбнулась. Мелвин Томас присвистнул. Нэнси покраснела и приказала ему заткнуться.

— ...и Джордж Янек. Франк Филбрек, капитан полиции, утверждает, что Деккер чрезвычайно опасен. Действия его предугадать невозможно. «Этот парень без тормозов», — сказал Филбрек.

— А хочешь пощупать мой тормоз? — спросил я Сильвию.

— А ты уверен, что есть, что щупать? Я так верю сообщению радио, — ответила Сильвия, и все рассмеялись.

Энн Лески густо покраснела и хихикала, прикрывая рот ладошкой. Тед нахмурился.

— ...Грейс, пласервилльский психиатр, разговаривал с Деккером несколько минут назад. Грейс сообщил репортерам, что Деккер угрожает убить всех заложников до одного, если Грейс немедленно не покинет своего кабинета.

— Ложь! — произнесла Грейс Стэннор. Ирма подпрыгнула.

— Что этот говенный репортер о себе думает? — зарычал Мелвин. — И как он собирается из этого дерьма выпутываться?

— ...А также он заключил, что Деккер является шизоидной личностью, возможно, переживающей обострение болезни. Грейс завершил свою речь словами: «Я уверен, что Чарльз Деккер способен на все». Полиция окрестных городов...

— Какое дерьмо! — воскликнула Сильвия. — Я расскажу этим уродам, что в действительности происходит, как только мы отсюда выберемся! Я сразу... — Заткнись и слушай! — оборвал ее Дик Кин.

— ...и теперь, по утверждению капитана Филбрека, ситуация зашла в тупик. Деккер начнет убивать в случае применения полицией слезоточивого газа. На карту ставится жизнь двадцати четырех детей...

— Детей, — повторил задумчиво Пиг Пэн. — Дети. Это удар в спину, Чарли. Чертово дерьмо. Что они думают, что понимают в происходящем?

— Он что-то говорит о..., — начал Корки.

— Не бери в голову. Выключи эту штуку, — ответил Пэн, — здесь раздаются куда более интересные звуки.

Я посмотрел на Пэна.

— Что ты имеешь в виду?

Пиг Пэн неожиданно рассмеялся. Без всякой видимой причины он полез в карман и, покопавшись там, вытащил карандаш. Затем уставился на него. — Карандаш Би-Боп, — сказал Пиг Пэн. — Самые дешевые карандаши на всей земле. Их невозможно заточить. Каждый сентябрь, с тех пор как я пошел в первый класс, мамочка приходит домой с двумя сотнями карандашей Би-Боп в пластиковой коробке. И я пользуюсь ими, о Боже.

Он вертел карандаш в руках, пристально уставившись на него. По правде говоря, это действительно был скверный, дешевый карандаш. Я сам пользовался только карандашами «Эберхард Фабер».

— Мама, — продолжал Пиг Пэн, — вот в чем для меня мама. Две сотни карандашей Би-Боп в пластиковой коробке. Как вам это? И все эти дерьмовые ужины. Гамбургер и бумажная миска с тертой морковкой. Она постоянно затевает споры. Это ее хобби. Постоянные споры, все время. Она подписывается на все женские журналы. Это невыносимо. Однажды сестра принесла котенка...

— Она забеременела, да? — спросил Корки.

— ...И мать не разрешила его оставить. Утопила в туалете, когда никто не видел. Лилли говорила, что можно было хотя бы отнести его к ветеринару и усыпить, и то лучше, а мама отвечала, что не собирается выбрасывать четыре доллара на какое-то животное.

— Ах, бедный котенок, — вздохнула Сюзанн Брукс.

— Клянусь Богом, она это сделала своими руками, прямо в сортире. И все эти чертовы карандаши. Думаете, она купит мне новую рубашку? Может быть, на день рождения. Я говорю ей: «Мама, ты слышишь, как меня называют ребята. Мама, ради Бога». Она никогда ничего мне не разрешает и постоянно затевает пререкания. Бесконечные разговоры. Бесконечные карандаши в пластиковых коробках. Однажды она не пустила меня на танцы, сказав, что в том месте, куда я собираюсь пойти, много развращенных девиц, которые только и думают, как бы кого-нибудь подцепить. Так и сказала.

— О, Боги! — пробормотала Сильвия.

— И эти ужины. И эти клубы. Ко всем пристаёт, привязывается со своими идиотскими разговорами. С этим невозможным выражением лица. — Он посмотрел на меня и улыбнулся самой странной улыбкой, какую я когда-либо видел. — Знаешь, что она сказала, когда Лилли уехала? Она стала убеждать меня продать машину. Тот старый «Додж», который подарил мне дядя, когда я получил права. Я отказался. Я сказал, что дядя Фрэд подарил мне эту

машину, и я не собираюсь ее продавать. Она ответила, что сделает это сама, если я буду упрямитесь. Она подписывала все бумаги, и официально машина принадлежит ей. Она сказала, что продаст машину, чтобы я не смог обесчестить какую-нибудь девушку на заднем сиденье. Обесчестить девушку, так вот и сказала.

Он размахивал карандашом, затем судорожно переломил его пополам и отбросил в сторону.

— Я сказал маме, что не собираюсь продавать «Додж». А она настаивала на своем, и мне пришлось это сделать. Я ничего против нее не могу. Она всегда знает, что сказать. Вы начинаете приводить ей какие-то аргументы, речь идет о машине, а она спрашивает вдруг: «Почему это ты так долго был в ванной?» Хоть на стену лезь. Вы ей про машину, а она про ванную. Будто я чем-то грязным там занимался. Она постоянно несет всякую чушь.

Он выглянул в окно. Миссис Дано уже не было видно.

— Она постоянно болтает, это подавляет, от этого невозможно уйти. Карандаши Би-Боп, которые ломаются всякий раз, когда пробуешь их заточить. Это и есть ее метод подавления. Она ужасна, она тупа, она утопила котенка, маленького котенка, и она так тупа, что каждый смеется над ней за спиной. Знаете, как это действует на меня? Я становлюсь меньше и глупее. Я начинаю чувствовать себя несчастным котенком, которого по ошибке принесли в дом, и он ползает в пластиковой коробке, полной карандашей Би-Боп.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Пиг Пэн завладел вниманием аудитории, но не думаю, чтобы он это заметил. Он выглядел абсолютно потерянным и опустошенным. За окном коп поставил машину на лужайке параллельно школьным окнам. Несколько его приятелей с пистолетами в руках забежали за нее, очевидно, затевая какую-то секретную операцию.

— Я думаю, такого она еще не нюхала. — Пиг Пэн улыбнулся своей странной, пугающей улыбкой. — Если бы у меня был пистолет, Чарли, я убил бы ее не задумываясь.

— Ты безумен, — печально произнес Тед. — Боже, мы все скоро свихнемся.

— Не будь такой сволочью, Тед.

Эти слова произнесла Кэрол Гренджер. Довольно странно, что она выступила против Теда. Раньше эти два типичных представителя истеблишмента всегда поддерживали друг друга. Однако, именно Кэрол смогла открыто противостоять Теду. Для одноклассников Тед был чем-то вроде Эйзенхауэра для либералов пятидесятых, хотя эта аналогия очень приблизительна. Вы вынуждены восхищаться этим человеком, его стилем, улыбкой, блестящими манерами, успехом, но что-то в нем раздражает Вас. И Вы не можете выразить это словами, но ощущаете как что-то скользкое в нем. Вы скажете, я слишком много внимания уделяю Теду. Почему бы нет? Меня не покидает странное чувство, что все происходившее сегодня утром — не более, чем плод чьей-либо фантазии. Или дурной сон. И почему-то мне кажется, что вовсе не я, а Тед находится в центре всех событий. И именно он заставляет окружающих проявлять те качества, которые им не свойственны... Или которые были в них до поры до времени скрыты. Одно можно сказать точно: Кэрол сейчас смотрела на Теда вызывающе, она вовсе не собиралась играть по его правилам.

— Если они его схватят, то не найдут ничего интересного. Пустышка, — произнес Тед.

Пэн уставился на обломки своего дешевого карандаша, будто это была единственная оставшаяся на свете вещь. У него была грязная шея, но на это уже никто не обращал внимания. Кому было какое дело до его шеи.

— Они подавят тебя, — прошептал Пэн. Он оглянулся по сторонам, затем посмотрел на меня. Выражение его лица с застывшей полуулыбкой было неприятно мне. Оно почему-то вызывало тревогу.

— Они справятся и с тобой, Чарли. Вот увидишь, так все и будет.

В комнате было тихо. Я крепко сжимал пистолет. Стараясь ни о чем не думать, я взял коробку с патронами и заправил несколько штук в магазин. Руки мои вспотели. Неожиданно до меня дошло, что я держу пистолет за ствол, направив его на себя. Никто не шевелился. Тед замер, склонившись над партой. И он не двигался, разве что шевелил извилинами. Я неожиданно подумал, что коснуться его мне было бы также неприятно, как притронуться к крокодилу. Интересно, Кэрол когда-нибудь обнимала его? Скорее всего, да. Эта мысль вызвала у меня отвращение.

Сюзанн Брукс неожиданно разрыдалась. Никто не обратил на нее внимания. Я глядел на них, они на меня. Я держал пистолет за ствол. Они это знали. Я сделал пару шагов, и нога моя коснулась тела миссис Андервуд. Я взглянул на учительницу. На ней было ее обычное пальто из шотландской шерсти поверх коричневого кашемирового свитера. Она уже окоченела, и кожа ее на ощупь наверняка напоминала крокодиловую. Я оставил след на ее

свитере. Мне вспомнилась картина, которую я однажды видел: Эрнст Хемингуэй одной ногой опирается на мертвого льва и сжимает в руках винтовку, а на земле сидит полдюжины черных туземцев. Неожиданно мне захотелось кричать. Я лишил эту женщину жизни, я убил ее, продырявил ей голову, и тем покончил с алгеброй. Сюзанн Брукс опустила голову на парту, как в детском саду во время тихого часа. Ее волосы были повязаны нежно-голубой косынкой, это смотрелось довольно мило. У меня заболел желудок.

— ДЕККЕР!

Я вскрикнул и повернул пистолет к окнам. Там был какой-то военный с громкоговорителем. Выше по склону холма располагались журналисты с камерой. Пиг Пэн, скорее всего, был прав.

— ДЕККЕР, ВЫХОДИ С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ!

— Сейчас иду, — ответил я.

У меня начали дрожать руки. Желудок болел все сильнее. У меня всегда были проблемы с желудком. Временами по утрам, когда я собирался в школу, со мной случались колики. Был также неприятный инцидент, когда я первый раз проводил время с девушкой. Однажды мы с Джо подцепили пару девчонок в парке Гаррисона. Стояли теплые июльские дни, и небо было бездонно-синее. Мою девушку звали Эннмари. Она произносила это имя одним словом. Девушка была хорошенькой, она носила темно-зеленые вельветовые шорты и шелковую блузку. У нее была пляжная сумка. Мы двигались по дороге по направлению к пляжу, из радио доносились звуки рок-н-ролла. Брайан Вилсон, помню как сейчас. Брайан Вилсон и «Бич Бойз». Джо вел старый голубой «Меркури» и улыбался своей фирменной улыбочкой. Я вдруг почувствовал бурю в желудке. Ощущение не из приятных. Джо разговаривал со своей девушкой, кажется, о серфинге, что хорошо сочеталось со звучащей музыкой. Девушку звали Розалин, она была сестрой Эннмари, и тоже весьма привлекательной. Я открыл рот, чтобы сказать, что мне дурно, но вместо этого блеванул на пол. Я испачкал ногу Эннмари, и вы даже не можете себе представить выражение ее лица. Все постарались отнестись к происшедшему проще, будто все так и должно быть. Купаться в тот день я не мог, желудок выворачивало наизнанку. Эннмари загорала на скамейке рядом со мной. Девушки сделали бутерброды и пригласили нас перекусить. Но хотя я выпил соды, съесть так ничего и не смог. Все это время я думал о запахе, который будет стоять в салоне голубого «Меркури», весь день гревшегося на солнце. Реальность превзошла все мои ожидания. Мы делали вид, что ничего не ощущаем. Но вонь от этого никуда не девалась.

— ВЫХОДИ, ДЕККЕР! ТЫ ОКРУЖЕН.

— Прекратите. Заткнитесь.

Но они меня, конечно, не слышали, да и не хотели слышать. Они вели свою игру.

— Не очень приятно, когда тебя игнорируют, не правда ли? — промолвил Тед. — Не получается навязывать свои правила.

— Оставь меня в покое.

Голос мой звучал неубедительно. Я пробовал думать о белке и о зеленой незагаженной лужайке, но не мог. Все смешалось в моем сознании. Пляж в тот день был залит ярким солнцем. У каждого был транзистор, и со всех сторон лилась музыка. Джо и Розалин плескались в зеленых волнах.

— У ТЕБЯ ЕСТЬ ПЯТЬ МИНУТ, ДЕККЕР!

— Тебе стоит выйти, — действительно произнес Тед. — Тебе предоставляют шанс.

— Что ты о себе думаешь? — набросилась на него Сильвия. — Считаешь себя героем? Да? Дерьмо, вот ты кто, Тед Джонс. И я скажу им...

— Ну зачем ты говоришь мне...

— ...И они подавят тебя, Чарли...

— ДЕККЕР!

— Стоит выйти, Чарли.

— ...отстань, не трогай его...

— ДЕККЕР!

— ...и эти проклятые ужины, и эти проклятые...

— ...если ты только позволишь ему ДЕККЕР! подавят тебя ты один ну он не может Чарли ты не должен НЕ ВЫНУЖДАЙТЕ НАС ОТКРЫВАТЬ ОГОНЬ ты готов Тед если бы ты знал да заткнитесь все ради бога для твоего же блага ВЫХОДИ!..

Я направил пистолет на окна и, крепко сжимая его обеими руками, четыре раза нажал на курок. Звуки выстрелов гулко раскатились по комнате, как бильярдные шары. Стекла разлетелись вдребезги. Военные исчезли из поля зрения. Зрители поспешно разбежались во

всех направлениях. Осколки стекла блестели на зеленой траве внизу ярче, наверное, чем бриллианты в магазине мистера Франкла.

Ответного огня не последовало. Они блефовали. А на что они были еще способны?

Однако Тед Джонс не блефовал. Он был на полпути ко мне, когда я направил на него ствол пистолета. Он застыл, уверенный в том, что я сейчас выстрелю. Он смотрел в пустоту мимо меня.

— Сядь, — сказал я ему.

Тед не двигался. Он выглядел парализованным.

— Сядь на место, — повторил я.

Он начал дрожать. Кажется, дрожь началась в ногах и затем поднималась вверх, захватив руки, подбородок, губы... Его правая щека начала дергаться. Лишь взгляд оставался застывшим. Ну что ж, я предоставил ему возможность испытать что-то новое. «Насколько измельчала нынешняя молодежь! Некоторые еще пытаются начать революцию, взрывая сортиры в государственных учреждениях, но никто уже не кидает бутылки с зажигательной смесью в Пентагон». Так говорил мой папочка, и здесь я с ним полностью согласен. Тед смотрел в пустоту.

— Сядь, — в очередной раз повторил я. Тед наконец смог выполнить мое пожелание. Никто из присутствующих не издал ни звука. Некоторые зажимали уши ладонями, чтобы не слышать выстрелов, и теперь осторожно опускали руки, прислушиваясь к наступившей тишине. Мой желудок не бунтовал. Я снова был в норме.

Человек с громкоговорителем снова закричал, но теперь он обращался не ко мне. Он призывал зевак покинуть опасную зону, что они и сделали. Многие из них побежали прочь пригнувшись, как Ричард Видмарк во время мировой войны.

Легкий ветерок проник в комнату сквозь разбитые окна. Он сбросил со стола Джексона бумаги и закружил их по полу. Джексон встал и поднял их.

— Скажи еще что-нибудь, Чарли, — произнесла Сандра Кросс.

Я улыбнулся. Мне хотелось напеть одну старинную народную песенку, там было что-то о прекрасных голубых глазах, но слов я не помнил, да и голос у меня для пения не самый подходящий. Я просто смотрел на нее и улыбался. Сандра слегка покраснела, смутившись, но не отвела взгляд. Я подумал, что когда-нибудь она выйдет замуж за какого-нибудь кретина с пятью костюмами в шкафу и превосходной туалетной бумагой в сортире. Эта мысль наполнила меня ощущением безысходности. К сожалению, все девушки когда-нибудь перестают бегать на танцы, резвиться на лужайках и целовать мальчиков в кустах. И становятся солиднее. Вчерашняя кукла Барби превращается в почтенную мать семейства. Никуда не денешься, с грустью думал я, постигнет и Сандру эта участь. А потом меня неожиданно заинтересовал вопрос: какие трусы на ней сегодня? А вдруг белые?

Было десять часов пятнадцать минут.

Я начал рассказывать.

Глава 22

Когда мне было двенадцать лет, мама купила мне вельветовый костюм. К этому времени отец уже оставил все попытки заниматься моим воспитанием, и я полностью поступил в распоряжение мамочки. Купленный ею костюм я с большой неохотой одевал в церковь по воскресеньям и на еженедельные чтения Библии по четвергам, дополняя свой вид одним из трех галстуков-бабочек. Ну кто же мог предположить, что мама заставит меня одеть костюм на день рождения Кэррол! Я перепробовал все. Я убеждал ее, приводил все мыслимые доводы, заявлял, что вовсе никуда не пойду. Даже прибегнул ко лжи: сказал, что вечеринка отменяется, потому что Кэррол заболела ветрянкой. Но один звонок родителям Кэррол расставил все на свои места. Ничто не помогало. Мама предоставляла мне достаточно свободы и не слишком вмешивалась в мою жизнь, но уж если какая-нибудь идея приходила ей в голову, возражать было бесполезно. Оставалось смириться. До сих пор вспоминаю один эпизод, очень ярко характеризующий ее упорство. Однажды на рождество брат отца подарил ей мозаику. Мамочка иногда занималась составлением мозаичных картинок, ее это развлекало, а отец и дядя Том находили это занятие самой идиотской на свете тратой времени. Поэтому, я думаю, дядя не случайно прислал в подарок мозаику из пятисот кусочков, которую в принципе невозможно было собрать. Папа хохотал весь вечер: «Посмотрим, мать, как это у тебя получится». Он всегда называл ее «мать», когда стремился как-нибудь подколоть, и это никогда не переставало раздражать ее. Мама тут же ушла в свою

спальню (к этому времени спальни у них были отдельные), два дня мы ее не видели и вынуждены были ужинать чем попало, а на третий нам представилась возможность лицезреть полностью собранную картину. Мамочка сфотографировала свою работу и послала снимок дяде Тому в Висконсин. Затем разобрала мозаику и забросила ее на чердак, где она валяется и по сей день. Вообще-то моя мама очень мягкий человек, она хорошо образована и не лишена чувства юмора. Но лучше не пытаться встать на ее пути, когда она уже приняла решение.

А сейчас я вынужден был ей противоречить. В четвертый раз за сегодняшний день я принялся перечислять все доводы против этого кошмарного костюма, который уже был на меня надет. Галстук-бабочка раздражал меня до невозможности. Он был похож на розового паука, вцепившегося мне в шею. Пиджак жал под мышками. В довершение всего мне пришлось одеть выходные туфли с квадратными носками. Отца не было дома, он вышел в город посидеть с друзьями, пропустить по рюмочке чего-нибудь крепкого. Но я догадываюсь, что он сказал бы о моем виде в тот момент. Я чувствовал себя полным идиотом.

— Послушай, мама...

— Я не хочу больше ничего слушать, Чарли.

Я разделял ее настроение и тоже был бы рад прекратить затянувшуюся дискуссию, но ведь это мне, а не ей, придется идти в таком виде на вечеринку.

— Я только хочу тебе сказать, мама, что никто из ребят не будет сегодня в костюме. Я утром звонил Джо, и он сказал, что он оденет...

— Заткнись, — лаконично ответила мама, и мне пришлось выполнить ее пожелание. — Заткнись, или ты никуда не пойдешь.

Я понимал, что «никуда» означает нечто большее, чем день рождения Кэрол. Что в это понятие наверняка включается кино, танцы и плавание на весь следующий месяц. Я вспомнил мозаику и со вздохом решил смириться. Соппротивление было явно бесполезным. К тому же я был равнодушен в то время к Кэрол, и мне очень хотелось видеть ее сегодня.

— Окей, — быстро сказал я, — я иду.

— И не думай, что ты можешь переспорить меня, Чарли Деккер, — мрачно произнесла мама, — веди себя пристойно. Твой отец еще запросто может тебя отшлепать.

— Уж это я знаю, — ответил я. — Он и сам мне напоминает об этом слишком часто.

— Чарли!

— Все, ухожу. Пока, мамочка.

— И смотри, веди себя прилично в гостях, — неслось мне в спину, пока я шел к двери, — не заляпай брюки мороженым! Не забудь сказать «спасибо» после ужина! Поздоровайся с миссис Гренджер!

Я молча остановился на пороге, выслушивая эти напутствия.

— Будь джентльменом.

О, Боже.

— И не забудь, что можно начинать есть только после того, как начнет хозяйка.

О, Боже милостивый.

Я поспешил выскочить за дверь, воспользовавшись короткой паузой. Кажется, мамочка вспомнила еще что-то из правил хорошего тона, но я уже выбежал на улицу.

Стоял ясный летний день, светило солнце, были каникулы, и все вокруг было настолько замечательно, что скверное настроение быстро улетучивалось. И чем черт не шутит, возможно, Кэрол придет в голову идея затащить меня в постель. А я не буду сопротивляться. Возможно, мое личное обаяние будет сильнее отталкивающего действия вельветового костюма. К тому же, если Кэрол нравится Мирон Флорен, она спокойно воспримет и костюм.

Тут мне встретился Джо и на мгновение я снова почувствовал себя кретином. На нем были потрепанные белые джинсы «Левис» и футболка. Он осмотрел меня с ног до головы, и я вздрогнул.

— Классный пиджак, — заметил Джо. — Ты похож на того парня из шоу Лоренса Белча. Ну, тот, который с аккордеоном...

— Мирон Флорен, — сообщил я и вздохнул с облегчением.

Он предложил мне жвачку. Это была пластинка «Блэк Джек». Лучшей жвачки невозможно и представить. Я перекачивал ее языком во рту и чувствовал, что настроение мое снова улучшается. Джо все же был моим другом. Пожалуй, единственным. Он относился ко мне очень лояльно, его даже не отпугивали мои странные манеры. Например, у меня была привычка, увлекшись какой-нибудь неожиданной мыслью, ходить взад-вперед с идиотской гримасой на лице, чего я, естественно, не замечал. Разве что по реакции окружающих... А Джо ко всему относился спокойно. Я превосходил его во всем, что касается умственной

деятельности, зато он гораздо лучше меня умел заводить друзей и был вхож в любую компанию. У меня с коммуникабельностью дела обстояли по хуже. Вы понимаете, что если у ребенка коэффициент интеллекта выше, чем у всех его товарищей, и при этом он не умеет даже играть в бейсбол, то едва ли он будет принят в компанию сверстников. Избыток серого вещества вызывает у окружающих легкую неприязнь. Но Джо был исключением. И поскольку все ребята любили Джо, они были вынуждены терпеть и меня, как приложение к нему. Я не могу сказать, чтобы я восхищался Джо, но какие-то теплые чувства он у меня вызывал.

Так мы и шли, наслаждаясь погодой, обществом друг друга и жвачкой «Блэк Джек», когда чья-то тяжелая рука легла мне на плечо. Я едва не поперхнулся. Конечно, это был не кто иной, как Дикки Кейбл.

Дикки был коренастый малый с квадратными плечами, напоминавший газонокосилку фирмы «Бриггз и Стрэттон». У него была квадратная улыбка, обнажавшая два ряда крепких белых зубов, похожих на зубья косилки. — Послушай, да ты выглядишь гладеньким! — обратился ко мне Дикки, при этом заговорщицки подмигивая Джо. — Гладеньким и блестящим, как кучка свежего дерьма!

И снова хлопнул меня по спине. Я сжался. Все это мне сильно не нравилось, а хуже всего было смутное предчувствие, что сегодня мне предстоит крупное столкновение с этим типом. Решающая битва, которую я должен выиграть, но едва ли у меня хватит на это сил.

— Убери свои руки, о'кей? — сказал я. Но Дикки не отстал от нас, он шел рядом до самого дома Кэрол. Мгновение, когда я переступал порог, до сих пор вспоминается мне как кошмарный сон. Никто не был так выряжен, как я. Посреди комнаты стояла именинница. Выглядела она прекрасно.

Я остановился, любуясь Кэрол. Она была чертовски хороша. Еще совсем девчонка, но легкий оттенок светского лоска уже коснулся ее. Конечно, она все еще была подвержена перепадам настроения и рыдала, запираясь от родителей в ванной, и все также любила «Битлз», но все это уже тщательно скрывалось. Она уже начинала становиться дамой света. На вид ей было лет шестнадцать, элегантное коричневое платье облегалo стройную фигурку, волосы были перехвачены платком цвета ржавчины. Она рассказывала о чем-то стоявшим рядом ребятам, смеясь и жестикулируя.

Дикки и Джо подошли, чтобы вручить подарки. Кэрол повернулась к ним, она улыбалась, кивала, благодарила... Господи, как она была прекрасна в тот момент!

Я решил незаметно исчезнуть. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы она увидела меня в этом шутовском наряде. И чтобы я наблюдал, как она мило беседует с Дикки, этим уродом, на мой взгляд, а для нее — вполне приемлемым собеседником. Я думал, что смогу тихо смыться прежде чем кто-нибудь заметит мое присутствие. В кармане был доллар, который я заработал вчера, выпалывая сорняки в саду миссис Каценц, и я могу отправиться в кино... Но прежде чем я взялся за дверную ручку, я понял, что отступить поздно. Меня заметила миссис Гренджер.

Да, это был несчастливый день. Стоит сказать пару слов о миссис Гренджер. Вообразите себе плиссированную юбку и прозрачную шифоновую блузу поверх туши слона, невообразимую прическу, напоминающую смерч, только ярко-желтого цвета, и вы получите еще далеко не полное представление об этой фурии.

— Чарли Деккер! — взвизгнула она, и широко раскинула руки, похожие на огромные хлебные батоны, надвигаясь на меня. Она казалась мне воплощенным кошмаром, всеми монстрами из фильмов ужасов в одном лице. Но самое скверное было не это, а то, что все — абсолютно все — в комнате обернулись ко мне. Миссис Гренджер наградила меня влажным поцелуем в щеку и воскликнула: — Ах, как ты прелестно выглядишь!

Почему-то мне показалось, что сейчас она добавит: «Гладенький, как собачье дерьмо!», и я вздрогнул.

Не буду утомлять вас подробным пересказом того, что творилось на протяжении следующих трех часов. Это и так можно себе хорошо представить. Периодически рядом со мной раздавался гаденький голос Дикки: «Ах, как ты прелестно выглядишь!», а еще пара ребят поинтересовалась, кто, собственно, умер.

Единственный человек, не оставивший меня в этой ситуации, был Джо. Но и его присутствие слегка раздражало меня. Я слышал, как он советовал народу оставить меня в покое, и это было неприятно. Я находился в положении деревенского дурачка.

И только Кэрол, одна из всех, вовсе не уделила мне внимания. Просто не заметила. Я не знал, что буду делать, если она подойдет и пригласит меня на танец, и сильно переживал по этому поводу. А когда она не подошла, это затронуло меня еще сильнее. Нет, я вовсе не хотел сейчас танцевать, но такое пренебрежение ранило самолюбие.

Я стоял, всеми покинутый, когда играла пластинка Битлз. И когда Бобби Шерман пел в своей великолепной раскованной манере. Вечеринка была в самом разгаре, а я был лишним на этом празднике. Чем-то вроде мебели. Мне казалось, что это будет продолжаться вечно. За окном будут идти дни и годы, постареют и умрут родители, обратятся в руины дома, а я так и буду стоять здесь у стенки, как идиот. И когда остановится время, и архангел Гавриил пролетит над нами со своей трубой, здесь все так и будет, как сейчас: я с кислой миной в стороне, танцующие и смеющиеся одноклассники, громкая музыка и большой торт с надписью из мороженого «С днем рождения, Кэрол!» на столе. Кто-то предложил сыграть в «бутылочку». Миссис Гренджер издавала похабное кудахтанье, обозначавшее у нее, видимо, смех: «Ах, нет, дети! Нет!»

Кэрол предложила выйти во двор и поиграть там. Все высыпали наружу. На секунду я оказался рядом с Кэрол, но она даже не посмотрела в мою сторону. Я медленно вышел на крыльцо. Слышались звонкие голоса и смех, иногда кто-нибудь из ребят пробежал мимо. Рядом со мной на крыльце стоял Джо и наблюдал за происходящим, облокотившись о перила.

— Зря она так, — задумчиво произнес он.

— Она просто очень занята. Много гостей, всем надо уделить внимание...

— Черт.

Некоторое время мы постояли молча. Кто-то позвал Джо, но тот не откликнулся.

— А посоветуй своей мамочке завести котенка и его опекать, — предложил Джо.

— В таком случае, лучше сразу двух, — ответил я.

— Иди к нам, Джо!

Теперь это была Кэрол. Она успела переодеться в довольно простые брюки, но и в них она смотрелась восхитительно. Джо взглянул на меня. Я понимал, что он чувствует ответственность за меня и не хочет оставлять меня одного. И это мне не нравилось. Я догадывался, что такие отношения ни к чему хорошему не приводят, и рано или поздно опекающий начинает тяготиться твоим обществом и ненавидеть тебя, себе в этом не признаваясь. В двенадцать лет я еще не очень ясно осознавал все эти вещи, но многое интуитивно чувствовал.

— Иди, раз зовут, — сказал я ему.

— А ты?

— Я собрался домой.

— А ты уверен, что не хочешь остаться?

— Да. Ну, пока!

Я пошел через лужайку к калитке, все же несколько задетый тем, что Джо не предложил пойти домой вместе. Тут меня заметил Дикки.

— Ах, ты покидаешь нас, прелестный мальчик?

Я, конечно, должен был бы ответить что-нибудь нейтральное и идти своей дорогой. Неожиданно для себя я довольно резко посоветовал ему заткнуться. Дикки тут же подскочил ко мне, будто только этого и ожидал.

Отвратительная квадратная усмешка расплзлась по его тупой физиономии, и он произнес:

— Что ты сказал, прелестный мальчик?

Все это, весь сегодняшний день, вельветовый костюм, танцы, идиотские шутки, все так осточертело мне, что я уже не мог сдерживаться. Я сорвался с тормозов. — Повторяю для недоумков, я попросил заткнуться. Дай мне пройти.

Ребята, находившиеся неподалеку, молча наблюдали эту сцену. Миссис Гренджер в доме пела романс тонким фальшивым голосом.

— Может, ты попробуешь сам меня заткнуть?

Дикки почесал грязный затылок, глядя на меня насмешливо.

Я толкнул его. Какая-то сила вынудила меня начать драку. В меня словно бес вселился, и остановиться было невозможно. Я уже не управлял своим поведением. Дикки сделал резкий выпад и ударил меня в плечо. Рука моя оказалась на мгновение парализована, боль пронзила ее от плеча до кончиков пальцев. Я никогда не владел приемами бокса, поэтому попробовал сделать захват и швырнуть противника на траву. Он вцепился мне в шею и притянул к себе, будто собирался меня поцеловать. У него сильно воняло изо рта. Мы повалились на землю, и Дикки принялся молотить меня по спине другой рукой, но это не возымело эффекта. Он был сильнее, но я был обозлен до предела. Я ощущал себя, как минимум, карающим ангелом. И с таким увлечением предался своему занятию, словно избиение Дикки Кейбла и было моей миссией на земле. Кроме того, я был сверху и собирался там и оставаться.

Но внезапно он выскользнул из-под меня — не пойму, как это у него получилось — и тут же оказался в более выгодной позиции. Я пробовал освободиться, но усилия мои ни к чему не привели. Своими огромными ручищами Дикки пригибал мою голову к земле, а сам навалился сверху. Я подумал: интересно, где сейчас Кэрол? Наблюдает ли она эту безобразную сцену? Дикки увлеченно стучал меня головой о землю. Я чувствовал, как трещит по швам вельветовый пиджак, как одна за другой отлетают от него все пуговицы... Дикки смеялся. Из глаз моих сыпались искры, голова гудела, трава набилась в рот. Теперь я походил на газонокосилку.

— Эй, прелестный мальчик, как ты теперь себя чувствуешь?

У меня выступили слезы на глазах.

— Ты похож на денди! — весело сообщил Дикки, сопровождая это заявление новым ударом.

— Ты великолепен! — продолжал Дикки. Внезапно я почувствовал свободу. Моего противника оттащил Джо.

— Достаточно, кретин, ты не видишь, что пора прекратить? — кричал он на Дикки.

Я медленно поднялся. В волосах у меня была земля и травинки, но никаких видимых повреждений на голове не было. Ничего, оправдывающего слезы, которые продолжали катиться градом по щекам. Я не мог остановиться. Все смотрели на меня в эту минуту, и было заметно, что меньше всего им хочется сейчас на меня смотреть. В воздухе висело неловкое молчание. Вид почти у всех был смущенный, многие оглядывались по сторонам: не видел ли происходящее кто-нибудь из взрослых, не пора ли смываться отсюда.

Кэрол была среди них, и она сделала шаг вперед, будто собиралась подойти ко мне. Затем оглянулась, не последует ли кто ее примеру, но все словно замерло на своих местах, и Кэрол тоже остановилась, молча глядя на меня. Дикки приглаживал пятерней волосы, растрепавшиеся во время драки. Миссис Гренджер прекратила петь романс. Она стояла на крыльце, разинув рот.

Джо подошел и положил руку мне на плечо.

— Пойдем отсюда, Чарли, — сказал он.

Я хотел оттолкнуть его, но вместо этого сам повалился на землю: голова кружилась настолько сильно, что я плохо держался на ногах.

— Отстань от меня! — закричал я. Голос был хриплый и срывающийся, я с трудом признал его своим. Брюки были перепачканы травой. На пиджаке осталась только одна пуговица, я стал собирать остальные. У меня горели уши.

Дикки что-то напевал себе под нос, поправляя рубашку. По крайней мере, он вел себя естественно, не ломал комедию, и уже за это я мог его уважать. Миссис Гренджер очутилась рядом со мной.

— Чарли! Чарли, дорогой...

— Заткнитесь! — заорал я. Все плыло у меня перед глазами. Казалось, что стоящие вокруг лица сливаются в сплошное кольцо, сжимающее мой мозг. — Старая кошелка!

Выкрикнув эти слова, я вскочил на ноги и побежал, роняя собранные пуговицы. Я остановился только возле пустого дома на Виллоу-стрит. Там я присел на ступеньки и подождал, пока прекратятся слезы. Под носом у меня была грязь, я вытер ее рукавом. Мимо проходил бродячий кот, я хотел погладить его, но он вырвался и убежал. Я прекрасно понимал его настроение. Костюм был в ужасном состоянии, но это меня волновало меньше всего. Не слишком беспокоило меня и то, что мама наверняка устроит из всего этого трагедию и позвонит родителям Дикки. Но скверным было то, что нужно будет говорить с отцом. Я уже представлял себе его спокойный взгляд и вопрос: «Ну, а как выглядит твой противник?»

И свою ложь.

Я сидел почти час, думая о том, что сейчас выйду на трассу, поймаю машину и уеду к черту из этого города. И никогда сюда не вернусь.

Но потом все же встал и пошел домой.

Глава 23

За окнами не прекращалось движение. Все новые копы подъезжали к зданию школы. Голубые машины военных, белые микроавтобусы полиции Левистона, черно-белые из Брунсвика и две из Обурна. Среди всего этого столпотворения сновали какие-то чины полицейского департамента, негромко перекрикиваясь между собой. Прибыли новые репортеры. Они возились со своими микрофонами и камерами, стараясь пристроиться

поудобнее, чтобы иметь лучший обзор. На дороге выставили знак «Проезд закрыт», как будто сложно было придумать что-нибудь поинтереснее, например: «Осторожно! Опасный сумасшедший». Дон Грейс и старый добрый Том что-то пытались доказать внушительных размеров болвану в полицейской форме. Дон выглядел сильно раздраженным. Болван слушал их внимательно, но отрицательно качал головой. Похоже, это и был капитан Франк Филбрек из Главного Полицейского Управления. Интересно, догадывается ли он, что я сейчас держу его под прицелом... Кэрол Гренджер прервала молчание. Голос ее дрожал, а на лице был легкий румянец смущения. Я вовсе не для того рассказывал эту историю, чтобы кого-нибудь пристыдить.

— Я была ребенком, Чарли.

— Знаю, — я улыбнулся, — но ты была такой очаровательной и вовсе не смотрелась как ребенок.

— И мне нравился в то время Дикки Кейбл.

— После всего этого?

Она смутилась еще больше:

— Да, даже сильнее. Я поехала с ним на пикник в восьмом классе. Он был таким... Ну, как бы это сказать... Таким решительным. Я была к нему благосклонна в тот день. Но это единственный раз, когда я куда-нибудь ездила с Дикки. Где он сейчас, понятия не имею.

— Пласервилльское кладбище, — бесцветным голосом произнес Дик Кин.

Мне стало не по себе. Примерно такое же ощущение, как если бы я увидел призрак миссис Андервуд. Мысль о том, что Дикки мертв, вселяла в меня необъяснимый ужас. И я видел отражение своих чувств на лице Кэрол.

«Он был таким решительным, я была к нему благосклонна», — сказала она. Что могут значить эти слова из уст приличной барышни в уездном городке? Возможно, он обнял ее. Или даже поцеловал в губы. Да, Бог хранил нас всех на том пикнике в восьмом классе. Дикки был таким решительным...

— Что с ним случилось? — спросил Дон Лорди. Дик, некоторое время помолчав, медленно произнес:

— Авария. Как раз тогда, в прошлом октябре, он получил права. Он любил водить машину. Все время гонял как сумасшедший. Он не знал меры. Наверное, хотел показать окружающим, какой он герой. С ним невозможно было садиться в машину. У него был «Понтиак» 1966 года, и Дикки сам выполнял все ремонтные работы. Он покрасил автомобиль в зеленый цвет, а на боковой двери нарисовал пикового туза.

— Да я видел эту машину, — сказал Мелвин. — Не знал, правда, что это Дикки, но действительно, он гнал как сумасшедший.

— ...Сделал сам все ремонтные работы. И почти никогда не ездил медленнее, чем девяносто километров в час. Однажды ночью мы ехали по Стэкпол-роуд, Дикки жал девяносто пять километров в час, и тут нас занесло. Ты прав, Чарли. Этот парень выглядел более чем странно, когда улыбался. Не знаю, можно ли это сравнить с газонокосилкой, скорее, у меня были другие ассоциации, но он действительно выглядел слегка безумным. Все время, пока он пытался удержать управление, он улыбался в этой своей странной манере. И бормотал себе под нос, не переставая: «Я удержусь, я удержусь...» И тогда он действительно удержался. Я попросил его остановиться, вылез из машины и пошел домой на негнущихся ногах. Мне было очень дурно. А пару месяцев спустя он попал в аварию на Лизбон-стрит. Ренди Милликен был с ним в тот день. Ренди остался жив, и он говорил, что они не были ни пьяные, ни накуренные. Вина здесь была полностью на водителе грузовика. И он месяца три провел в тюрьме. А Дикки мертв. Странно.

Кэрол побледнела. Она выглядела так скверно, что я боялся, что она упадет в обморок. Чтобы как-нибудь ее отвлечь, я спросил:

— А твоя мама сильно тогда на меня разозлилась?

— Что? — Кэрол с непонимающим видом оглянулась по сторонам.

— Я назвал ее тогда старой кошелкой.

— Ах да, — Кэрол благодарно улыбнулась, поддерживая игру. — Она была очень зла. И говорила, что ты сам виноват, устроив эту потасовку. — Помнишь, наши мамы ходили вместе в тот клуб?

— «Букс и Бридж»? Да, помню. По правде говоря, Чарли, я твою маму знаю плохо. Я пару раз с ней здоровалась. И все время слышала рассказы от своей мамочки о том, как потрясающе интеллигентна миссис Деккер, и что она говорит о какой-нибудь книге, и так далее, и тому подобное. И какой ты чудный, маленький джентльмен.

— Гладенький, как собачье дерьмо, — мрачно согласился я. — Знаешь, а я привык слышать от мамочки дифирамбы в твой адрес.

— Серьезно?

— Да.

Внезапно меня осенило. Как же я раньше не догадался! Право же, смешно.

— Знаешь, Кэрол, я понял, что все это значило, и зачем мама вынуждала меня одевать этот идиотский костюм. Это был совместный сценарий наших родителей под названием «Не правда ли, они составили бы чудную пару». Мальчик и девочка из хороших семей. Ну как, Кэрол, выходишь за меня замуж? Кэрол смотрела на меня широко раскрытыми глазами:

— Ты думаешь, они...

— Ну конечно.

Она улыбнулась, а затем звонко расхохоталась. Конечно, с нашей стороны это было слегка некорректно. Неуважение к смерти. Если честно, миссис Андервуд не выходила у меня из головы. Ничего удивительного: ее труп был у меня прямо под ногами.

— Сюда идет этот тип, — сказал Билли Соьер.

И действительно, к школьному зданию двигался Франк Филбрек. Он решительно шагал к дверям, смотря строго вперед и не оборачиваясь. Наверное, репортеры сейчас снимают его со всех ракурсов, и Филбрек, зная это, старается придать своему лицу героическое выражение. Он зашел в дверь. Внизу послышались гулкие шаги, словно доносившиеся из другого измерения. Но они были реальностью. Капитан Филбрек становился реальным, войдя в здание. До меня внезапно дошло, что все, находящееся за окнами, было для меня чем-то вроде телевизионного шоу. Они были выдумкой, а не я. Похоже, остальные ребята ощущали то же самое. Это было написано на их лицах.

Недолгая пауза.

Звонок. Внутренняя связь.

— Деккер?

— Да, сэр, — ответил я.

Он тяжело и громко дышал. Можно было слышать хрипы и со свистом вырывающийся из легких воздух, словно где-то рядом огромный загнанный зверь отдыхал после неудачной охоты. Мне это сильно не нравилось.

Точно также разговаривал по телефону мой папочка. Когда в ваше ухо врывается столько шума, через некоторое время начинает казаться, что вы ощущаете перегар и табачный дым, исходящий от собеседника. Это отдавало антисанитарией... И гомосексуализмом, не знаю, почему.

— Ты поставил нас в неловкое положение, Деккер.

— Я догадываюсь, сэр.

— Нам не слишком нравится идея стрелять в тебя.

— Мне тоже, сэр. Я не рекомендовал бы вам так поступать.

Несколько тяжелых вздохов.

— Выходи отсюда, и давай поговорим спокойно. Какова твоя цена?

— Цена? — переспросил я.

Мне показалось, что он принимает меня за какой-нибудь предмет интерьера, кресло, например, предлагаемое выгодному покупателю. Моя цена.

Сперва это на мгновение показалось мне забавным. Затем я начал раздражаться.

— За то, что ты дашь им возможность выйти. Что ты хочешь? Думаю, мы сможем договориться. Ты же разумный человек.

Сопение. Затем опять:

— Но не заставляй нас идти на крайний шаг. Говори, что ты хочешь.

— Вас, — ответил я.

Дыхание на несколько мгновений прекратилось. Затем оно возобновилось с новой силой. Это действительно начинало действовать мне на нервы. — Объясни, о чем ты.

— Конечно, сэр. Мы можем договориться. Это же Ваши слова. Вы хотите со мной договориться?

Нет ответа. Сопение.

Филбрек часто выступал по радио на тему безопасности дорожного движения. Он призывал водителей соблюдать правила и быть внимательней на дорогах. Очень трогательно. И то же самое тяжелое дыхание, я его вспомнил. Выступая по радио или телевидению, он сопел и пыхтел как бык, собирающийся покрыть корову на фермерском дворе.

— Что ты предлагаешь, Деккер?

— Сперва скажите мне кое-что. Там, снаружи, кому-нибудь приходит в голову, что я могу из интереса посмотреть, сколько человек я смогу пристрелить? Дон Грейс, например, придерживается такого мнения?

— Дерьма кусок! — произнесла Сильвия, услышав фамилию Грейс.

— Кто это сказал? — рявкнул Филбрек.

Сильвия побледнела.

— Я, кто же еще, — ответил я. — Знаете, сэр, у меня явные транссексуальные тенденции.

Естественно, он не знает значения этого длинного слова и едва ли решится спросить.

— Так как насчет моего вопроса?

— Некоторые люди считают, что ты способен на все, если окончательно слетишь с тормозов. Да, — произнес он весомо.

Кто-то из ребят хихикнул. Но не слишком громко, Филбрек едва ли услышал.

— О'кей, тогда излагаю свои условия. Вы будете героем. Зайдите сюда. Без пистолета. Руки за головой. Я выпускаю всех до одного, а затем одним выстрелом сношу Вам полголовы к такой-то матери. Вы согласны, сэр?

Сопение. Затем:

— Ты бы выбирал выражения, парень. Все же у тебя там девушки.

Ирма Бейтц оглянулась по сторонам, будто ее кто-то окликнул.

— Вот мои условия, — повторил я.

— Нет, не пойдет. Ты пристрелишь меня и не подумаешь выпускать заложников.

Несколько тяжелых вздохов. — Но я сейчас спущусь к тебе. Может, до чего-нибудь договоримся.

— Дело в том, — терпеливо объяснил я, — что если через пятнадцать секунд я не увижу Вас выходящим из дверей, все заложники один за другим перейдут в лучший из миров. Никто из присутствующих не выглядел испуганным такой перспективой.

Сопение.

— Твои шансы остаться в живых, Деккер, уменьшаются.

— А знаешь, Франк, никто из нас не выйдет отсюда живым. Банальная истина.

— Так ты не станешь договариваться?

— Нет.

— Как хочешь.

Голос Филбрека звучал достаточно безразлично.

— Там с тобой находится мальчик по фамилии Джонс. Я хотел бы с ним поговорить. Я ничего не имел против.

— Подойди сюда, Тед. Тебе предоставляют такой шанс. Не упусти его, дитя мое.

Тед подошел.

— Я слушаю, сэр.

Однако, черт возьми, эти слова у него неплохо получаются.

— У Вас все в порядке, Джонс?

— Да, сэр.

— Что Вы можете сказать о намерениях Деккера?

— Я полагаю, он готов на все, сэр.

Тед глядел мне в глаза. Во взгляде его была дикая злость. Кэрол, явно возмущенная, хотела что-то возразить, но промолчала.

— Благодарю Вас, мистер Джонс.

Тед выглядел вполне удовлетворенным.

— Деккер?

— Да, это снова я.

Пыхтение, свисты.

— Хотелось бы тебя увидеть.

— Нет, это я предпочел бы увидеть Вас выходящим отсюда. Пятнадцать секунд. И еще, Филбрек...

— Что?

— У Вас есть одна дерьмовая привычка, Вы знаете? Я заметил это еще во время всех Ваших дурацких выступлений по радио и ТВ. Вы дышите в уши людям. Вы хрипите, как выброшенный на берег кит. Это скверная привычка. Вам стоило бы избавиться от нее.

Филбрек посопел задумчиво.

— Заткнись, парень, — наконец произнес он, и связь отключилась.

Ровно через двенадцать секунд он вышел из дверей и направился к полицейским машинам, стоявшим на лужайке. Копы устроили небольшое совещание. Филбрек что-то объяснял им, жестикулируя.

Никто ничего не сказал. Пэт Фитцджеральд задумчиво грыз ноготь. Пиг Пэн достал из кармана другой карандаш, точную копию первого, и уставился на него. Сандра Кросс неотрывно смотрела на меня. Какая-то странная связь установилась сегодня между нами.

— Что насчет секса? — неожиданно произнесла Кэрол. Все в комнате уставились на нее, и она покраснела.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. Кэрол выглядела смущенной. Она явно жалела о том, что раскрыла рот.

— Я просто хотела сказать, что когда кто-нибудь начинает вести себя... Странно себя вести... Она запнулась, но тут ей на помощь пришла Сюзанн Брукс.

— Все правильно, — заявила Сюзанн. — И вы все перестаньте ухмыляться. Все думают, что секс — это грязно. Поэтому у нас не все в порядке. Мы этим озабочены.

— Это именно то, что я хотела сказать, — кивнула Кэрол. — И ты, Чарли... У тебя был какой-нибудь неприятный опыт?

— Да нет, ничего особенного с тех пор, как я переспал со своей мамочкой, — спокойно произнес я.

У Кэрол вытянулось лицо на мгновение, но затем она поняла, что я шучу. Пиг Пэн горько усмехнулся, затем опять вернулся к своему карандашу.

— Нет, а действительно?

— Хорошо, я расскажу тебе о своей сексуальной жизни, но сначала ты расскажешь о своей.

— О...

Кэрол выглядела удивленной, на сей раз приятно удивленной.

Грейс Стэннор рассмеялась:

— Почему бы и нет, Кэрол?

Мне всегда казалось, что эти две девушки друг друга недолюбливают, теперь это было достаточно очевидно.

— Интересно, — усмехнулся Корки.

Кэрол ужасно покраснела.

— Я жалею, что спросила.

— Продолжайте, продолжайте, — произнес Дон Лорди.

— Секреты... Тайны... — прошептал Майк Гэвин, сделав загадочное лицо. — И побольше тайн... Все рассмеялись, хотя ничего особого он не сказал.

— Ладно, хватит, это уже непорядочно, — заявила Сюзанн Брукс.

— Ты права, — согласился я, — давай закончим.

— Нет, что здесь такого. Я могу сказать, это несложно, — прервала меня Кэрол.

Настал мой черед удивляться. Все выжидающе смотрели на Кэрол. Не знаю, что они ожидали услышать? Рассказ о восхитительной ночи с пикантными подробностями?

Нерезонно. Полагаю, они будут сильно разочарованы. Ничего шокирующего Кэрол не скажет.

Провинциальная девственница, свеженькая, юная, хорошенькая. Однажды она покинет Пласервилль, и у нее начнется настоящая жизнь. Некоторые из этих барышень меняются уже в колледже. Они открывают для себя экзистенциализм и начинают покуривать травку.

Иногда они так и не расстаются с розовыми мечтами своего детства. Как правило, такие девушки имеют постоянного друга, но позволяют себе не более, чем легкий флирт с ним. И нередко произносят фразу «А вот этого нельзя, не трогай меня здесь». Я достаточно хорошо знаком с этим типом. И если вы ожидаете чего-то необычного, то рискуете разочароваться. Порядочные барышни все устроены на один манер. У них всегда все о'кей. По-моему, это скучно.

У Кэрол, насколько мне известно, действительно был постоянный приятель, некий Бак Торн. Превосходное американское имя, не правда ли? Он был центровым нападающим футбольной команды. Хорошо сложенный кретин. У Кэрол наверняка не было проблем с тем, чтобы держать его под контролем. Хорошенькие девочки, я думаю, могли бы даже тигров укрощать. К тому же, мне кажется, что самой возбуждающей вещью в мире Бак Торн считал угловой в ворота.

— Я девственница, — наконец произнесла Кэрол, отвлекая меня от моих мыслей. Она скрестила ноги, словно хотела символически подтвердить свое высказывание. — И я не думаю, что это плохо. Быть девственницей — это как быть незаурядной.

— Неужели? — в голосе Грейс Стэннор звучало сомнение.

— Да, и к этому приходится прилагать усилия, — продолжала Кэрол. — Не думайте, что это так просто.

— Ты хочешь сказать, что Бак никогда... — начал было я.

— Что ты, конечно, он хотел. Но с самого начала я недвусмысленно дала ему понять... Нет, я не фригидна. И не пуританка. Это просто... — Она остановилась, подбирая нужное слово.

— Ты боишься забеременеть, — предположил я.

— Нет! — нетерпеливо воскликнула Кэрол. — Я все об этом знаю.

Глядя на нее, я с удивлением обнаружил, что она начинает раздражаться. А в нашем возрасте трудно контролировать эмоции, особенно раздражение.

— Я все это время не в облаках витала. Я все знаю о контрацепции.

— Хорошо, — кивнул я. — Но ты же понимаешь, Кэрол, что если барышня хранит девственность, она знает, почему так поступает.

— Я знаю!

— Прекрасно.

Ребята заинтересованно смотрели на Кэрол.

— Потому что... Молчание. За окном слышались свистки полицейских.

— Потому что... Она оглянулась по сторонам. Несколько девушек быстро опустили глаза. Интересно, подумал я, а сколько всего девственниц в нашей компании?

— И вы все, — закричала Кэрол, — перестаньте на меня так смотреть! Я не просила на меня пялиться! Я не собираюсь ничего говорить! Я вообще этого не должна!

Она злобно взглянула на меня.

— Люди чего-то от тебя хотят. Всегда. Они стремятся подавить тебя, как сказал Пиг Пэн. Они хотели бы опустить тебя до своего уровня и измазать грязью. Посмотри, что они делают с тобой, Чарли.

По-моему, ничего особенного они до сих пор не сделали, но я не стал возражать Кэрол. Она продолжала:

— В прошлом году, незадолго до рождества, я гуляла по Конгресс-стрит в Портленде. Со мной была Донна Тейлор. Мы покупали рождественские подарки. Я нашла чудный шарф для сестры, мы болтали, смеялись, все было очень мило. Было около четырех часов, начинало темнеть, шел крупный снег. Витрины магазинов горели разноцветными огнями, все было украшено гирляндами, а по улице вдалеке шел Санта Клаус с мешком. Он звенел колокольчиком. Я думала о том, как приду домой и выпью чашечку горячего шоколада. И настроение у меня было самое что ни на есть рождественское. А потом... Машина, проезжавшая мимо нас, притормозила и какой-то тип, бывший за рулем, высунулся в окошко и крикнул:

«Эй, дырки!»

Энн Лески подпрыгнула на месте. Это слово из уст Кэрол действительно прозвучало шокирующе.

— Вот так, — подытожила Кэрол. — Тут же весь вечер был испорчен. Все разрушилось. Это как если бы вы собирались съесть яблоко, спелое, вкусное, а оно оказалось бы все изъедено внутри червями. «Эй, дырки», сказал он. Как будто ты уже не человек, а... Рот ее искривился.

— Вот почему я говорю, что это значит быть незаурядной. Они хотят сделать тебя вещью и набить твою голову всякой дрянью. Только и всего.

Сандра Кросс слушала этот рассказ, прикрыв глаза, будто дремала.

— Знаешь... — медленно произнесла она. — Знаешь, это все так забавно... Мне кажется...

Я хотел подскочить к ней и сказать, чтобы она немедленно замолчала, чтобы она не принимала участие в этом гнусном представлении. Я хотел сделать это, но не мог.

Понимаете, не мог. Я должен был продолжать игру по мной же установленным правилам.

— Иногда я чувствую себя... Как бы это сказать... Опустошенной.

Кэрол внимательно посмотрела на нее:

— Ты действительно...

— Да.

Сандра задумчиво посмотрела на разбитые окна.

— Я... Понимаете, хочется принимать участие в жизни. Увлечись чем-нибудь... Ну, политика, общественная жизнь... В прошлом семестре я была на студенческой конференции... Но это все так нереально, так далеко. Скучно все это. И нечем, решительно нечем заинтересоваться. И вот я позволила Теду сделать это со мной.

Я смотрел на Теда. Лицо его абсолютно ничего не выражало. У меня потемнело в глазах, комок подступил к горлу.

— Это было не слишком захватывающе, — продолжала Сандра. — Не знаю, почему вокруг этого поднимают столько шума. Как будто... Тут она встретилась взглядом со мной, глаза ее расширились, но я едва замечал ее сейчас. Зато я видел Теда, и очень ясно видел. В навалившейся на меня темноте его лицо выделялось светящимся пятном, словно окруженное сияющей аурой.

Я сжал пистолет и медленно начал поднимать его. Я чувствовал, что какие-то силы толкают меня на этот поступок, чувствовал, что плохо владею собой. Я застрелил бы его. Но они опередили меня.

Глава 24

Тогда я не понимал, что произошло, и лишь впоследствии узнал об этом. Они привезли лучшего снайпера в штате, полицейского по имени Дэниэл Малверн. Его фотография после всех событий была напечатана в «Левистон Сан». Маленький тщедушный человечек, похожий на бухгалтера. Ему вручили огромный маузер с телескопическим прицелом. Дэниэл Малверн опробовал оружие в карьере, находящемся в нескольких милях отсюда, затем вернулся, выбрал удобную позицию за машинами, стоящими на лужайке, и принялся ждать удобного момента. В линзах телескопического прицела я был, наверное, огромным как бульдозер. Оконные стекла были разбиты моими выстрелами, и ничто не мешало снайперу хорошо прицелиться. В общем, задача была несложной. Просто Дэниэл Малверн оказался в нужном месте в нужное время. И он постарался не упустить свой шанс. Он выстрелил в меня. Зло наказано, справедливость восторжествовала. Мои внутренности должны были разлететься по комнате. Когда я приподнялся над столом, намереваясь пустить пулю в лоб Теду, Дэниэл нажал на курок. Прицелился он превосходно, и пуля попала как раз в нагрудный карман, за которым пока еще билось мое сердце.

Там и натолкнулась она на стальной замок «Тайтус».

Глава 25

Все это я узнал позже. А тогда я, все еще сжимая в руках пистолет, вдруг непонятно почему отлетел к доске, больно ударившись спиной о выступ для мела, затем упал на пол. Мне казалось, что началось светопреставление. Жуткая боль в груди перехватила мне дыхание, перед глазами поплыли разноцветные пятна.

Ирма Бейтц закричала. Она закрыла глаза, сцепила пальцы, лицо ее покрылось красными пятнами. Крик доносился как бы издалека, из туннеля, он казался мне нереальным.

Тед Джонс вскочил с места и направился к двери. Движения его выглядели неестественными, словно передо мной прокручивали кинолентку, голос его тоже показался мне странным, далеким и слишком замедленным:

— Они подстрелили сукиного сына! Они его...

— Сядь на место.

Тед не слышал меня, и не удивительно. Я сам себя не слышал. В легких было недостаточно воздуха, чтобы я мог нормально говорить. Он взялся уже за дверную ручку, когда я выстрелил. Пуля ударила о косяк рядом с головой Теда, он остановился и медленно повернулся ко мне. На лице его одна за другой сменялись разнообразные эмоции: угасающая надежда, удивление, ненависть.

— Не может быть... Ты...

— Сядь.

На этот раз вышло лучше. Через несколько секунд я смог подняться и сесть на полу. Голова гудела.

— Перестань кричать, Ирма.

— Тебя убили, Чарли, — спокойно сообщила Грейс Стэннор.

Я выглянул в окно. Копы бежали к зданию. Я выстрелил пару раз и сделал глубокий вдох. Боль в грудной клетке, казалось, могла разорвать меня на части.

— Все назад! Или я стреляю!

Франк Филбрек остановился и посмотрел на меня безумными глазами. Он, наверное, был бы менее удивлен, услышав глас Божий. Он явно не понимал, что происходит, и я выстрелил еще раз в воздух. Спустя пару секунд Филбрек пришел в себя и заорал:

— Все назад! Назад, ради Бога!

Копы выполнили его приказ даже быстрее, чем можно было ожидать.

Тед Джонс медленно приближался ко мне. Нет, этот человек все больше напоминал мне плод больного воображения.

— Может, ты все же хочешь получить свою пулю? — поинтересовался я.

Он остановился, но лицо его было искажено все той же гримасой ненависти.

— Ты мертв, — прошипел он. — Ложись, тебя же убили, черт возьми.

— Сядь на место, Тед.

Боль в левой половине грудной клетки начинала меня всерьез пугать. Это было невозможно выносить. Такое ощущение, будто меня обработали отбойным молотком. Ребята смотрели на меня, в глазах их был ужас. Я боялся, если честно, опустить глаза на свою грудь, боялся увидеть расплывающиеся пятна крови. Часы показывали десять пятьдесят пять.

— ДЕККЕР!

— Присядь, Тед.

Рот его искривился. Мне неожиданно вспомнился дохлый пес, которого я видел в детстве на улице. Это зрелище произвело на меня в то время большое впечатление. У него был похожий оскал. Тед постоял еще некоторое время, затем медленно сел.

— ДЕККЕР! МИСТЕР ДЕНВЕР СЕЙЧАС ЗАЙДЕТ В ШКОЛУ!

Голос Филбрека в громкоговорителе звучал не слишком уверенно, будто этот человек еще не пришел в себя после пережитого потрясения. Еще час назад этот факт позабавил бы меня, но сейчас я ничего не ощущал.

— ОН ХОЧЕТ С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ!

Том вышел из-за одной из полицейских машин и медленно двинулся к школе через лужайку. Он шел неуверенно, как будто каждую секунду мог быть убит, и выглядел он лет на десять старше. Но и это не вызывало у меня никаких эмоций.

Некоторое время я выжидал, пока утихнет боль, затем поднялся на ноги. Я едва не упал, пришлось схватиться за край парты.

— О, Чарли... В голосе Сильвии звучало сочувствие.

Я медленно опустил пистолет на стол, дулом к ребятам, затем решил наконец осмотреть свое тело.

Я был в голубой рубашке в тот день, и вот сейчас я ожидал увидеть на ней бурые пятна крови, но ничего этого не было. Была огромная дыра в левом нагрудном кармане и вокруг нее еще несколько мелких дырочек. Я залез в карман и вытащил замок, который незадолго до этого вынул из мусорной корзины и зачем-то взял себе. Я достал замок и положил на стол. Весь класс ахнул, как будто я был фокусником в цирке и перепилил барышню пополам или же вытащил из ноздри Пэна стодолларовую бумажку. Никто не спросил, почему это я таскаю в кармане замок. Я был счастлив. Тед злобно глядел на замок, и меня начало это бесить. Не помешало бы заставить этого типа съесть старый добрый «Тайтус» на обед.

Звонок внутренней связи.

— Чарли?

— Минуточку, Том. Не мешай мне.

— Чарли, ты должен...

— Закрой свой рот.

Я расстегнул рубашку, и класс ахнул еще раз. На коже был точный отпечаток замка пурпурного цвета. Зрелище не из приятных. Меня начинало тошнить, и я застегнул рубашку.

— Том, эти ублюдки пытались пристрелить меня.

— Они хотели...

— Не надо рассказывать мне, что они хотели! — крикнул я.

Истеричность моего тона меня слегка обеспокоила.

— Уноси отсюда свою задницу и скажи этому недоумку Филбреку, что здесь будет море крови, понятно?

— Чарли...

— Помолчи, Том. Здесь я устанавливаю правила игры. Не ты, не Филбрек, не Господь Бог. Понятно?

— Чарли, дай мне объяснить.

— Тебе понятно, я спрашиваю?

— Да, но...

— Прекрасно. Тогда возвращайся и передай им мои слова, Том. Скажи, что я не хотел бы видеть ни Филбрека, ни кого-либо еще на протяжении следующего часа. Чтобы никто не заходил в это долбаное здание, и не пытался разговаривать со мной по этому долбаному радио, и не старался всадить в меня пулю. В двенадцать я буду разговаривать с Филбреком. Ты все запомнил, Том?

— Да, Чарли. Хорошо.

Он был абсолютно потерян и чувствовал себя не в своей тарелке.

— Они только просили меня передать тебе, Чарли, что произошла ошибка. Чье-то ружье случайно выстрелило и...

— Еще одна вещь, Том. Это очень важно.

— Что?

— Тебе следовало бы знать, с кем ты связываешься, Том. Я давал Филбреку возможность лично общаться со мной, но он поберег свою задницу. Он предпочел подослать тебя. Взгляни на вещи реально, Том. Кто тебя окружает.

— Чарли, ты хоть понимаешь, какую идиотскую ситуацию ты создал?

— Выходи отсюда. Том.

Связь отключилась. Мы наблюдали, как Том выходит из дверей и медленно движется к полицейским машинам. Филбрек положил ему руку на плечо, но Том ее сбросил. Многие ребята улыбнулись при виде этой сцены. Но я уже не улыбался. Единственное, чего я хотел — лежать дома в кровати. И чтобы все это мне только снилось.

Сандра сидела с отсутствующим видом, погруженная в свои мысли.

— Ты собиралась рассказать нам о своем романе с Тедом, — напомнил ей я.

— Не говори ничего, Сандра, — перебил меня Тед и бросил на меня мрачный взгляд. — Он хочет всех нас измазать своей грязью. Сделать такими же придурками, как он сам. Не позволяй себя в это втягивать.

Сандра улыбалась. Она выглядела неотразимой, когда улыбалась как ребенок. Мне стало грустно. Было ли это чувство сожаления о придуманной чистоте, я не знаю. Что-то неуловимое, что я не могу выразить словами.

— Но я хочу продолжать. Почему бы и нет?

Было одиннадцать часов. Возня за окнами прекратилась. Я знал, что Филбрек предоставит мне мой час. Боль в груди постепенно утихала. Оставалось только какое-то странное ощущение в голове, словно мозги выворачивались наизнанку. Я постепенно начинал понимать, что сегодня имею дело только с одним настоящим заложником, и это Тед Джонс.

— Да, мы сделали это.

Сандра водила ногтем по парте и внимательно рассматривала остающийся след. Она слегка наклонила голову, и я видел, что волосы у нее зачесаны на пробор. Косой пробор, как у мальчика.

— Тед пригласил меня на танцы, я согласилась.

Она взглянула на меня.

— А ты никогда не звал меня на танцы, Чарли.

Все было так странно. Мне не верилось, что десять минут назад пуля ударила о замок в моем кармане. Мне хотелось спросить кого-нибудь, не снилось ли мне все это.

— Мы пошли на танцы, а потом в «Гавайян Хат». Тед знает хозяина этого заведения. И нам предложили там коктейли. Как взрослым.

Сложно было сказать, есть ли ирония в ее словах, или же это она серьезно.

Лицо Теда абсолютно ничего не выражало, но остальные смотрели на него с недоумением, как на диковинное насекомое. Живой человек, который знает хозяина этого заведения. Вот он сидит среди них.

— Я не думала, что мне понравится, потому что все говорят, что сперва ликеры отвратительны на вкус, но мне понравилось сразу. Джин слегка ударил мне по мозгам. А еще в стакане была соломинка, и я понятия не имела, нужно ли пить через нее или только размешивать, пока Тед не просветил меня. Все было замечательно. Тед рассказывал, как он играл в гольф, и обещал в следующий раз взять меня с собой, если я захочу. Он не был навязчив. Он поцеловал меня на прощание, совершенно не придавая этому значения. Некоторые ребята выглядят очень жалко, когда они всю дорогу думают, стоит ли поцеловать девушку на прощание или нет, и никак не могут решиться. Иногда я целую таких мальчиков первая, чтобы избавить их от этих страданий.

Я вспомнил, как мы с Сэнди однажды возвращались вместе с вечеринки.

Всю дорогу я раздумывал, удобно ли будет поцеловать ее на прощание и наверняка выглядел при этом жалким. Поцеловать ее я так и не решился.

— После этого мы еще три раза проводили время вместе. Тед был очень мил. Он всегда знал, о чем стоит говорить, всегда умел развеселить, рассказать что-нибудь интересное. Но никакой пошлости и всех этих грязных шуточек... Потом некоторое время мы не встречались и не выезжали вместе. Однажды он спросил меня, не хочу ли я отправиться с ним на роликовый каток в Левистоне.

Я часто думал о том, что стоило бы пригласить Сэнди на танцы, но не мог набраться смелости. Джо, для которого это не составляет проблемы, спросил меня однажды, почему я до сих пор Сандру никуда не пригласил. Я разозлился и посоветовал ему отстать от меня. В итоге дело закончилось тем, что я позвонил ей. Но после того, как сняли трубку, бросил телефон и побежал в ванную. Я уже упоминал о своем скверном желудке.

— Мы славно проводили время на катке, когда началась драка посреди зала. Ребята из Харлоу против ребят из Левистона или что-то в этом роде. Некоторые дрались прямо в коньках, другие сняли их. Хозяин вышел и сказал, что если они сейчас же не прекратят, он закроет каток. Но потасовка продолжалась. Люди разбивали друг другу носы, падали, снова поднимались и выкрикивали всякие гадости, не заглушаемые даже включенной на полную громкость музыкой. Кажется, «Роллинг Стоунз».

Сандра остановилась на минуту, затем продолжала:

— Мы с Тедом были в углу катка, недалеко от музыкальной установки. Мимо проезжал какой-то патлатый парнишка, он расхохотался и прокричал Теду: «Трахни ее, парень, пока я тебя не опередил!» Тед тут же догнал его и дал по физиономии. Этот тип полетел в середину площадки, в самую толпу дерущихся. Тед усмеялся. Наверное, это единственный раз, когда я видела на его лице такую довольную улыбку. Он сказал мне: «Я сейчас, подожди» и через всю площадку отправился к тому парню, который только вставал на ноги. Тед сгреб его в охапку и стал бить его, придерживая за жакет, который трещал по швам, и наконец порвался окончательно. И этот парень кричал: «Ты порвал мой лучший пиджак, скотина, я убью тебя!» Тед сбил его с ног, отбросил обрывок жакета, который оставался у него в руках, подошел ко мне, и мы ушли с катка. Мы поехали в карьер, который находится по дороге в Лост Вэлей. Там все и произошло. На заднем сиденье его машины.

Она провела на парте очередную бороздку.

— Я думала, что должно быть больно. Все так говорят. Но ничего подобного не было, на самом деле это приятно.

Она говорила так, будто обсуждала вчерашний телефильм.

— Хотя Тед не использовал всех тех вещей, о которых он говорил, ничего дурного не произошло. Я не залетела, вообще ничего не случилось.

Красная краска постепенно охватывала шею и лицо Теда. Однако он сохранял безразличный вид.

— Потом он извинялся за свою неосторожность. Я была обеспокоена, хотя и не слишком. Он говорил, что женится на мне, если что. И выглядел сильно озадаченным. Я посоветовала: «Не будем об этом раньше времени, не беспокойся, Тедди». А он сказал: «Не называй меня так, что еще за детское имя». Наверное, он и сам удивлялся тому, что между нами произошло. Но я не забеременела. Даже странно... Иногда я чувствую себя какой-то нереальной. И мир вокруг нереален. Я что-то делаю, расчесываю волосы, хожу на занятия, но все это как бы не всерьез. Вы понимаете, о чем я? Все это фальшиво. Иногда мне кажется, что стены моей комнаты рухнут, словно картонные декорации, а за ними обнаружатся режиссеры и постановщики, готовящие следующую сцену. И трава, и небо — все это будто нарисованное. Фальшивое.

Она взглянула на меня:

— Ты разве никогда не ощущал этого, Чарли?

Я подумал, прежде чем ответить:

— Нет, Сандра. Это никогда не приходило мне в голову.

— А у меня это почти никогда не выходит из головы. После того случая с Тедом это еще усилилось. Я думала, что непременно должна забеременеть, потому что слышала, что это случается со всеми после первого раза. Я пыталась себе представить, как буду сообщать такую новость родителям. Отец будет в ярости и захочет узнать, кто этот сукин сын. А мама заплачет и скажет: «Я думала, мы вырастили тебя порядочной девушкой». Это было бы... Настоящее, реальное, понимаете? Но через некоторое время я уже не думала об этих вещах. Ничего не произошло. Я уже стала забывать, что это было за ощущение. Тогда я снова пошла на тот каток.

В комнате стояла гробовая тишина. Миссис Андервуд никогда, даже в мечтах, представить себе не могла такую тишину и такое внимание всей аудитории к рассказчику.

— Меня подцепил тот самый парень, с которым подрался Тед. Я специально позволила ему это сделать. Я одела свою самую короткую юбку, голубую, и тонкую блузку. Через некоторое время мы ушли с катка. И это было реальным. Это не было разукрашенной фальшивкой. Он не ломал комедии, ничего не строил из себя... Вообще, я ничего о нем не знала. Возможно, он был маньяк. Или наркоман. Может, у него был нож в кармане... Я чувствовала себя живой, понимаете, живой и настоящей.

Тед глядел на Сандру широко раскрытыми глазами. Вся сцена выглядела как отрывок кошмарного сна.

— Была суббота, громко играла музыка. На стоянке автомобилей, куда мы пришли, музыка с катка была слышна, но уже тише. С задворок роликовый каток смотрится не так заманчиво: всюду валяются пустые коробки, бутылки из-под колы, но эта картина тоже меня возбуждала. Он тяжело дышал и сжимал мою руку так, как будто боялся, что я убегу. Он...

Тед будто поперхнулся. Мне было странно, что кто-то может быть затронут до такой степени происшествием иным, чем смерть родителей. Это вызывало у меня уважение.

— У него была старая черная машина, и мне вспомнилось, как в детстве мама говорила: «Если незнакомые мужчины предлагают тебе сесть в машину, ни в коем случае не соглашайся!» И это меня тоже возбуждало. А что, если он украдет меня, думала я. Он открыл дверцу, мы влезли внутрь, и там он начал целовать меня. У него были жирные губы, он ел перед этим пиццу. Там, на катке, продавали пиццу по двадцать центов кусок. Он прижался ко мне, начал ощупывать, и я ощутила, как он размазывает остатки пиццы по моей блузке. Затем мы легли, я задрала юбку...

— Заткнись! — дико заорал Тед. Он стукнул кулаком по парте так, что многие подпрыгнули. — Ты не понимаешь, что такого не рассказывают при всем народе! Закрой свой рот или я его тебе закрою!

— Это ты заткнись, Тедди, или я выбью к чертям все твои зубы, холодно произнес Дик Кин. — Ты уже получил свое, не правда ли?

Тед недоуменно уставился на него. Они часто совершали совместные выезды в свет на машине Теда, и их можно было вдвоем видеть в клубе Харлоу. Не знаю, останутся ли они теперь близкими друзьями. Сильно сомневаюсь.

— От него не слишком приятно пахло, — продолжала Сандра, как будто ничего не произошло. — Но он был таким большим. И тяжелым. Больше Теда. И у него было... Ну, эта штука... Такая огромная, что я боялась, что он мне что-нибудь повредит, хотя уже была не девственница. Еще я думала, что на стоянке нас может заметить полиция, они ведь прохаживаются там, чтобы следить за порядком. И от этой мысли у меня захватывало дух. И тут со мной начала происходить странная вещь. Я почувствовала такое удовольствие, даже до того, как он снял мне трусы. Я никогда не ощущала себя такой... Настоящей. Что самое забавное, у него даже не получилось войти в меня. Он пробовал, я пыталась ему помочь, и все соскальзывало, и тут... Ну, вы понимаете. Он еще полежал на мне минуту и сказал: «Ты это специально подстроила, сучка». Вот и все.

Она встряхнула головой:

— Но это было реальным. Я до сих пор помню все до мельчайших подробностей: музыку, запах, звук расстегивающейся молнии, все.

Она улыбнулась задумчиво.

— А то, что происходит сейчас, может быть, даже лучше, Чарли.

Странное дело, я не мог понять, вызвал ли у меня этот рассказ неприятные эмоции или нет. Не думаю, хотя сложно сказать. Когда сворачиваешь с колеи, можно увидеть много интересного вокруг. «Интересно, как люди определяют, что они реальны», — прошептал я себе под нос.

— Что, Чарли?

— Ничего.

Я внимательно оглядел всех присутствующих. Они не были удрученными, никто из них. Я думал: «Как она могла рассказывать все это?» Но не видел подобного вопроса в глазах у кого-нибудь из ребят. Такие мысли могли быть у Филбрека. Или у старого доброго Тома. Но здесь... Пиг Пэн разглядывал свой карандаш. Сюзанн Брукс мило улыбалась. Дик Кин сидел с наполовину заинтересованным, наполовину отсутствующим выражением лица. Корки вертел головой. Грейси выглядела слегка удивленной, но не более. Ирме Бейтц, похоже, не было дела до этого всего. Наверное, она еще не отошла после того момента, как в меня выстрелили. Неужели эта жизнь взрослых настолько скучна, что рассказ Сандры произвел бы

на них убийственный эффект? Или мои одноклассники такие странные и извращенные люди, что для них такое в порядке вещей? Мне не хотелось сейчас думать о вопросах морали, и я оставил эту тему.

Один Тед выглядел шокированным, но он не в счет.

— Я не знаю, что должно произойти, — обеспокоенно произнесла Кэрол Гренджер. — Я боюсь всех этих перемен. Мне нравится привычный ход событий, я не хочу, чтобы все вот так рушилось.

Что я мог на это ответить? События вышли из-под контроля. Было бессмысленно пытаться вернуть все в привычное русло. Неожиданно мне стало смешно, все это слишком смахивало на шоу.

— Мне нужно в уборную, — неожиданно произнесла Ирма.

— Потерпи, — ответил я. Сильвия засмеялась.

— Вернемся к нашей игре, — предложил я. — Я обещал рассказать вам о своей сексуальной жизни. Рассказывать особо нечего, разве что одна небольшая история, которую, возможно, вы найдете интересной.

И я начал свое повествование.

Глава 26

Летом прошлого года мы с Джо поехали на выходные в Бэнгор. Брат Джо подрабатывал там на каникулах. Питу Мак-Кеннеди был двадцать один год, что мне тогда казалось глубокой старостью, и он специализировался на языках в университете.

Намечался великолепный уик-энд. Уже в пятницу вечером мы с Джо, Пит и пара его друзей как следует напились. Я напился первый раз в жизни, но никаких особых последствий наутро не было, даже голова не болела. Пит по субботам не работал, и с утра он повел нас осматривать окрестности. Было довольно безлюдно. Пит объяснил нам, что летом всегда так. Большинство студентов уезжает на озеро... А местечко было действительно чудное. Мы собирались уже возвращаться с прогулки, когда Пит увидел парня, шагающего к лодочной станции, и закричал:

— Скрэг! Эй, Скрэг!

Скрэг был громадным малым в вылинявших джинсах и голубой рубашке. Он курил ужасно выглядящую короткую черную сигару, которая воняла, как могло бы вонять только грязное тлеющее белье.

— Как жизнь? — спросил он.

— Нормально, — ответил Пит. — Это мой брат Джо и его приятель Чарли Деккер. Скрэг Симеон.

— Привет!

И Скрэг пожал нам руки. Затем, тут же забыв о нашем существовании, повернулся к Питу:

— А что ты делаешь сегодня ночью?

— Мы втроем собираемся в кино.

— Не делай этого, дитя мое. Мой тебе совет, — усмехнулся Скрэг. — А ты можешь предложить что-нибудь получше? — спросил Пит, тоже усмехаясь.

— Дана Коллет устраивает сегодня вечеринку на базе, которую эти ребята снимают около Чудик-пойнт. Там будет сорок миллионов свободных девочек. Принеси травки.

— У Мюллера еще есть?

— Насколько я знаю, у него сейчас этого дела завались. Всех сортов. Пит кивнул:

— Хорошо, мы будем, если ничего не произойдет.

Скрэг помахал рукой на прощание, бросил «До скорого!» и удалился.

Мы отправились к Джерри Мюллеру, который (по словам Пита) был главным поставщиком наркотиков во всей окрестности. Я, конечно, напустил на себя небрежный вид, будто каждый день только и делал, что общался с дельцами наркобизнеса. Но на самом деле я с трудом мог скрывать возбуждение и любопытство. Мне представлялось, что сейчас я увижу безумного обнаженного типа с венами, перетянутыми резиновым шнуром и огромным шприцем, торчащим прямо из руки. Или что-то в этом роде, не помню точно, но воображение мое рисовало самые потрясающие картины.

У Джерри был небольшой домик в Олд Тауне, рядом со студенческим городком. Олд Таун — типичный провинциальный город, среди достопримечательностей которого можно назвать разве что бумажную фабрику, лодочную мастерскую и настоящую индейскую

резервацию неподалеку. Я видел этих индейцев. Почти все глядели на вас так, будто прикидывали, что лучше: сделать настоящее скальпирование или взамен повыщипывать вам волосы из задницы.

Джерри оказался невысоким парнем, постоянно улыбающимся, вполне нормально одетым, в здравом уме и твердой памяти. Более того, вместо Рави Шанкара и его Невообразимого ситара Джерри предпочитал слушать музыку «блю грасс». Когда я увидел альбомы «Гринбрайар Бойз», я спросил, не любит ли он «Тарр Бразерс». Мы тут же нашли общий язык. Джерри сворачивал косяк, болтая о музыке, Пит и Джо скучали.

— Держи, закуривай, — наконец сказал Джо, протянув свое творение Питу. Пит поджег эту штуку, выглядящую почти как обыкновенная сигарета, только без фильтра и в более плотной бумаге. Пит глубоко затянулся, затем откинулся на спинку стула и передал косяк Джо. Я почувствовал странный запах, сладковатый, скорее приятный, чем отвратительный. Джо закашлялся. Джерри обернулся ко мне:

— Ты слышал когда-нибудь «Клинч Маунтин Бойз»?

Я отрицательно покачал головой:

— Нет, не приходилось.

— Послушай обязательно, это потрясающе.

Он поставил пластинку. Мне передали косяк.

— Ты обычные сигареты курил? — покровительственно спросил Джерри.

Я ответил, что не курю.

— Втягивай в себя дым медленно, осторожно, а то закашляешься, и весь кайф пропадет.

Я медленно затянулся, ощутив, как сухой сладковатый дым заполняет мои легкие. Я задержал дыхание и, передав косяк Джерри, стал прислушиваться к музыке.

Полчаса спустя мы слушали «Флэт энд Скрагз». Мы выкурили еще два косяка к этому времени. Я собирался спросить, когда же эта трава наконец подействует, как вдруг понял, что слушая музыку, я отчетливо визуализирую струны банджо. Они казались мне яркими светящимися нитями, колеблющимися и подергивающимися в такт аккордам музыки. Образ становился ярче, когда я на нем концентрировался. Я попытался объяснить Джо, что я вижу, но Джо уставился на меня как идиот, явно не понимая ни одного из произнесенных мною слов. Мы рассмеялись. Пит внимательно разглядывал открытку с Ниагарским водопадом, висящую на стене.

Мы вышли от Джерри около пяти часов, и я чувствовал, что меня сильно пробрало. Пит купил травы, чтобы принести на вечеринку. Настроение было превосходное. Джерри стоял на пороге, махал нам рукой на прощанье и приглашал меня заходить еще послушать музыку. Кажется, я был тогда на вершине блаженства. Мы долго ехали по побережью. Слава Богу, у Пита не возникало проблем с координацией движений, и он спокойно вел машину. Но все трое были не в себе после травки, и любые попытки о чем-нибудь разговаривать приводили к приступам неудержимого смеха. Помню, я спросил Пита, как выглядит Дана, к которой мы едем, и он неожиданно злобно на меня взглянул. Это показалось мне настолько забавным, что я хохотал до боли в желудке. В голове моей по-прежнему раздавались звуки банджо.

Пит был здесь прошлый раз весной, он плохо помнил дорогу, и мы пропустили поворот, так что пришлось возвращаться. Мы ехали последние несколько миль по узкой гравийной дороге. Уже здесь была слышна громкая музыка, и стояло такое количество припаркованных автомобилей, что мы вынуждены были вскоре остановиться, найти место для нашей машины и идти пешком.

Я начинал понемногу приходить в себя. В голову лезли неприятные мысли о том, каким молодым и глупым я покажусь ребятам из колледжа. Я решил держаться Джо, побольше молчать и делать безразличное лицо.

Как только мы вошли в помещение, в нос мне ударил запах марихуаны, винных паров и потных тел. Вокруг было множество парней и девушек, и каждый был либо пьян, либо накурен, либо то и другое вместе. Громко звучала рок-музыка, и цветные огни прыгали по стенам, красные и синие. Люди подходили друг к другу, разговаривали, смеялись. Откуда-то появился Скрэг и стал махать нам рукой.

— Пит! — воскликнул кто-то прямо у меня над ухом. Я обернулся и едва не проглотил язык.

Передо мной была невысокая девушка, очень симпатичная. Волосы ее были обесцвечены. На ней было самое короткое платье, которое я когда-либо видел в своей жизни. Яркая оранжевая ткань переливалась и блестела.

— Привет, Дана! — прокричал Пит. — Это мой брат Джо и его приятель Чарли Деккер. Дана поприветствовала нас.

— Не правда ли, крутая у меня вечеринка? — обратилась она ко мне. Когда она двигалась и поворачивалась, из-под платья выглядывали трусики.

Я подтвердил, что вечеринка великолепна.

— Ты принес что-нибудь, Пит?

Пит усмехнулся и вытащил из кармана спичечный коробок с травой. У Даны загорелись глаза. Она стояла так близко ко мне, что я чувствовал тепло ее тела. Возбуждение мое нарастало.

— Пойдемте, покурим, — предложила она.

Мы нашли укромное местечко в углу за одной из колонок, и Дана достала лист плотной бумаги с книжной полки, на которой были книги Гессе, Толкиена и кипа журналов «Ридерз Дайджест». Мы забили косяк и пустили его по кругу. Я чувствовал себя великолепно, голова моя была словно воздушный шар, наполненный гелием. К нам постоянно подходил народ, не прекращались знакомства и рукопожатия. Все имена я, конечно, тут же забывал. Но ситуация нравилась мне тем, что Дана все время вскакивала с места, чтобы обнять какого-нибудь своего приятеля или подругу, и тогда я мог отчетливо видеть ее самые интимные места сквозь прозрачные нейлоновые трусики. Народ вокруг разговаривал о Микеланджело, Курте Воннегута и последних новинках рока. Какая-то девушка спросила меня, читал ли я Сюзанн Браунмиллер. Я ответил, что не читал. Она стала горячо убеждать меня, что это потрясающе, это убийственно. Я смотрел на картинку, висящую на стене. На ней был изображен парень у телевизора с огромной дебильной улыбкой и вылазящими на лоб глазами. Надпись внизу гласила: «Черт! И как это я так накурился!»

Я смотрел на Дану. Она то скрещивала ноги, то вновь раздвигала колени. Несколько темных волосинок торчали из-под трусов. Я никогда не чувствовал себя таким возбужденным. Не знаю, повторится ли это когда-нибудь еще. Я был вне себя, и всерьез уже начинал беспокоиться, не лопнут ли на мне штаны. Дана разговаривала с Питом и с каким-то типом, которого, кажется, не представили. И вдруг, совершенно неожиданно, она повернулась ко мне, и желудок мой сжался в комок. Она наклонилась к моему уху, обдав его горячим дыханием, и прошептала:

— Сейчас выйдешь через заднюю дверь. Вот туда. — Она показала пальцем.

В это было невозможно поверить. Как во сне я смотрел на дверь. Она была реальна. Дана тихонько рассмеялась и прошептала:

— Весь вечер ты заглядываешь мне под платье. К чему бы это?

И прежде чем я успел что-нибудь сказать, она поцеловала меня в щеку и слегка подтолкнула к двери.

Я встал и оглянулся в поисках Джо, но его нигде не было. Ноги мои затекли от долгого сидения, и мне захотелось пройтись по комнате, размять их. Еще мне хотелось прокричать на всю комнату, что я не в своем уме. А еще — прикрыть чем-нибудь огромную выпуклость ниже пояса, чтобы никто не догадался о моем истинном состоянии.

Но ничего этого я не сделал, а просто пошел к двери.

Это был выход на пляж. Вниз вели ступеньки, я едва не упал и вынужден был передвигаться медленно, старательно держась за перила. Музыка здесь была едва слышна, ее заглушал шум волн, бьющихся о берег. Дул легкий прохладный ветерок. Прямо передо мной простирался Атлантический океан, и луна отбрасывала серебряные блики на темную водную гладь. Пейзаж был великолепен, и на секунду мне показалось, что я нахожусь на картине, на черно-белой открытке. Домик с музыкой, людьми, марихуаной казался далеким сном. Вдали слева различался силуэт какого-то островка. На верное, на всем побережье сейчас не было никого. Только легкий ветерок, ритмичный звук набегающих волн, только я и океан... Не знаю, как долго длилось мое ожидание. Часов у меня не было, и я был еще под воздействием травы, так что понятия не имел о времени. Я чувствовал, как меня захватывает и поглощает тихая печаль. Не знаю, то ли сплетение теней деревьев на песке, то ли шум ветра, то ли легкий холодок, но что-то сильно подействовало на меня. Может быть, безмерность океана. Но факт остается фактом, настроение мое сильно изменилось. И еще... Проще говоря, у меня пропала эрекция. Полностью пропала к тому времени, как рука Даны легла на мое плечо.

Она повернула меня к себе и поцеловала. Я ощущал ее нежную кожу, тепло ее бедер, но уже не мог возбудиться.

— Я видела, как ты на меня смотришь. Ты такой милый. Все будет хорошо, да?

— Я попытаюсь, — ответил я, ощущая себя полным кретином. Я притронулся к ее груди, погладил шею. Бесплезно.

— Только не говори Питу, он убьет меня, — произнесла Дана.

Она взяла меня за руку, и мы отошли на несколько шагов вверх, к соснам. Трава блестела в лунном свете. Тело Даны казалось неестественно прекрасным, словно сошедшим с фламандских полотен, когда она снимала платье...

— Это так чудно, — произнесла она, и по голосу я понял, что она возбуждена.

Она подошла ко мне и, пока я расстегивал негнушными пальцами пуговицы рубашки, запустила руки в ширинку. Я сжался от страха: никакого возбуждения, никаких признаков эрекции. Сейчас она обманется в своих ожиданиях. Рука ее казалась мне словно неживой, прохладной, она не вызывала у меня никаких эмоций.

— Давай, — шептала она, — ну что же ты.

Я пытался подумать о чем-нибудь сексуальном. Вспомнил, как я смотрел однажды под платье Дарлин Эндрайсен, и она, кажется, знала это и позволяла мне смотреть. О французских порнографических открытках. Я представил себе Сандру Кросс в сексуальнейшем черном белье, и уже было появилась надежда, но тут... Это было сильнее меня. Ни с того ни с сего в памяти моей всплыл отец со своим рассказом об обычаях ирокезов. (— О каких таких обычаях? — недоуменно спросил Корки. Я рассказал ему, что ирокезы делают с женщинами.) Это меня добило. Теперь все попытки были бесполезны. Абсолютно ничего. И снова. И снова. Я уже лежал на ней, сбросив и джинсы, и трусы. Ощущал ее гибкое трепещущее тело. Я взялся рукой за свой член, словно спрашивая его, что случилось, и отчего он вдруг решил меня опозорить. Но ответа не последовало.

Я коснулся рукой ее лобка, затем провел пальцем по клитору. «Вот то самое место, о котором люди, подобные моему отцу, ведут бесконечные разговоры и отпускают шутки. И я должен сейчас... Должен...»

— Ну что же ты... — шептала Дана. — Давай, что ты медлишь, что случилось?

Я честно пытался. Но результатов никаких. И все это время мягкий звук волн звучал у меня в ушах, поглощал мое внимание.

Наконец я откатился от нее и неожиданно громко произнес:

— Извини.

Она вздохнула:

— Ничего, это бывает со всеми.

— Но не со мной, — ответил я, как будто это была первая неудача на десятки тысяч грандиозных сексуальных подвигов, когда орудие мое работало безотказно. Я чувствовал себя разбитым и опустошенным. Наверное, я извращенец. Эта мысль бросила меня в холодный пот. Я читал, что вовсе необязательно иметь гомосексуальные контакты или что-нибудь вроде этого, просто если ты извращенец, то однажды это всплывет и как-нибудь проявится.

— Все нормально, не расстраивайся, — сказала Дана.

— Мне правда очень жаль.

Она улыбнулась, но мне ее улыбка показалась неестественной. Я обеспокоился и несколько мгновений внимательно присматривался к Дана. Хотелось верить, что она улыбалась не затем, чтобы успокоить меня.

— Это трава, — продолжала Дана. — Могу спорить, что когда ты отойдешь после травы, у тебя все будет о'кей. Ты чудный парень.

— Черт возьми.

— Сейчас я вернусь к своим. Подожди некоторое время, прежде чем подняться туда.

Мне хотелось попросить ее остаться, позволить мне еще одну попытку, но я понимал, что обречен на неудачу. Дана одела платье, застегнулась и пошла по ступеням. Я остался один. Низко нависшая луна заглядывала мне в лицо, будто интересуясь, стану ли я плакать. Но я не собирался. Я собрал разбросанную одежду, отряхнул ее от песка и травы, оделся и пошел в дом. Пита и Даны не было. Джо уже успел подцепить чудную девчонку, и теперь они сидели в уголке, обнявшись. Я сел в другом углу и стал ждать, пока закончится вечеринка.

Наконец мы втроем сели в машину и отправились домой. Уже светало, первые лучи восходящего солнца окрашивали нежно-розовым облака. Мы молчали. Я не чувствовал в себе сил что-либо рассказывать. Сегодняшний вечер был слишком богат впечатлениями, и не самого приятного свойства. Я смертельно устал.

Как только мы вошли в комнату, я упал на постель. Последнее, что я заметил, это солнечные лучи, пробивающиеся сквозь пыльные стекла и отбрасывающие блики на подушку. Я отключился.

Это был кошмарный сон. Тени на стене, страх... Почти как тогда, в детстве. Но на этот раз пугающий звук приближался к моей двери. И вот она отворилась. Медленно, со скрипом.

На пороге был отец. В руках он держал маму. Нос ее был разрезан, из раны текла кровь.

— Ты хочешь ее? — спросил отец. — Возьми ее, держи.
Он бросил маму на кровать ко мне. Я увидел, что она мертва, в ужасе закричал... И проснулся. С эрекцией.

Глава 27

Все молчали. Даже Сюзанн Брукс не сказала ни слова. Я почувствовал усталость. Кое-кто выглядывал за окно, но там не было ничего интересного. Ничего не изменилось за этот час. Я подумал, что история Сандры была интереснее.

Тед Джонс смотрел на меня с презрением. Правда, я полагаю, что теперь он скрывал за ним ненависть, и это слегка льстило мне. Сандра Кросс погрузилась в свои мечты. Пэт Фитцджеральд из куска валяющейся в классе бумаги для контрольных соорудил реактивный самолет.

Неожиданно Ирма Бейтц вызывающе поглядела на меня:

— Мне нужно в уборную! Я вздохнул.

— Что ж, иди.

Казалось, она мне не верит. Дон Лорди хихикнул. Ирма произнесла:

— А ты в меня выстрелишь.

— Так ты собираешься в сортир или нет?

Она нахмурилась.

— Я потерплю.

Я надул щеки. Манера, которую я перенял от папочки.

— Хорошо, можешь идти, можешь терпеть, главное, не сделай лужу посреди класса. Это было бы неуместно.

Сара Пастерн, казалось, была шокирована этими словами.

Кик будто нарочно, чтобы разозлить меня, Ирма встала и подошла к двери. Одно было приятно: теперь Тед глазел на нее, а не на меня. Ирма остановилась, взявшись за ручку, как бы раздумывая. Она обернулась:

— Ты будешь в меня стрелять?

— Ты собираешься идти в сортир или нет? — ответил я вопросом на вопрос. Я понятия не имел, буду ли стрелять. Меня слегка расстроило то, что история Сандры произвела больший эффект, чем моя, и я думал сейчас не об Ирме. У меня было странное ощущение, что вовсе не я держу в заложниках ребят, а дело обстоит как-нибудь иначе. Например, все мы держим в заложниках Теда Джонса.

Возможно, стоило выстрелить. Терять было нечего. Возможно, этот жест поможет мне избавиться от ощущения, что сейчас я проснусь. Или окажусь в другом кошмарном сне.

Ирма открыла дверь и вышла, тщательно прикрыв ее за собой. Ее шаги слышались в коридоре. Ровные спокойные шаги, не ускоряющиеся, не переходящие в бег. Я почувствовал странное облегчение. Чувство, источник которого сложно объяснить.

Шаги затихли.

Тишина. Я ждал, что кто-нибудь еще захочет в уборную. Или что сейчас Ирма выбежит из школьных дверей с безумным лицом, которое тут же попадет на первые страницы всех газет. Но ничего не происходило.

Пэт Фитцджеральд шуршал крыльями своего самолета. Судя по звуку, это действительно был реактивный самолет.

— Выбрось к чертям эту штуку, — раздраженно произнес Билли Соьер, — и что за глупость делать самолетика из казенной бумаги.

Пэт не обернулся, и он явно не собирался выбрасывать чертову штуку. Билли больше ничего не сказал.

Новые шаги, теперь они приближались к нам.

Я поднял пистолет и направил его на дверь. Тед ухмылялся. Я видел на его лице отпечаток всех этих летних развлечений, дорогих клубов, шикарных машин и девочек, а также представление о своей правоте и бесконечную самоуверенность... Неожиданно я понял, что именно такое лицо и должно быть у настоящего делового человека, у акулы бизнеса. Он напоминал мне сейчас моего отца. Что-то было в них общее. Ледяное спокойствие, отстраненность, как у олимпийских богов. Но я слишком устал, чтобы играть роль Самсона. Я не хочу и не могу больше свергать идиологов. Глаза его были ясны. Это взгляд человека, знающего, чего он хочет. Взгляд человека, уверенного в своей непогрешимости, взгляд политика.

Еще пять минут назад звук шагов не испугал бы меня до такой степени. Пять минут назад я, наверное, положил бы пистолет на стол и шагнул бы навстречу неизвестности. Теперь меня волновал звук сам по себе, а также мысль о том, что это может быть Филбрек, решивший вдруг согласиться на мои условия.

Тед продолжал зловеще ухмыляться.

Кто-то подошел к двери. Класс замер. Пэт перестал шуршать своим самолетиком. Дик Кин открыл рот, и я вдруг подумал, что он похож на своего брата Флэппера, который сейчас в тюрьме города Томастана работает механиком в прачечной.

За матовым стеклом двери возникла неопределенной формы тень. Я крепче сжал пистолет. Ребята наблюдали за мной, затаив дыхание, будто они смотрят кульминационную сцену в фильме о Джеймсе Бонде.

Дверь медленно открылась, и вошла Ирма Бейтц. Она огляделась, явно недовольная таким вниманием к своей скромной персоне. Джордж Янек захихикал и сказал:

— Смотрите, кто к нам пришел.

Но никто больше не засмеялся, все продолжали рассматривать Ирму.

— Что вы на меня уставились? — недовольно произнесла она. — Все мы иногда ходим в туалет, не так ли? Она захлопнула дверь и прошла на свое место. Было почти двенадцать.

Глава 28

В двенадцать раздался звонок внутренней связи. Это был капитан Филбрек, воплощенная пунктуальность. На этот раз он почему-то не сопел и не пыхтел. Последовал моему совету изменить манеру разговаривать или просто решил не раздражать меня. Странные вещи происходят на свете, видит Бог.

— Деккер?

— Да, это я.

— Послушай, этот выстрел час назад был совершенно случайным. Тут один тип из Левистона...

— Не стоит об этом, Франк. Ты ставишь в неловкое положение меня и себя, и ты считаешь людей, которые видели, как все было на самом деле, полными идиотами. Не надо лишней суеты, лучше ничего не говори.

Пауза. Наверное, он собирается с мыслями.

— О'кей. Чего ты хочешь?

— Почти ничего. Все ребята выйдут отсюда ровно в час дня. В точности, — я взглянул на часы, — через пятьдесят семь минут. Вот и все. Я обещаю.

— А почему не сейчас?

Я оглядел класс. В воздухе висело напряженное молчание и казалось, что невидимая связь возникла между нами, будто мы заключили договор, подписанный кровью.

— Дело в том, что у нас с ребятами есть еще одно невыполненное дело. Надо все довести до конца.

— Ты о чем?

— Тебя это никак не касается, Франк. Но мы все понимаем, о чем идет речь.

И действительно, я не встретил ни одного недоуменного взгляда, все все понимали. Тем лучше, будут сэкономлены силы и время. Я чувствовал себя очень уставшим.

— Слушай внимательно, Филбрек, чтобы не возникло никаких недоразумений, сейчас я скажу тебе, как начнется последний акт нашей маленькой комедии. В течение ближайших трех минут кто-нибудь опустит в классе шторы...

— Не вижу смысла, — резко произнес Филбрек.

Я глубоко вздохнул. Что за чудак!

— Когда до тебя наконец дойдет, старина Франк, что парадом команду я? Слушай внимательно и постарайся понять: сейчас кто-нибудь из ребят, вовсе не я, подойдет к окну и опустит шторы. Можешь пристрелить его, конечно. Но тогда, я полагаю, тебе стоит сразу нацепить свой полицейский значок на задницу и распрощаться с этими двумя столь дорогими твоему сердцу предметами.

Ответа не последовало.

— Молчание — знак согласия, — произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал весело. На самом деле никакого веселья в эту минуту я не испытывал. — Мне все равно, чем ты будешь сейчас заниматься. Но если опять начнется реализация каких-нибудь гениальных идей по моему устранению, я открываю огонь по присутствующим. Если же ты будешь

паинькой до часу дня, все будет замечательно, и все узнают, какой ты большой и храбрый полисмен, настоящий герой. Договорились?

Долгое время Филбрек молчал, затем медленно произнес:

— Разрази меня гром, если я слышу хоть каплю сумасшествия в твоём голосе.

— Мы договорились?

— Как я могу быть уверен, что ты не придумываешь что-нибудь новенькое, Деккер? Что придет тебе в голову в два часа? Или в три?

— Мы договорились? — неумолимо повторил я.

Очередная пауза.

— Хорошо, Деккер. Но если ты выстрелишь в кого-нибудь из ребят...

— Знаю, мне поставят двойку и выгонят из класса. Разговор окончен, Франк.

Я чувствовал, как хочется ему сейчас сказать мне на прощание что-нибудь нежное и ласковое, например: «Засунь себе язык в задницу, Деккер» или «Заткни свою вонючую пасть». Но таких реплик не последовало. Все же здесь были девушки.

— Значит, в час дня, — повторил Филбрек, и связь отключилась. Минуту спустя он уже шел по лужайке.

— Какие еще из своих грязных мыслишек ты хочешь принародно обматурбировать, Чарли? — поинтересовался Тед Джонс.

— Почему бы тебе не успокоиться, Тед? — тихо произнес Харман Джексон.

— Кто хочет задернуть шторы? — спросил я. Нашлось сразу несколько желающих, и я выбрал Мелвина Томаса.

— Только медленно и аккуратно. Эти копы такие нервные...

Мелвин последовал моим инструкциям. Шторы медленно опустились, и комната погрузилась в таинственный полумрак. Тени метнулись по углам, словно стаи летучих мышей. Мне сделалось не по себе.

Я попросил Тенис Гэннон, сидящую на последней парте, включить свет. Она робко глуповато улыбнулась и направилась к выключателю. В следующую секунду комнату залил неестественный холодный свет флюоресцентных ламп, что было ненамного лучше, чем тени. Мне захотелось видеть солнце и голубое небо, но я ничего не сказал. Да и что я мог сказать? Тенис вернулась на свое место и села, тщательно расправив юбку.

— Пользуясь замечательной терминологией Теда, — начал я, — осталось обматурбировать только одну историю. Или две половины одной истории, как вам будет угодно. Это происшествие с мистером Карлсоном, бывшим нашим учителем химии и физики, которое старый добрый Том Денвер не внесет в свои бумажки, но которое, как говорится, останется в наших сердцах. И рассказ о моем последнем столкновении с отцом.

Я глядел на ребят, и отвратительная тупая боль в затылке постепенно нарастала. Кажется, все вышло из-под контроля. Я вызвал к жизни призраки, как в старом добром кино, но где тот волшебник, который сможет сказать три слова, и все вернется на свои места?

Боже, как все глупо.

Перед моими глазами проносились сотни образов, одни реальные, другие лишь плод фантазии, и различить их между собой не представлялось возможным. Наверное, это и есть безумие, когда вы уже не можете провести грань между реальностью и бредом. Мне казалось, что есть еще шанс проснуться дома, в полной безопасности и более или менее в своем уме. И не было совершено необратимых поступков. И все кошмары рассеиваются при дневном свете... Но я уже все меньше верил в счастливый исход.

Пэт Фитцджеральд машинально перебирал в руках бумажный самолетик, и его темные пальцы, медленно движущиеся по белой бумаге, казались пальцами самой смерти. Я начал рассказывать.

Глава 29

Не знаю, почему я начал таскать с собой в школу гаечный ключ.

На то было много причин, и среди них сложно выделить главную. У меня постоянно болел желудок. И мне казалось, что окружающие настроены ко мне враждебно, даже когда на то не было реальных оснований. Я боялся упасть во время физкультурных занятий, потерять сознание и увидеть, очнувшись, как все вокруг смеются и показывают на меня пальцами.

Я очень плохо спал, и мне снились дурные сны. Сны такого рода, после которых можно проснуться с мокрой простыней.

В одном из них я долго бродил по подземельям старинного замка, полуразрушенного, какие можно увидеть в исторических фильмах. Я внезапно натыкаюсь на гроб. Крышка его открыта. Я заглядываю внутрь и вижу отца в военно-морской форме. В него вбит кол. Он открывает глаза и улыбается мне, и зубы его превращаются в клыки.

В другом сне мама делает мне клизму. Я тороплю ее, потому что на улице ждет Джо. Однако я вижу Джо уже в комнате: он выглядывает из-за маминого плеча, обнимая ее за грудь. По розовому шлангу клизмы мне в задницу затекает мыльная пена.

Было и множество других снов похожего содержания, нет необходимости все перечислять. В общем спал я неважно.

Я нашел тот гаечный ключ в гараже. Он валялся в ящике со старыми инструментами. На вид не слишком большой, но тяжелый. Он был покрыт ржавчиной с одного конца. Была зима, и я носил в школу огромный вязаный свитер. Каждый год на день рождения и на рождество тетя присылала мне по такому свитеру. Он был длинный, прикрывал мне бедра, доходя едва ли не до колен. Так что ключ, который я стал носить в заднем кармане брюк, никто не замечал. А если кто и замечал, то ничего не говорил.

На некоторое время стало полегче. Потом все опять вернулось на круги своя. Я чувствовал себя как натянутая гитарная струна. Каждый день, приходя домой, я здоровался с мамой, а затем поднимался к себе и падал на кровать. Я иногда плакал в подушку, а иногда хихикал, пока не начинало казаться, что сейчас кишки мои вывалятся наружу. Такое состояние пугало меня. Согласитесь, все это было не вполне нормально.

И вот тогда я чуть не убил мистера Карлсона. Помню как сейчас, было третье марта. Шел дождь, и остатки снега превращались в грязные лужи слякоти, хлюпающие под ногами. Думаю, не надо особо подробно описывать происшествие, все вы были его свидетелями. Ключ был у меня в кармане. Мистер Карлсон вызвал меня к доске. Я терпеть не мог отвечать ему урок, потому что, слабо разбираясь в его предметах, ощущал себя кретином. Всегда, как он называл мою фамилию, меня бросало в пот.

Не помню точно, чего он от меня хотел в тот раз. Кажется, речь шла о наклонной плоскости, будь она проклята. Помню, с какой злобой я думал тогда об этой чертовой плоскости и об этом негодяе, которому доставляло удовольствие делать из меня посмешище перед всем классом. Он спрашивал меня, знаю ли я, сколько будет дважды два, и знаком ли я с делением столбиком, и называл меня «наш юный гений». Когда он в третий раз произнес: «Это замечательно, Чарли! Замечательно! Прелестно!», он был похож на Дикки Кейбла. Тот же голос, те же интонации. Голос был так похож, что я невольно оглянулся по сторонам. Так похож, что рука моя невольно потянулась к заднему карману брюк, где лежал ключ. Желудок сжался в комок. Я боялся, что не удержу в себе сегодняшний завтрак, и крепче сжал челюсти. Ключ упал на пол, громко звякнув. Мистер Карлсон удивленно взглянул на него:

— Это еще что?

И он протянул руку.

— Не трогайте, — быстро сказал я, наклонился и поднял ключ.

— Дай-ка мне сюда эту штуку, Чарли.

Мистер Карлсон протянул руку.

Я разрывался на части. Такое ощущение, будто бежишь одновременно во все стороны. Какая-то часть меня кричала — не слышно для окружающих, но вполне реально. Кричала, как испуганный ребенок в темной комнате.

— Нет, — ответил я.

Все смотрели на меня в этот момент. Наступила тишина.

— Тебе придется выбирать, отдашь мне или мистеру Денверу.

Затем со мной произошла забавная вещь. Наверное, в каждом из нас есть такая невидимая линия, отделяющая одну часть сознания от другой. Как линия, отделяющая освещенную половину планеты от темной. Кажется, это называется терминатор. Очень хорошее слово. Я вдруг неожиданно для себя пересек эту линию. Только что желудок мой выворачивался наизнанку, а щеки горели, и вот я стал абсолютно спокоен.

— Хорошо, сейчас Вы получите то, что хотите, — я медленно поднял ключ, как бы примериваясь, — сейчас, я прикину, куда Вы его получите.

Мистер Карлсон вытаращился сквозь свои огромные очки и поджал губы. Он был сейчас более чем когда-либо похож на клопа. Эта мысль вызвала у меня улыбку. Я опустил ключ.

— Хорошо, Чарли, — сказал он, — дай сюда эту штуку и иди к директору. Я подойду туда после урока.

— Иди в задницу, — ответил я и взмахнул ключом.

Ключ ударился о матовую поверхность доски. Полетели крошечные кусочки черной пластмассы и известковая пыль от мела. Мистер Карлсон вздрогнул, будто я нанес повреждения его любимой мамочке. Это было для меня открытием. Я снова ударил по доске. И снова.

— Чарли!

Что-то весело напевая себе под нос, уже не помню что, я продолжал молотить по доске. Мистер Карлсон вздрагивал и подпрыгивал. Глядя на его прыжки, я чувствовал себя все лучше и лучше. Трансакционный анализ, дети мои.

— Чарли, я вижу, ты...

Я повернулся к нему спиной и стал бить ключом по выступу для мела. В доске уже была порядочная дыра. Куски мела упали на пол, подняв облако белой и желтой пыли. В этот момент мистер Карлсон попробовал схватить меня за руку.

Я повернулся и заехал ключом ему по голове. Всего один раз. Но было море крови, он упал на пол, очки отлетели на несколько шагов в сторону. Возможно, именно это разрушило все очарование: вид его очков, валяющихся на перепачканном мелом полу, и его ставшее вдруг голым и беззащитным лицо.

Похожее на лицо спящего человека, только залитое кровью. Я бросил ключ на пол и, не оборачиваясь, вышел из класса. Я пошел в директорскую и рассказал, что произошло.

Джерри Кессерлинг усадил меня в патрульную машину, а мистера Карлсона отправили в центральный госпиталь, где рентген показал у него перелом черепа. Я впоследствии узнал, что из его мозга вытащили четыре кусочка лобной кости. И еще хорошо, что все закончилось именно так.

Потом были переговоры. Бесконечные переговоры со старым добрым Томом, с Доном Грейсом, с моим отцом и со всеми перечисленными лицами во всевозможных комбинациях. Кажется, единственный человек, кто не принимал участие в решении моей судьбы, был наш сторож мистер Фазио.

Отец сохранял восхитительное спокойствие. Мама постоянно принимала транквилизаторы, но ему все это было ни к чему. Он все время оставался холоден как лед, и лишь по задумчивым взглядам, которые он иногда бросал на меня, я понимал, что меня ожидает серьезный разговор с ним наедине. Этот человек мог задушить меня голыми руками, сохраняя все то же бесстрастное выражение лица.

Были длинные и трогательные извинения, которые не без удовольствия выслушивали забинтованный мистер Карлсон и его жена, дама с каменным лицом: «...Чудовищный проступок... Я не помнил себя... Не знаю, как выразить свое сожаление...» Передо мной, правда, никто не извинялся за то, что я был выставлен круглым идиотом и стоял пол-урока, потев и пытаясь сдержать тошноту. Глупо было ожидать таких извинений, как и извинений от Дика Кейбла или Даны Коллет.

Я провел пять часов в камере, пока отец и бьющаяся в истерике мама («Почему ты сделал это, Чарли? Почему? Почему?») приходили к соглашению с полицейскими, вносили деньги в залог, договаривались с мистером Карлсоном... Но с его женой найти общий язык не удалось, она продолжала настаивать на том, чтобы мне дали как минимум десять лет.

По дороге домой отец бросил мне сквозь стиснутые зубы, что я должен буду зайти в гараж, как только переоденусь.

Пока я натягивал джинсы и старую рубашку, я не переставал думать об этом приглашении. Мне хотелось, как это обычно бывает в таких случаях, выйти на дорогу и уехать куда-нибудь подальше. Но сейчас что-то во мне отчетливо протестовало. Я был приглашен, и я должен пойти.

В конце концов, нам действительно есть что сказать друг другу.

Итак, я пошел в гараж.

Там пахло плесенью, машинным маслом, но чистота была необыкновенная. Папочка занимался этим сам. Гараж был его местом, в нем было все необходимое и ничего лишнего. К стене была прислонена косилка. На прочно вбитых в стену гвоздях аккуратными рядами были развешаны инструменты для ухода за садом и лужайкой. Шляпки гвоздей образовывали идеальную прямую. Аккуратность, граничащая с идиотизмом. Тачка стояла в углу, а рядом лежали тщательно перевязанные бечевкой пачки старых журналов: «Аргози», «Блюбук», «Тру», «Сэтэдэй Ивнинг Пост».

Отец стоял посреди гаража, одетый в старые вылинявшие форменные брюки и рубашку, в которой он ездил на охоту. Я заметил, что он стареет на глазах. Раньше у него была прекрасная спортивная фигура, но избыток пива привел к выпячиванию брюшка. На носу

даже с такого расстояния были видны лопнувшие сосуды, и морщины вокруг глаз и у рта казались глубже, чем обычно.

— Что делает мама? — спросил он.

— Спит.

Она стала много спать последнее время, после того, как стала пить эти таблетки.

Дыхание ее стало кислым и сухим.

— Прекрасно, — он кивнул, — это то, что нужно, не правда ли?

Он начал снимать ремень, сообщая мне при этом:

— Я собираюсь содрать с тебя шкуру.

— Нет, — ответил я. — Ты этого не сделаешь.

Он замер в недоумении:

— Что?

— Если ты попробуешь приблизиться ко мне с этой штукой, я выброшу ее к чертовой матери.

Голос мой дрожал и срывался.

— Я давно собираюсь это сделать, с тех пор, как я был маленьким, а ты швырял меня на землю, а потом лгал маме... Ты бил меня по лицу, как только я сделаю что-нибудь не так, не давая шанса исправить ошибку. Я собираюсь это сделать с той самой охоты. Помнишь, что ты сказал? Ты сказал: «Я отрежу ей нос, если застану в постели с кем-нибудь».

Он смертельно побледнел:

— Ты ничтожество, безмозглое и бесхарактерное существо, и эти бредни побереги для психиатра. Незачем обливаться моими помоями.

— Ты скотина! — я уже перешел на крик. — Ты просрал свою семью, своего единственного сына. Твоя жена сидит на колесах, она скоро станет законченной наркоманкой. Ну, попробуй, возьми меня, если можешь! Да ты просто пьяный мерзавец, черт возьми!

— Лучше остановись, Чарли, — произнес он. — Пока вместо желания наказать тебя ты не вызвал у меня желания тебя убить.

— Попробуй! — заорал я еще громче. — Я хочу убить тебя уже несколько лет! Я ненавижу тебя! Ублюдок!

Он медленно двинулся на меня. Все это напоминало кадры какого-то кинофильма. Он сжал в руке свой морской ремень. Затем замахнулся им, но я успел нагнуться, и пряжка, скользя по моему плечу, с громким стуком ударила о тележку.

Я смотрел на выпученные глаза отца и вспоминал, что именно так он выглядел, когда злился на меня за разбитые стекла. Неожиданно меня заинтересовал вопрос, не имел ли он привычки так вытаращивать глаза, когда занимался любовью с мамой. Боже, неужели она лежала под ним и смотрела в эти отвратительные глаза? Эта мысль потрясла меня так, что я замер и не успел уклониться от следующего удара.

Пряжка разорвала мне щеку, и кровь — почему-то было очень много крови, больше, чем можно было бы ожидать — полилась из раны. Я ощущал ее тепло на лице и шее.

— Боже, — произнес он, — о, Боже.

Он взялся за пряжку, но теперь я был готов. Я успел схватить конец ремня и потянуть его на себя. Он этого явно не ожидал. Отец потерял равновесие, и стоило мне потянуть сильнее, как он грохнулся на пыльный бетонный пол.

Возможно, он забыл, что мне уже не четыре года. И не девять, когда я сидел в палатке и сдерживал свое желание пописать, пока он обсуждал всякие гадости со своими друзьями. Возможно, он забыл, что маленькие мальчики вырастают. И при этом они помнят все. И хотят сожрать своих отцов живьем. Ударившись о пол, он издал странный звук, нечто вроде хрюканья. Он расставил руки, чтобы упасть на них, и я выхватил наконец ремень. Я ударил его по широкой заднице цвета хаки. Не думаю, чтобы я нанес достаточно сильный удар, но он закричал, скорее от неожиданности. Я улыбался. Щека невыносимо болела, кровь продолжала идти из нее.

Он поднялся на ноги.

— Чарли, прекрати этот цирк. Лучше поедим к доктору. Тебе нужно зашить щеку.

— Ты ни к чему не способен, раз собственный сын может сбить тебя с ног. Тебя во флоте только и научили, что выслуживаться.

Эти слова взбесили его, и он бросился на меня, но я успел ударить его в лицо. Он поднял руки, закрывая лицо, и тогда я отбросил ремень и ударил его в солнечное сплетение. Он согнулся. Брюшко его было мягким, даже более мягким, чем это могло показаться. Я ощутил горечь разочарования. Я понял в тот момент, что человек, которого я на самом деле ненавидел, был вне пределов моей досягаемости, скрытый наслоением прожитых лет.

Отец выпрямился, глядя на меня. Выглядел он сейчас скверно, лицо было абсолютно бледным, только красная полоса на лбу, там, куда я попал ремнем.

— О'кей, — произнес он и, обернувшись, снял со стены грабли.

— Если ты хочешь такого разговора...

— Что ж, хочу.

Я снял со стены топор, взвешивая его в руке.

— Сделай только шаг, и я снесу тебе голову к чертям.

Некоторое время мы стояли, глядя друг на друга. И ей-богу, не слишком много любви и нежности было в наших взглядах. Потом он повесил на место грабли, и я последовал его примеру.

Он не сказал: «Сын, если бы пять лет назад ты был способен на такое поведение, ничего этого бы не было... Поедем лучше в бар, выпьем по кружечке пива». И я тоже не сказал, что я сожалею о случившемся. Все произошло так, как и должно было произойти. Просто потому, что я вырос.

Теперь я понимаю, что действительно хотел убить его. Его, и никого другого. И этот труп на полу под ногами у меня — классический пример смещенной агрессии.

— Хватит, — сказал отец, — нужно заняться твоей щекой.

— Я и сам как-нибудь доберусь до врача.

— Я отвезу тебя.

Так он и поступил. Мы отправились в Брунsvик, и доктор зашил мне щеку, сделав шесть стежков. Я рассказал ему, как имел неосторожность споткнуться в гараже, упасть и пораниться о каминную решетку, которую чистил в этот момент мой папочка.

Маме было рассказано то же самое. Мы никогда больше не возвращались к этой теме. Вообще, с этого дня мы едва контактировали с отцом, хотя продолжали жить под одной крышей. Он больше не пытался учить меня жить, и я неплохо обходился без него... Как, впрочем, и он без меня.

В середине апреля мне опять было позволено посещать школу. Хотя меня предупредили, что дело все еще рассматривается, и я должен каждый день показываться мистеру Грейсу. При этом им казалось, что это — благодеяние, и я должен испытывать благодарность.

Но я не чувствовал себя осчастливленным. То, как на меня смотрели в коридорах, и как обо мне говорили в учительской, и то, что никто, кроме Джо, не общался со мной — все это угнетало меня.

Да, друзья, положение было скверное. И если что-то менялось, то только к худшему. Зато я получил и хорошо усвоил много полезных уроков. Я понял, как нужно разговаривать с людьми, чтобы они тебя воспринимали. Отец повесил грабли на стену после того, как увидел в моих руках топор. А иначе он проломил бы мне череп, не задумываясь.

Я не вспоминал больше об этом гаечном ключе, черт с ним, это не слишком действенное орудие. Но я знал о пистолете, который лежал у отца в ящике стола. И с конца апреля начал носить его с собой в школу.

Глава 30

Часы показывали двенадцать тридцать.

— Итак, вы дослушали до конца печальную историю Чарльза Деккера, подытожил я, — вопросы есть?

Из угла полутемной комнаты раздался негромкий голос Сюзанн Брукс:

— Мне жаль тебя, Чарли.

Похоже, эти слова сняли какое-то наложенное на меня проклятие.

Дон Лорди уже второй раз за день смотрел на меня так, что вспоминался фильм «Челюсти». Сильвия докуривала последнюю сигарету из своей пачки. Пэт Фитцджеральд закручивал крылья самолета. Обычное лукавое выражение его мордашки сменилось сейчас какой-то странной отстраненностью, словно его черты были вырезаны из дерева. Сандра Кросс была погружена в свои мысли. Даже Тед, казалось, задумался о чем-то своем.

— Если больше вопросов нет, давайте перейдем к заключительной части нашего мероприятия, — продолжал я. — Кто знает, каким будет последний акт сегодняшнего представления? Давайте подумаем вместе.

Молчание. Я боялся, что ответа не будет. Все мы настолько заморожены, загнаны в привычную колею, что сложно ожидать, будто за один день все изменится. Когда пятилетнему ребенку больно, он поднимает шум на весь свет. В десять лет он тихо всхлипывает. А когда вам исполняется лет пятнадцать, вы привыкаете зажимать себе рот руками, чтобы никто не слышал ни звука, и кричите безмолвно. Вы истекаете кровью, но этого никто не видит. Вы привыкаете к отравленным плодам, растущим на дереве вашей боли. И так всю жизнь: издержки западного воспитания.

И тут Пиг Пэн оторвал взгляд от своего карандаша. Он оскалился и поднял руку. В пальцах другой руки он по-прежнему сжимал карандаш Би-Боп. После того, как первый человек решился, остальным стало легче.

Следующей подняла руку Сюзан Брукс. Затем несколько человек одновременно: Сандра, Грейс Стэннор, Ирма Бейтц, Корки, Дон, Пэт, Сара Пастерн. Некоторые улыбались, на лицах других было строгое, почти торжественное выражение. Тенис, Нэнси Каски, Дик Кин и Майк Гэвин, звезды нашей футбольной команды. Джордж и Харман, партнеры по шахматам. Мелвин Томас. Энн Лески... В результате все ребята подняли руки. Все, кроме одного.

Я указал на Кэрол Гренджер. Можно было подумать, что она станет испытывать затруднение с выражением этой мысли, с тем, чтобы позволить себе говорить. Но она с легкостью, как девчонка, скидывающая платье, когда пикник в лесу приближается к завершению, встала и произнесла:

— Мы должны помочь, — на секунду она призадумалась, проведя пальцем по губам и сморщив лоб. — Мы должны помочь Теду осознать, что он не прав.

Мне понравилась форма, в которую она облекла это предложение.

— Спасибо, Кэрол, — произнес я.

Она покраснела.

Я взглянул на Теда, который уже вернулся из своих грез в настоящее время. Он по-прежнему смотрел на меня вызывающе, но теперь с легкой долей смущения.

— Думаю, — продолжал я, — лучше всего, если я буду чем-то вроде судьи и прокурора в одном лице. Каждый из вас может быть свидетелем. А ты, Тед, обвиняемым.

Тед расхохотался.

— О, Боже, — произнес он сквозь смех. — Чарли. За кого ты себя принимаешь? Ты же совсем спятил.

— Имеете ли Вы что-нибудь сказать в свою защиту?

— Со мной у тебя не пройдут эти дешевые трюки, Чарли. Здесь я ничего говорить не буду. Я приберегу свои слова до того момента, когда мы выйдем отсюда.

Он обвел глазами класс:

— И мне будет, что сказать.

— Ты знаешь, что случается с предателями, Рокко, — произнес я голосом Джимми Кагней. Затем резко вскинул пистолет, прицелился ему в голову и вскрикнул:

«Паф!»

От неожиданности Тед дернулся.

Энн Лески весело рассмеялась.

— Заткнись! — заорал на нее Тед.

— Почему ты предлагаешь мне заткнуться, — спросила Энн. — Чего ты боишься?

— Что...?

У Теда отвисла челюсть, а глаза, похоже, готовы были вылезти на лоб. В этот момент мне стало жаль его. Говорят, когда-то змей искушал Еву, предлагая ей яблоко. Интересно, что бы он стал делать, если бы его вынудили сожрать яблоко самому?

Тед приподнялся с места, голос его дрожал:

— Что я? Что я?

Он указал на Энн дрожащим пальцем.

— Тупица чертова! У него пистолет! Он безумен! Он убил уже двоих людей! Он держит нас здесь!

— Если кого и держит, то не меня, — возразила Ирма. — Я преспокойно могла уйти.

— Мы узнали много нового о себе, Тед, — холодно произнесла Сюзанн. — Не думаю, что тебе стоило бы продолжать замыкаться в себе, демонстрируя окружающим свое превосходство. Может, то, что происходит сейчас — самый значительный опыт в нашей жизни.

— Он убийца, — продолжал Тед. — Он уже убил двоих. И это не игрушки. Эти люди не встанут, чтобы пойти за кулисы и смыть грим. Они действительно мертвы. Он действительно убил их.

— Убийца душ! — вдруг прошипел Пиг Пэн.

— Что ты о себе вообразил, недоносок? — обратился к Теду Дик Кин. — Сегодня всплыла кое-какая грязь из твоей паршивой личной жизни, кое-какие маленькие тайны, так? Ты же не думал, что кто-нибудь узнает, что ты трахнул Сандру? Или насчет твоей матери. Ты же не предполагал, что это всплывет. Ты считаешь себя чем-то вроде рыцаря на белом коне. А я скажу, кто ты на самом деле.

И Дик сказал. И присутствие юных девушек не остановило его.

— Свидетель! Свидетель! — весело воскликнула Грейс, поднимая руку. — Даю показания. Тед Джонс покупает журналы с девочками. Я лично видела его за этим занятием.

— Неплохо, Тед, — произнес Харман, улыбаясь.

— А еще был командиром скаутов, — печально промолвил Пэт.

Тед был похож сейчас на медведя, которого потехи ради деревенские жители привязали к столбу на площади. Он затравленно оглядывался и наконец закричал:

— Я не мастурбирую!

— Конечно, все верят, — кивнул Корки.

— И в постели он ведет себя, как говнюк, могу спорить, — сказала Сильвия, поворачиваясь к Сандре. — Так ведь?

— Ну, не знаю, как в постели, — задумчиво ответила Сандра, — мы ведь делали это в машине. И так быстро, что я ничего не запомнила...

— Вот-вот, это я и подразумевала.

— Прекрасно, — произнес Тед. На лбу его выступил пот. Он встал.

— Я ухожу. Вы все помешались. Я скажу им... — Он остановился и добавил вдруг с трогательной непоследовательностью:

— Я никогда не имел в виду того, что сказал о моей маме.

Он сделал глубокий вдох и продолжал:

— Ты можешь застрелить меня, Чарли. Но остановить меня ты не сможешь. Я ухожу.

Я поставил пистолет на предохранитель и ответил:

— Стрелять в тебя никто не собирается. Но позволь напомнить, Тед, что ты не выполнил свои обязанности подсудимого.

— Тоже верно, — согласился Дик и прежде, чем Тед подошел к двери, обогнал его и преградил ему путь. На лице Теда появилось выражение крайнего недоумения.

— Эй, Дик, что с тобой?

— Я тебе не Дик, сукин сын.

Тед замахнулся, чтобы ударить его, но Пэт и Джордж Янек тут же подскочили, схватив его за руки.

Сандра Кросс медленно встала и направилась к Теду. Она шла не торопясь, скромно опустив глаза, как девушка на деревенской дороге. Она приблизилась к Теду, подняла руку и дотронулась до воротничка его рубашки. Тед отдернулся, но Дик и Пэт крепко его держали. Сандра начала аккуратно отрывать пуговицы от его рубашки. Одну за другой. В мертвой тишине, наступившей в классе, были слышны лишь звуки падающих на пол пуговиц. Сандра распахнула Теду рубашку. Майки под ней не было. Кожа его была белой и гладкой, и Сандра сделала вид, будто собирается его поцеловать.

Тед плюнул ей в лицо.

Из-за плеча Сандры вырос Пиг Пэн.

— Эй, приятель, — оскалился он, — я ведь могу выдавить тебе глаза. Знаешь, как это делается? Сейчас покажу. Это совсем несложно.

— Отпустите! Чарли, прекрати этот цирк...

— Он всегда жульничает! — громко произнесла Сара Пастерн. — Он всегда подглядывает в мою тетрадь на уроках французского. Всегда.

Сандра все еще стояла перед Тедом, зловеще улыбаясь.

— А вот теперь смотри, — прошептал Билли Соьер. Он взял Теда сзади за волосы и резко дернул. Тед вскрикнул.

— И на стадионе, на беговой дорожке, он тоже мошенничает.

— Чарли, — обернулся ко мне Тед. — Пожалуйста. Он продолжал улыбаться, но глаза его были полны слез.

Сильвия медленно обошла вокруг него. Затем остальные ребята последовали ее примеру и медленно двинулись вокруг Теда. Это напоминало какой-то странный танец, показавшийся мне почти прекрасным. Звучали вопросы и обвинения, Ирма засовывала линейку Теду в штаны, Энн Лески терла ему переносицу ластиком. Рубашку с него сняли и

отбросили в угол. Корки пошарил в столе, нашел флакон черной туши и вылил Теду на голову. Ребята весело растирали чернила по волосам Теда. Он бормотал что-то бессвязное.

— Получай свою звезду, герой, — сказал Дик Кин, нанося мастерский удар коленом.

Тед вскрикнул. Глаза его полезли на лоб.

— Пожалуйста, Чарли... Он всхлипывал.

— Пожалуйста...

Нэнси Каски, скомкав тетрадную страницу, заткнула ему рот. Тед попробовал выплюнуть бумагу, но Сандра старательно затолкнула ее обратно, укоризненно сказав:

— А плеваться нехорошо.

Харман снял ботинок, потер его о перепачканные чернилами волосы Теда, затем прислонил подошву к его голой груди. Получился огромный черный след. Кэрол, аккуратно примерившись, наступила каблуком Теду на ногу и покрутилась на пятке. Что-то хрустнуло. Тед издавал какие-то странные звуки, но ничего нельзя было разобрать. Пиг Пэн ударил его в нос.

Наступила небольшая пауза. Я заметил, что опять держу пистолет дулом к себе, словно целюсь себе в голову. Я разрядил его и осторожно положил на стол миссис Андервуд. Прямо на ее тетрадь с планом урока. Хотя такое в ее план вряд ли входило.

Ребята улыбались. В это мгновение они казались мне прекрасными, как юные боги. Только Тед выглядел преотвратно. Чернила текли по его лицу, из носа шла кровь, взгляд был абсолютно безумен. Он тяжело дышал, изо рта торчала бумага.

Я подумал: «Мы должны были сделать это. Мы должны были идти до конца». И тогда они навалились на него.

Глава 31

Корки поднял шторы. Он сделал это быстро, резкими движениями. Я выглянул в окно. Теперь там были, казалось, сотни полицейских машин. Толпа выросла в несколько раз. Я зажмурился: глаза заболели от солнечного света.

— Пока, — сказал я.

— Пока, — ответила Сандра.

Все попрощались со мной прежде, чем уйти. Шаги в коридоре звучали странно, и я представил себе, закрыв глаза, гигантскую сороконожку, идущую по школьному холлу. Затем я выглянул в окно и увидел, как ребята идут уже по лужайке. Все-таки лужайка была хороша. Даже после всего случившегося. Последнее, что я запомнил, глядя на одноклассников — что руки их были измазаны черной тушью.

Копы окружили их плотным кольцом.

Один из репортеров, отбросив осторожность и увернувшись от трех копов, подбежал к ребятам.

Последней из дверей вышла Кэрол Гренджер. Мне показалось, что она обернулась, но точно сказать не могу. Филбрек флегматично двинулся к школе. Всюду сверкали вспышки фотоаппаратов. Оставалось мало времени. Я подошел к Теду, сидящему на полу возле доски, на которой были наклеены заметки «Математического Общества», никем никогда не читанные, несколько комиксов (верх совершенства, на вкус миссис Андервуд) и портрет Бертрана Рассела с изречением «Уже одна гравитация доказывает существование Бога». Думаю, сейчас любой школьник сказал бы старине Бертрану, что не так уж все просто с гравитацией, как ему казалось. Я присел на корточки рядом с Тедом и вытащил у него изо рта бумажный ком, отбросив его в сторону.

— Тед.

Он глядел мимо меня.

— Тед, — повторил я, мягко до него дотронувшись. Он отдернулся, бешено завращая глазами.

— Тебе станет лучше, — произнес я, — и ты забудешь этот день, как кошмарный сон.

Тед издавал нечленораздельные звуки.

— Или нет. Ты запомнишь этот день, и он изменит тебя, ты станешь другим человеком,

Тед. Как тебе эта мысль? Кажется невозможной?

Так и было, для нас обоих. Я начинал нервничать. Звонок внутренней связи. Это был Филбрек, снова пыхтящий как паровоз.

— Деккер?

— Да.

— Выходи с поднятыми руками.
Я вздохнул.
— Иди сюда, Филбрек, и сам меня заberi. Я чертовски устал. У меня раскалывается голова.
— Прекрасно, — жестко произнес он, — я могу помочь тебе ее расколоть, это несложно.
— Не стоит.
Я поглядел на Теда. Тед не обращал на меня никакого внимания, взгляд его был обращен в пустоту.
— Ты забыл пересчитать заложников. Один по-прежнему здесь. Ему нехорошо. Мягко сказано.
— Кто? — голос Филбрека был по-прежнему воинственным.
— Тед Джонс.
— Что с ним?
— Сломан палец ноги.
— Ты лжешь.
— Ну разве я могу лгать, Филбрек, и тем осквернять нашу нежную дружбу? Долгое сопение.
— Иди сюда, — пригласил я. — Пистолет уже не заряжен. Он лежит на столе. Ты выведешь меня и расскажешь всем, как голыми руками взял опасного преступника. Возможно, даже в «Тайм» поместят твоё интервью.
Связь отключилась.
Я закрыл глаза и уронил голову на руки. Передо мной был серый цвет. Ничего, кроме серой пустоты. Никакого света. Без всякой причины я вдруг подумал о праздновании Нового года. Толпы людей собираются на площади, орут, когда в небе взрываются разноцветные шары салюта, и готовятся прожить очередные триста шестьдесят пять дней мирно и счастливо в этом лучшем из миров. Я часто думал, как ощущают себя эти люди. Что это значит, стать вдруг частью толпы, потерять свою индивидуальность. Не надеяться, что кто-нибудь услышит твой голос.
Я заплакал.
Филбрек переступил порог и уставился на Теда, затем перевел взгляд на меня.
— О Боже, что ты натворил? — начал он.
Я сделал вид, будто собираюсь схватить пистолет, и заорал:
— Вот что, вонючий коп!
Он выстрелил в меня трижды.

Глава 32

«В ПОРЯДКЕ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО ДЕЛУ ЧАРЛЬЗА ЭВЕРЕТТА ДЕККЕРА:

Заседание от 27 августа 1976 года рассмотрело обвинение Чарльза Деккера в преднамеренном убийстве Джона Даунза Вэнса и Джин Элис Андервуд. Пятью психиатрами штата было установлено, что в настоящее время Чарльз Эверетт Деккер не может отвечать за свои действия вследствие невменяемости. Решением суда он помещается в государственную клинику Огаста, где будет находиться до тех пор, пока не будет признан способным нести ответственность за свои действия.

*Настоящим удостоверяю:
Судья Самюэль К. Н. Деливни».*

Другими словами, пока рак на горе не свистнет, дети мои.

Глава 33

КОМУ: Рич Госсэи, административный корпус.

ОТ КОГО: доктор Андерсен.

Рич, я по-прежнему воздерживаюсь от применения к этому мальчику, Теду Джонсу, шоковой терапии. Хотя не могу объяснить даже себе причины такого решения. Назови это предчувствием. Конечно, объяснить такие вещи совету директоров или дяде Джонса, который оплачивает счета (довольно кругленькие, как и в любой частной клинике), я не могу. Если в следующие несколько недель

не последует улучшения, придется применить стандартную электрошоковую терапию, но я все еще не оставляю надежды добиться успеха с помощью традиционных химических препаратов. А также некоторых нетрадиционных. Я имею в виду синтетический мескалин и псилоцибин. Вилл Грин-бергер, насколько ты знаешь, весьма успешно применял эти галлюциногены в лечении кататонии.

Джонс — довольно странный случай. Боже, если бы мы могли знать наверняка, что происходило в тот критический день за закрытыми шторами. Диагноз не изменился, кататоническое состояние.

Остается только добавить, Рич, что я уже не питаю особых надежд на улучшение.

3 ноября 1976 года.

Глава 34

5 декабря 1976 года

Дорогой Чарли!

Мне сказали, что теперь тебе разрешают получать письма, и я тут же решил написать.

Возможно, ты обратил внимание на обратный адрес. Да, я теперь учусь в Бостоне. В Университете. Сильно халявлю, хотя в английском у меня серьезные успехи. К экзамену рекомендовали книгу «Почтальон звонит дважды», мне она показалась очень интересной, ты не читал? Я получил высший балл. И даже стал подумывать, что буду специализироваться на языке. Забавно, не правда ли? Возможно, твое влияние. У тебя всегда была светлая голова.

Перед отъездом из Пласервилля я видел твою маму. Она рассказала, что у тебя уже зажили раны. Я рад был это слышать. Еще она пожаловалась, что ты стал неразговорчив. Это на тебя не похоже, старик. Мир многое потеряет, если ты замолчишь и забьешься в угол, сдастся мне.

Дома я не был с тех пор, как началась учеба. Сандра Кросс недавно прислала письмо с новостями о наших одноклассниках. Попробую изложить их тебе, и надеюсь, что эти убудки, которые наверняка вскрывают всю твою почту, не подвергнут эту часть серьезной цензуре.

Сандра решила не поступать в колледж в этом году. Мне кажется, она ожидает, что случится что-нибудь из ряда вон выходящее. Знаешь, я пару раз приглашал ее на вечеринки летом, но между нами ничего не было, она держалась очень отстраненно. Она просила передать тебе привет. Так что привет тебе от Сандры.

Возможно, ты слышал, что случилось с Пиг Пэнном? Ну насчет него и Дика Кина? Никто не мог поверить...

(Дальнейший отрывок подвергнут цензуре во избежание негативного воздействия на психику пациента.) ...И никогда не скажешь, чего от людей ожидать.

Речь Кэрл Гренджер на прощальном собрании опубликовали в газете. Там было что-то о самосовершенствовании и цельности, куча подобной чепухи, я чуть не надорвался от смеха, когда читал.

Да, а Ирма Бейтц связалась с какими-то хиппи из Левистона. Они даже участвовали в демонстрации, когда в Портленд приезжал Доул, насчет предвыборной кампании. Ребят арестовали и выпустили, когда Доул улетел. Миссис Бейтц, наверное, не слишком довольна поведением дочери. Нет, ты можешь себе представить? Был бы ты здесь, Чарли, мы бы вместе посмеялись. Знаешь, мне тебя иногда чертовски не хватает.

Грейси Стэннор, эта милая крошка, собирается выходить замуж, и это тоже стало местной сенсацией. У меня в голове не укладывается... (Дальнейший отрывок подвергнут цензуре во избежание негативного воздействия на психику пациента.) ...Вот уж точно, никогда не знаешь, чего ожидать.

Вот, кажется, и все новости. Надеюсь, что они там с тобой хорошо обходятся, старик, и ты выйдешь из этой чертовой конторы довольно скоро. А если тебе позволят посещения, срочно сообщай мне, я буду первым в длинной очереди желающих нанести визит.

Знаешь, многие ребята вспоминают тебя, Чарли. Часто вспоминают.

Ладно, не грусти, старик. Всегда твой,

Джо.

Глава 35

Две недели у меня не было дурных снов. Я собрал множество мозаичных картинок. Мне дают заварной крем, я давлуюсь им, но ем. Терпеть не могу заварной крем, а они думают, я люблю его. Значит, у меня опять появился секрет. Приятно все же, когда есть своя маленькая тайна.

Мамочка прислала мне учебник. Я еще даже не разрезал страницы, но на следующей неделе, возможно, смогу открыть книгу. Возможно, буду смотреть на эти страницы без содрогания. Как только я смогу поверить, что на их руках больше нет чернильных пятен. Что у них чистые руки. Возможно, на следующей неделе... А насчет заварного крема: мелочь, а приятно. Тайна улучшает мое настроение. Я снова чувствую себя человеком.

Вот и все. Пора выключать свет. Спокойной ночи.

Автор: king stephen

Название: RAGE [Читать книгу on-line](#)

Авторское название «GETTING IT ON».

Жанр: Ужасы

Год издания: 1977

Кинг Стивен – Ярость

[Тут можно слушать бесплатно Кинг Стивен – Ярость.](#) Исполнитель: SPAQS,

Роман "Ярость" вышел в 1977 году. Написан он был еще в середине 60-х, но не был тогда опубликован. К 1977 Кинг уже опубликовал "Кэрри", "Жребий" и "Сияние". В общем, стал автором, которому не приходится обивать пороги издательств. Скорее, наоборот.

Вот тут и пригодилась "Ярость". Ее согласились напечатать, но Кинг решил сделать это под псевдонимом Ричард Бахман - это был первый раз, когда Кинг его использовал. К середине 80-х тайна псевдонима была раскрыта и роман неоднократно переиздавался уже под настоящим именем писателя.

В "Ярости" рассказывалось о том, как школьник Чарли принес в школу пистолет и захватил в заложники свой класс.

К сожалению, в Америке есть две национальные особенности, которые были связаны с "Яростью". Первая - тамошние школьники иногда устраивают пальбу в школах. Вторая - тамошние родители никогда не признаются в том, что воспитали ребенка-отморозка. Всегда виноват кто-то другой. Это хэви-метал виноват, что наш сын порезал на куски свою подругу. Это компьютерные игры виноваты, что наш сын перестрелял

одноклассников. Мы хорошо воспитывали сына, но однажды он взял в руки эту книгу... Понятно, что сюжет "Ярости" стал настоящим подарком для репортеров, полицейских, психологов и родителей отморожков. При любом кипише книга извлекалась из кладовки и ей настойчиво тыкали в камеру.

1988. Сан-Гебриел. Школьник Джефффри пришел в школу с винтовкой и захватил заложников. Его скрутили и посадили на 5 лет. Некий друг Джефффри очень удачно вспомнил, что "Ярость" была любимым романом "террориста".

В 1989 году в Кентукки школьник Дастин приперся в школу с ружьем и пистолетами. Полиция с ним 9 часов общалась, затем арестовала. Дома у Дастина нашли книгу Кинга-Бахмана.

В 1993 году был еще школьник Скотт, убивший учительницу. И до этого он читал "Ярость". В 1996 году был Барри, убивший троих в школе. Свидетели "вспомнили", что Барри цитировал "Ярость". Позже это опровергли, но о связи Барри и "Ярости" кричали из каждого утюга, а опровержение напечатали в "Вестнике Буфорда" (самый маленький город в Америке - население: 1 человек) на 27 странице.

И финальный штрих. 1997 год. 14-летний Майкл в Кентуки открыл стрельбу в школе и убил троих. У Майкла опять же нашли экземпляр "Ярости". И понеслось. То, что у Кинга суммарный тираж книг в сотни миллионов экземпляров и что его романы можно найти в каждом втором доме в США - никого особо не волновало.

Кингу тогда это окончательно надоело и он попросил издателя больше не переиздавать "Ярость". Он может себе это позволить - он автор десятков бестселлеров, одна книга для него ничего не решает. Это не Джоан Роулинг, чье финансовое благополучие зиждется только на Гарри Поттере и, если что, за него будут стоять насмерть.

"Ярость" исчезла из продажи в США. В некоторых странах она еще печаталась какое-то время, но по мере истечения прав на публикацию, роман исчезал из продажи и там. Совсем некоторые страны печатают роман до сих пор, но это совсем пиратские издания.

В России в начале нулевых стали очень принципиальными с правами. Пиратские 90-е кончились. АСТ еще какое-то время печатал роман, но и у него со временем права закончились. Последнее издание "Ярости" вышло в 2006 году. Напоследок, АСТ напечатал его большим тиражем (по сравнению с остальными допечатками Кинга) - 15 тысяч экземпляров. Чтобы хватило на подольше. Но со временем закончился и этот тираж. Так что если увидите у букинистов "Ярость" - берите, больше она в России издаваться не будет.

С уважением, Некий aka Мурзилка

дневник мой по прежнему тут - <http://www.liveinternet.ru/users/651528/>

моя страница в ВК - <http://vk.com/murliru>

канал на Ютубе - <https://www.youtube.com/user/MurMurzilka> < - > Мурзилка aka

Я на мордокниге - <https://www.facebook.com/SantaMurzilka>

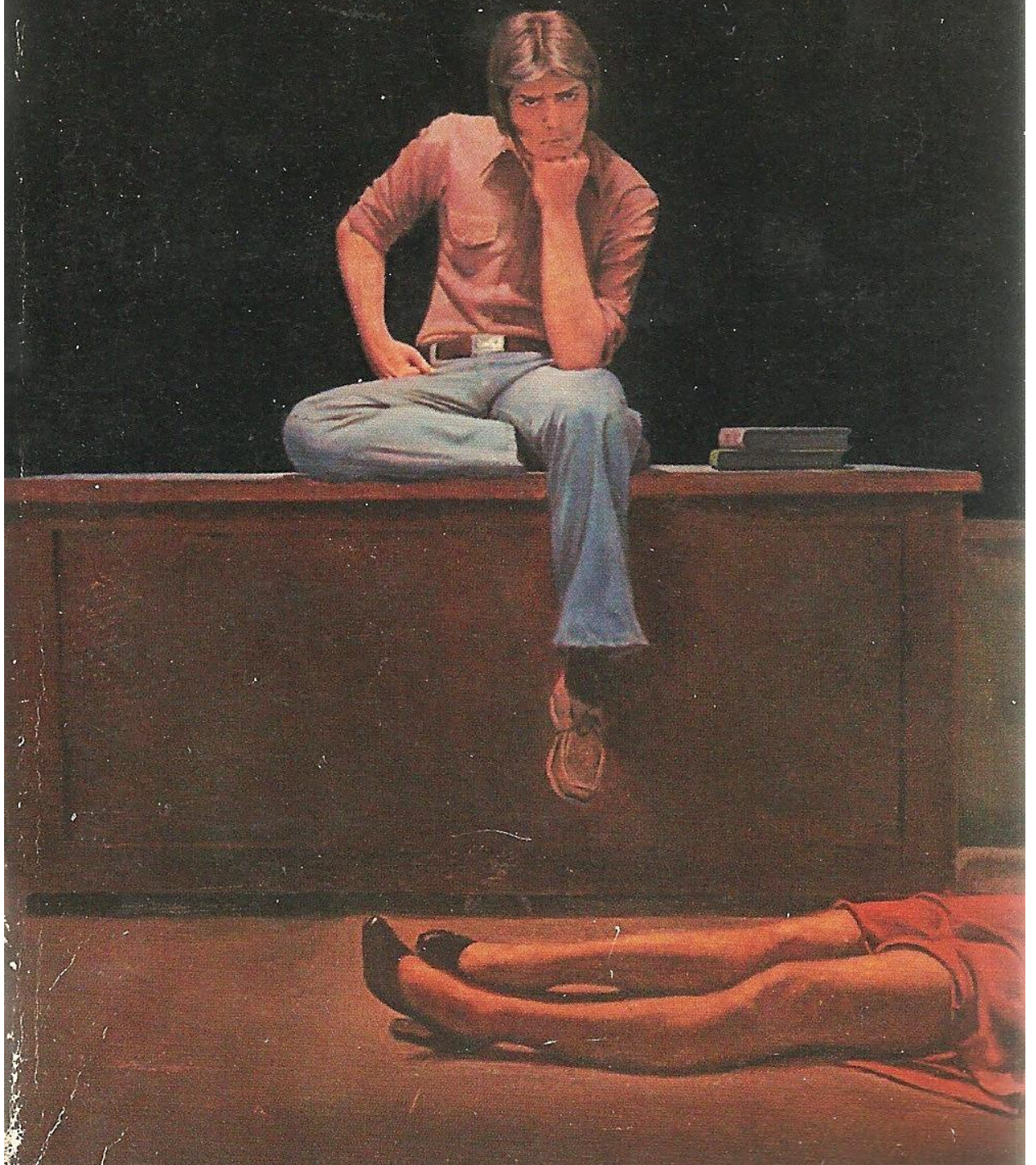
в Одноглазниках - <http://ok.ru/profile/66785031557/>

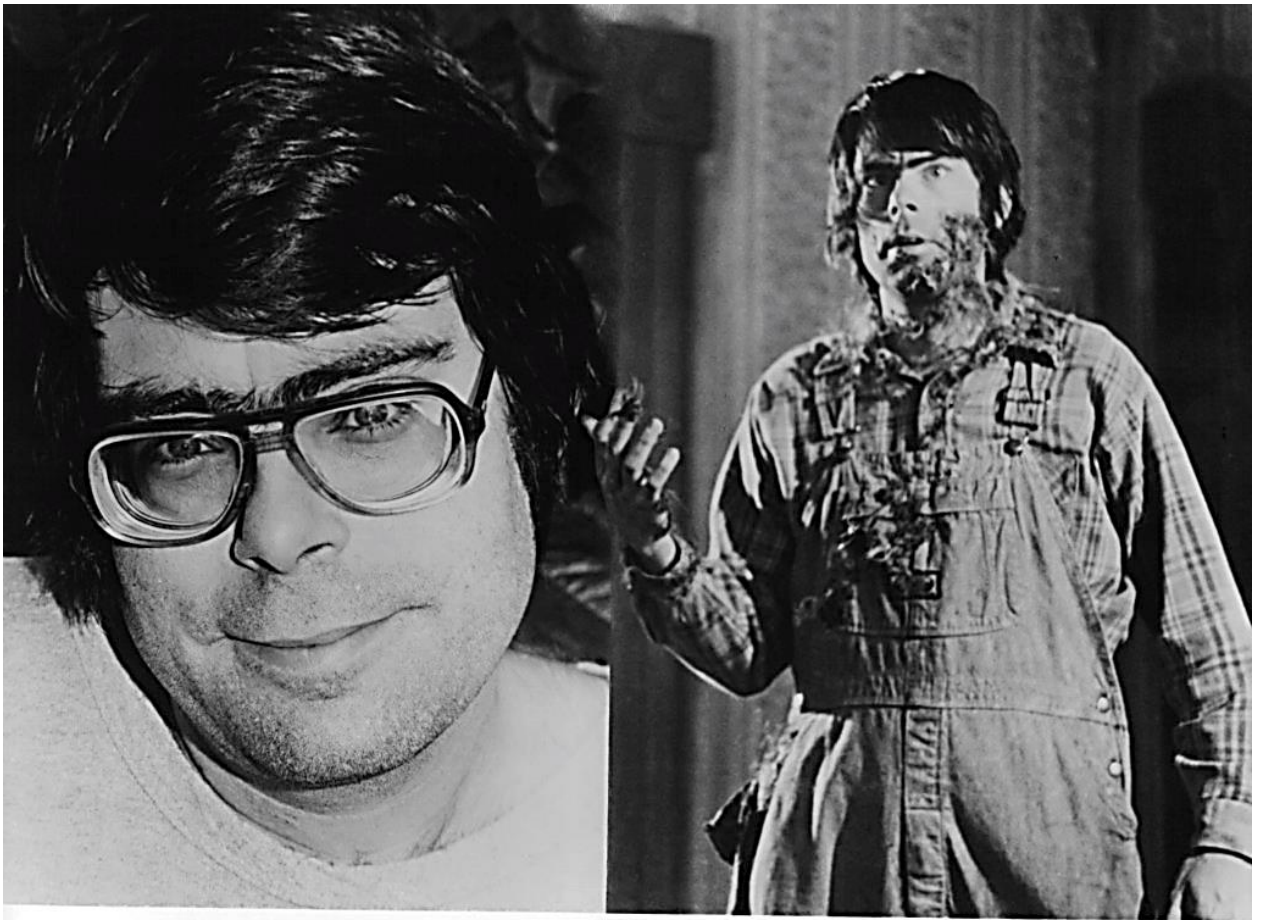
и Santa_murzilka - в инстаграмм ;) https://www.instagram.com/santa_murzilka/

RAGE

A NOVEL BY
RICHARD BACHMAN

HIS TWISTED MIND TURNED
A QUIET CLASSROOM INTO A
DANGEROUS WORLD OF TERROR.

DOUBLE DEBUT — Best-selling author Stephen King makes his debut as both actor and screenwriter on "CREEPSHOW," the new Warner Bros. release directed by George Romero.
COPYRIGHT © 1982 WARNER BROS. INC.

PRINTED IN U.S.A.

BK-602

